

Σόλων

Владимир Горохов

Законодатель

Том 2. От Анахарсиса
до Танатоса

ИП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"

Московская городская организация

Союза писателей России

Владимир Горохов

**Законодатель. Том 2. От
Анахарсиса до Танатоса**

«Издательские решения»

Горохов В.

Законодатель. Том 2. От Анахарсиса до Танатоса / В. Горохов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-79-490738-4

«ЗАКОНОДАТЕЛЬ» — уникальная книга, основанная на реальных исторических фактах, посвящённая жизни и деятельности выдающегося законодателя, политика, реформатора, мудреца и поэта Древней Греции Солона (640—559 гг. до н.э.). Книга представляет значительный интерес как для профессиональных политиков, философов, юристов, политологов, культурологов, так и для широкого круга читателей. Погрузитесь в увлекательное путешествие по эпохе Солона, чтобы совершить впечатляющие открытия и познать самого себя!

ISBN 978-5-79-490738-4

© Горохов В.
© Издательские решения

Содержание

Книга о мудрейшем из мудрецов и величайшем законодателе	6
ГЛАВА V. ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ	6
~1~	6
~2~	15
~3~	30
~4~	33
~5~	47
~6~	61
~7~	66
~8~	72
~9~	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Законодатель

Том 2. От Анахарсиса до Танатоса

Владимир Горохов

НП «Литературная Республика»

Благодарности:

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Курочкин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Дондупова С.Ж.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 16+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Sans 9 Prose

ISBN (т.2) 978-5-7949-0738-4

ISBN (многотомник) 978-5-7949-0740-7

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

Мы издаём книги

авторов, пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

© Владимир Горохов, 2020

ISBN 978-5-7949-0738-4 (т. 2)

ISBN 978-5-7949-0740-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга о мудрейшем из мудрецов и величайшем законодателе

ГЛАВА V. ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ

~1~

В самый разгар законодательной деятельности Солона в Афинах появился неожиданный и негаданный гость – скифский царевич по имени Анахара. На первый взгляд, в этом не было ничего удивительного и тем более значимого. Подумаешь, прибыл скифский наследник. В Афинах и не такие гости бывали. И знаменитые цари и фараоны и прославленные демосом тираны, а также мудрецы, поэты, архитекторы, ваятели, живописцы, известные жрецы, победители Олимпийских, Истмийских и Пифийских игр. Кто здесь за последние годы только не побывал, а тут какой-то сын варварского царя. Да и царевич ли он, вот в чём вопрос!? Мало ли что он о себе говорит. Несведущим людям можно представиться даже сыном Зевса, а не то, чтобы наследником дикого степного царства. Короче, если строго молвить, то новость невелика. Прибыл, так прибыл. Побудет здесь, погостит, посмотрит, послушает, что-то продаст, что-то купит, развлечётся и подастся восвояси в родные края или куда-то ещё в поисках удачи и счастья. Чего по этому поводу удивляться? Пустое.

Но, оказалось, не тут-то было, да и вовсе не пустое это событие. Всех эллинов поразила цель его приезда. Явился непрощенный гость в Афины за тем, зачем ещё никто из варваров сюда не путешествовал. Сказать даже не просто, во всяком случае, дивно – за эллинской мудростью направился Анахара в Аттику. За мудростью, в поисках истины и высоких знаний, видите ли, прибыл сюда молодой скиф. Вот такие-то непривычные для афинской жизни дела.

Прежде чем появиться в Афинах, царевич побывал во многих славных эллинских городах. Вёл беседы с разными людьми. Разговаривал с ними страстно, вдумчиво, цепко. От него, словно от клеща – не оторвёшься. И что удивительно откуда-то хорошо знает эллинский язык. Ионийским наречием владеет добротню. Во многих местах его принимали за эллина. Своего происхождения, между прочим, он не скрывал, правда, и не гордился им, как это часто водится у иных царевичей, а то и у простых людей. Кто-то из заумных милетян, узнав, что Анахара скиф, с пристрастием порицал сей народ, его обычаи и порядки, дикий образ жизни. Дескать, бывал я в ваших краях и видел сколь невежественная отсталая твоя страна, со страшными нравами и полудикими людьми. На что Анахара, искусно владея словом, тут же метко возразил:

– Мне позор моя родина, а ты – позор своей родине! Нравы у вас хорошие, да пользоваться ими ты не умеешь! То есть невоспитанный ты человек, ни за что обижаешь скифского гостя.

Впрочем, вёл он себя не как гость, а как настоящий хозяин. Многие собеседники побаивались его, попробуй с таким совладать. На одно их слово он отвечал пятью словами, да такими, что многим становилось не по себе.

В Милет занесло его по той причине, что город сей славился своими знаниями и большой мудростью. Фалес – известнейший мудрец здесь проживал; именно он являлся главной целью прибытия скифа в Ионию. Но, к большому огорчению царевича, мудреца в Милете не оказалось. Он был в отъезде. Фалес часто путешествовал по своим мудрёным и торговым делам. И толком никто не знал, куда он в этот раз подался и надолго ли. Никому не было известно, когда знаток неба и Земли вернётся домой. Возможно, кто-то и знал, но не хотел об этом гово-

рить непрошеному гостю. Видать, не судьба ему свидеться сейчас со знаменитым мудрецом. Да-да, не судьба.

Между прочим, в судьбу Анахара верил. Верил в неё больше, нежели в кого-либо из богов. Ещё в ранней юности одна странная элинка напороочила ему славное будущее с печальным концом: «Весь мир будет знать тебя, если свяжешь свою жизнь с мудрейшими людьми. Но при любых обстоятельствах – тебя ждёт печальная участь».

Вначале юный царевич не придавал пророчеству никакого значения, но когда повзрослел, стал пронырливым, любопытным, размышляющим, то не раз вспоминал о нём и пытался понять его подлинный смысл. Многократные попытки найти ту самую элинку – благодатную и зловещую Кассандру в одном лице, что напороочила ему парадоксальное будущее, ни к чему не привели. Канула пророчица, словно в воду, и никто её больше не видел. Анахара сам пытался разобраться в предвещании. Начал с печального конца. «В этом, – сказал он самому себе, – нет никаких секретов, и никакие предсказания тут не нужны. Все люди рано или поздно уходят из жизни – вот тебе и печальный конец». А наступит ли смерть в пятьдесят, шестьдесят или семьдесят лет, для Анахары значения не имело. Тогда не имело. Главное не умереть в двадцатилетнем возрасте, когда ты ещё ничего интересного об окружающем мире не узнал и ничего значимого сам ещё не сотворил. Что касается первой части пророчества, то есть того, что весь мир тебя будет знать, то тоже вполне понятно. Сейчас – ты царевич, но со временем можешь стать царём. Можешь добиться значительных побед над врагами, завоевать почёт и славу, нажить огромные богатства, установить достойные порядки среди скифов. Само собой, и тут всё более-менее ясно. Но вот что касается средней части возвещанного, то есть того, если свяжешь свою жизнь с мудрыми людьми, то только тогда станешь знаменитым, то по этой части подлинный смысл сказанного никак не открывался царевичу. Анахара долго размышлял над этим и пришёл к выводу, что оно самое сложное, из всего, что было ему предсказано. Нет в Скифии известных мудрецов; ни известных, ни каких-либо других. Мудростью в скифских степях и не пахнет. Откуда ей взяться, и откуда могут появиться тут мудрецы, если в степях царят жестокие люди и жестокие нравы. Главная местная мудрость состоит в том, чтобы как-нибудь выжить. Да, главное выжить, ну ещё, может быть, местная мудрость проявляется в том, чтобы удержать власть, если она у тебя имеется. Ну, ещё не попасть в рабство, наконец, не умереть с голоду. Вот такие скифские премудрости, с которыми далеко не уедешь и не уйдёшь. Хотя и без них тоже не проживёшь.

Завёл как-то Анахара разговор с матерью на эту тему. Хотя прекрасно знал, что такая тема далеко не женская. Никогда ни о чём подобном с нею не беседовал, а тут разошёлся. Отца – Гнура и старшего брата – Савлия рядом не было, а мать была. Так почему бы не поговорить с матерью по волнующим его вопросам. Поговорить прямо, открыто, честно. Кому как не матери можно доверить кровное и тайное дело? Мать-то была не просто женщиной, а элинкой, и не просто элинкой, но афинянкой, ставшей по воле случая царицей. Она принадлежала к числу тех людей, которые когда-то попали в кабальное рабство. Обедневший отец-афинянин продал её элинам из Херсонеса, а те, в свою очередь, перепродали её скифскому царю Гнуру, который сделал девушку своей женой. Звали её по имени Анфия, что означало цветок. Она даже своим обликом напоминала цветок – была очень красивой, нежной, яркой, чистой. Между прочим Анфия являлась образованной женщиной; умела хорошо читать, писать, знала поэзию Гомера, Гесиода. Анахару она обучила ионийскому наречию, письму, чтению, счёту. И даже многие строки великих эллинских аэдов в устной форме поведала любимому сыну. Тот с большим интересом слушал чудесные сказания, осваивал эллинские духовные сокровища, явно преуспевая в этом деле. Анахара восхищённо, с трепетом в груди слушал древние мифы в её проникновенном пересказе. Геракл, Тесей, Персей, Аякс, Гектор, Одиссей, Менелай, Агамемнон не раз снились ему по ночам. К ним он относился как к прекрасной далёкой реальности, а не к человеческим грёзам. Он проникся мыслью изучить всё эллинское, как существу-

ющее, так и не существующее, как древнее, высочайшее, так и современное, повседневное. Изучить не кое-как, но овладеть в совершенстве. Втайне от всех, даже от матери, он принял решение стать эллином; эллином по знанию, по уму, по образованности, по состоянию духа. «Нельзя далее оставаться варваром», – говорил он самому себе.

Старший брат Анахары Савлий учиться не хотел. Оно и понятно, кто из скифов хочет учиться, тем более осваивать какой-то не понятный и не нужный эллинский язык. Далёкий язык далёкого народа. Пусть другие учатся и мучатся. Савлию такое ни к чему. Когда мать деликатно, но настойчиво побуждала его к занятиям, он во всеуслышанье кричал на неё:

– Если только мне твои эллины попадутся на поле боя – я порублю их в куски и без знания их языка.

– Не будь опрометчивым, сынок, – отвечала ему сдержанно Анфия, – эллины умеют воевать как никто другой. Причём воюют они и мечём, и словом. А ещё больше умом и духом. Их, скажу тебе как будущему царю, ещё никто не побеждал. И никакой силы они не боятся, а скифской и подавно. Так что прими мои слова к сведению. Между прочим, главное их оружие – слово. А по сему, знать эллинский язык, искусно им владеть – очень выгодно и сподручно. Всегда сгодится царственному мужу.

Как бы там ни было, учиться Савлий не стал. Старший царевич был убеждён, что в будущем, если не случится чего-то непредвиденного, то он, несомненно, станет царём, ведь он первый из сыновей. А для скифов царь – это и власть, и знание, и закон, и порядок, и мудрость, и религия, и всё остальное вместе взятое. Впрочем, если ему доведётся иметь дело с эллинами, то перевести его слова с одного языка на другой всегда найдётся кому. Невдалеке от Скифии живут те самые эллины – выходцы из Эллады, знающие множество языков, включая скифский язык.

Между прочим, когда в Аттике к власти пришёл Солон и издал свою знаменитую «Сисахфию», за Анфией приезжали представители афинских властей, чтобы выкупить её из рабства. Анфия оказалась между трёх огней. Афинами, где ещё живы были её родители, братья и сёстры. Мужем, который в принципе готов был отпустить её за пять талантов серебра, хотя относился к ней весьма благосклонно. И, конечно же, детьми, которых у Анфии было четверо. Кроме Савлия и Анахары у Гнура и Анфии было ещё две дочери, которых скифский царь, по понятным причинам, ни за какие деньги не мог отпустить вместе с женой в Афины. Сами они тоже, разумеется, не захотели бы ехать в неизвестную им страну. Ведь в Скифии они, как не говори, всё-таки царские дети, царевны, принцессы, а там – не более чем варвары. Да и кому они нужны в Афинах? Разве что на положении рабов или прислуги.

Анфия, будучи искушённой женщиной, ответила афинскому архонту, который за ней приезжал, что она не рабыня, а царица. Но потом тихо добавила, что большой разницы на сей счёт у скифов нет. Втайне от всех она мечтала о том, что хотя бы кто-то из её детей наведается в Афины, узнает, что там и как там, и приобщится ко всему эллинскому, трепетно родному для Анфии. А может, и ей когда-нибудь повезёт побывать в родных краях. Но это только мечты, высоколётные женские мечты и неисполнимые грёзы.

И вот, когда Анахара заговорил о мудрости и мудрецах, мать сразу же приободрилась, сообразила что к чему и нежно отозвалась своему сыну:

– Милый мой, объяснить тебе толком не могу. Это не женского ума дело. За таким надо держать путь в Элладу. В Афинах, рассказывают, сейчас правит величайший из мужей, искушённый политик, мудрый законодатель Солон. Тебе будет чему у него поучиться, если он, разумеется, захочет иметь дело со скифом. Впрочем, ты не только скиф, но и афинянин. Ты тоже имеешь право на Элладу, во всяком случае на её знания и мудрость. Если же Солон откажет тебе, то знай, живут мудрецы и в других эллинских государствах. Мудрость среди эллинов явление желанное, довольно распространённое. Но высокая мудрость, даже у эллинов – уникальна. У Солона она имеется, и ты получишь возможность с ней ознакомиться.

После душевной беседы с матерью Анахара стал наведываться в эллинские селения, расположенные у Понта Эвксинского. Царевич часто общался со многими знающими людьми, страстно разговаривал на разные темы, особенно с пожилыми мужами, выдавшими многое и многих в своей жизни. В спорах со стариками-эллинами Анахара настойчиво пытался выяснить, кто такие мудрецы, откуда они берутся и что такое мудрость. Те ему отвечали:

– Мудрость – это способность правильно рассматривать божественные и человеческие дела.

– Мудрость – это когда, не имея ничего – владеешь всем.

– Мудрость есть способность всё сложное объяснять просто и правильно.

– Мудрец – это тот, кто постоянно изучает мир, кто сам учится и учит других индивидов благой жизни.

– Мудрость – это способность не попадать в глупое положение.

– Мудрец – это тот, кто хорошо видит, правильно оценивает и толково объясняет происходящее, происходившее ранее и то, что будет происходить в будущем.

– На мир смотрим мы все, – спокойно осведомился пожилой эллин, – да что толку. Смотрим не так, видим не то, не замечаем главного. А уж о понимании, толковании и выводах и говорить нечего. Тут без мудрости не обойтись.

– Значит, у Солона-афинянина нет ничего, поэтому он мудрый? – ухмыльнулся царевич.

– У Солона-то как раз, наоборот, всё имеется. И деньги, и власть, и авторитет, и признание, и богатая родословная, и вдобавок он обладает недюжинной мудростью, – отвечали собеседники царевича. – А вот Эзоп – без роду, без племени, гол как сокол. Сказывают, у него нет даже приличной одежды, но мудрости у него в избытке. Правда и глупости тоже у сочинителя басен хватает. Мудрость ведь может соседствовать рядом с глупостью. Говорят – они соседки и чуть ли не сёстры. Так кажется нам, простым людям.

– А если я владею многим, – не унимался Анахара, – значит я мудрый?

– Это, смотря чем владеешь. Если золотом, кораблями, рабами, скотом, то ты всего-навсего лишь богатый, состоятельный. А мудрость – состоятельность иного порядка. Это тоже богатство, которое ничем не измерить и очень сложно оценить. Иначе говоря, мудрость – это богатство особого рода, это большое богатство, но не всякое большое богатство есть мудрость, далеко не всякое.

– Так откуда же берётся мудрость? – донимал скифский царевич стариков-эллинов. Те, сторбившись, пожимали плечами, долго раздумывали, покашливали, по-старчески кричали, в итоге гласили:

– Рождается мудрость, видимо, от божественных сил и большого личного усердия. Однако, как стать истинно мудрым человеком – не знаем. Откуда нам такое ведать? Наш разум не был рождён для науки. Как стать премудрыми, скорее всего, знают только сами мудрецы. Нас – простых торговцев, ремесленников, корабельщиков, нет смысла расспрашивать о столь сложном творении. Это всё равно, что глухого человека расспрашивать о пении соловья или звуках свирели, слепого – о красотах моря и леса. Мы ведь не мудрецы, а мудрецы – не мы, – иногда сердито ворчали ему старые эллины, которых он мучил заумными вопросами. – Наши рассказы мало что объясняют, а, возможно, ещё больше вносят сумятицы в твой юный разум. Лучше не пытай нас – и тебе, и нам станет спокойнее, – старались избавиться от назойливого царевича далёкие, по их понятиям, от мудрости старые эллины.

Один престарелый иониец, судя по всему, выходец из Афин, пристально глядя на царевича, так ему заявил:

– Ты, скиф, задаёшь явно не скифские вопросы. Это вопросы даже более чем эллинские. Это вечные вопросы. Ответы на них пока не найдены. Во всяком случае, я их не слышал. Однако в Элладе об этом принято говорить. И не просто говорить, но и обсуждать их, страстно

спорить, доказывать, опровергать. В Элладе этим увлекаются и даже наслаждаются. Эллада прародительница мудрости. Вот такие мы – эллины.

От своих собеседников Анахара узнал о том, что сейчас живут в Элладе такие мудрые и славные люди, как Солон, Фалес, Периандр, Питтак, Клеобул и некоторые другие мужи. Он понял, что названные мудрецы обладают обширными знаниями, глубоким умом, значительным жизненным опытом. Им подвластны секреты природы и государственной жизни. Они ведают многим из человеческой истории, её прошлого и даже будущего. Вот, дескать, юноша, садись на корабль и держи курс напрямик туда. Мы полагаем, что ты можешь надеяться на удачу.

Старики дали ему немало полезных советов, как плыть по морю, как читать морские карты, как ориентироваться по звёздам, как не попасться на уловки пиратов. Анахара сильно проник мыслью в их слова. Теперь его душа и разум были лишены покоя. Разузнав многое, Анахара в поисках мудрости решил покинуть родину и отправиться к берегам вожделенной Эллады.

Четыре года готовился царевич к тому, чтобы отправиться в рискованный поход за мудростью, в близкую по духу, но далёкую по местоположению эллинскую землю. Когда Анахара о своём желании учиться мудрости у эллинов решил оповестить отца, тот не задумываясь, возмущённо сокрушился:

– Ты наслушался разных сказаний, вымыслов, мифов. И, будучи юным, наивным, решил непонятно чему и непонятно у кого учиться. Подумай, зачем обучаться тому, что никогда тебе здесь не сгодится? Твои привязанности должны помогать скифам жить и выживать. Судя по всему, ты не любишь свой народ и не уважаешь себя! Как можно, так не любить себя?

Анахара, в свою очередь, возмущился словам родителя и пылко возразил:

– Неужели, царь, полагает, что скифы всегда будут сидеть в кибитках, не учась письму и грамоте, не строя городов и пристаней, не совершенствуя свою жалкую жизнь? Ты думаешь, что наши трудности разрешатся сами по себе? Или за нас потрудятся небеса? Сомневаюсь! Мы и так отстали от других народов на многие века! А что касается нелюбви к себе, как выразился ты, то отвечу тебе, дорогой родитель, так. Человек, который любит или хотя бы уважает себя – стремится к знанию, к мудрости, ко всему доброму, значимому, светлому. А нелюбящий себя индивид – прозябает во тьме и бессловии. Он не живёт, а всю жизнь и ежедневно страдает и умирает, умирает и страдает, на худой конец претерпевает. Порою даже не осознавая этого. А я так жить не хочу и уже не могу.

Конечно, Гнур не мог не знать, как живут эллины, вавилоняне, египтяне, финикийцы и другие народы. Да и жена-афинянка ему о многих сторонах и секретах эллинской жизни рассказывала в подробностях, тем самым косвенно побуждала к переменам. Но царь то ли боялся, то ли не решался за них браться. Косность – страшная сила, а косность скифов вообще неподъёмна и непреодолима, так полагал Гнур. Он убедил себя в том, что своих соотечественников никак и ничем уже не изменишь и что та самая жалкая прозябающая жизнь, «жизнь в кибитках», которую они ведут, и есть их страшный, но истинный удел. Скифский царь понимал, что основательные перемены слишком опасны и могут привести к непредсказуемым последствиям, как для него, так и для его народа. Однако пылкие слова младшего сына больно затронули глубинные струны царской души. Поразмыслив несколько мгновений, он, вдруг, неожиданно для Анахары, вполне доброжелательно, но в сердцах фыркнул:

– Впрочем, царь не может отказать своему сыну в благородной просьбе! Царевичу позволено больше, нежели всем остальным соплеменникам. Раз надумал – так плыви к своим эллинам. Но имей в виду – ты рискуешь жизнью и душевным спокойствием. Ибо тот, кто долго общается с эллинами никогда не останется прежним. Он обрекает себя на тяжёлые душевные муки и даже на потерю самого себя, себя прежнего. Знай, что из скифа эллин может полу-

читься, но из эллина ты уже никогда не сделаешься скифом. Так что прощай скиф-Анахара и здравствуй Анахара-эллин!

К «своим» было сказано царём неспроста. Гнур прекрасно видел, что его младший сын скорее эллин, нежели скиф. В его характере явно преобладали эллинские черты. Сильные и славные черты эллинского народа – любопытство, настойчивость, непоседливость, состязательность, воля. А ещё в нём преобладали открытость, доброжелательность, критичность, меткость слова, смелость, любовь к знанию и прекрасному. Царский сын проявлял их каждый день и каждый час. Причём, по мере взросления, всё больше и больше. Он на глазах скифского царя становился эллином, как это не парадоксально звучит.

Анахаре, вместе с матерью, удалось уговорить Гнура, чтобы тот купил ему небольшой корабль. Этому событию также поспособствовал и брат Савлий, отдавший свои небольшие сокровища для такого нужного дела. Однако руководствовался он вовсе не искренними братскими чувствами, а надеждой на то, что Анахара навсегда покинет Скифию, а то и сгинет где-нибудь в морской пучине или в объятиях пиратов, разбойников. Следовательно, не будет конкурента в борьбе за царский престол. Состояние души матери было двойственным. С одной стороны, оно радостно, что любимый сын направляется в родные края. Пусть хоть он погостит в Афинах, наведается к родственникам, преуспеет в постижении аттических премудростей и ощутит себя эллином. А, с другой стороны, кто его знает, как оно всё может сложиться. Дорога дальняя, опасная, для него неизведанная. Анахара ещё молод, неопытен, страстен душою, горяч разумом; всякое может случиться, о, не допустят этого эллинские и скифские боги. Прощаясь с сыном, Анфия тихо сказала ему:

– Пусть охраняют тебя Зевс, Посейдон и Афина, а также скифские боги – Папай, Апи, Тагимасада, Ойтосир. Да не обойдёт тебя стороной удача, и обойдут стороной болезни. Пусть разум твой будет стойким и благорассудным. Не забывай про нас и про Скифию. Ей мудрые люди нужны больше, чем Элладе.

Гнур на прощанье бросил всего лишь две фразы:

– Нельзя царевичу опускаться до того, чтобы долго учиться у каких-то мудрецов. Мы сами учителя, учителя всего и всех, и ждём твоего быстрого возвращения!

И вот, будучи двадцати двух лет отроду, попрощавшись с родными, в сопровождении четырёх здоровенных скифских мужей Анахара вышел под парусом в Понт Эвксинский, успешно преодолел его, вошел во Внутреннее море и так вполне сносно добрался до Милета. Моря он страшно боялся, плавать не умел и при первом же небольшом шторме прятался в самые, как ему казалось, надёжные корабельные уголки. Именно в эти моменты царевич отчётливо осознавал, что у него начинается новая, совершенно иная жизнь. В ней ежедневно, а возможно, и ежечасно придётся делать выбор между кем-то и кем-то, чем-то и чем-то. Ему теперь придётся всё решать самому. За спиной нет ни отца, ни матери, ни старшего брата, ни друзей, ни скифского народа. Но, возможно, это и к лучшему. Теперь ты свободен в своих мыслях и поступках. Но свободу надо использовать разумно, с пользой.

Пробыв в Милете около месяца, так и не дождавшись Фалеса, он решил направиться в соседний Эфес. Тут ему понравилось не меньше, нежели в Милете, и он провёл здесь ещё больше времени, нежели на родине Фалеса. В Эфесе скифский царевич узнал немало подробностей о том, кто такие Солон Афинский, Фалес Милетский, Биант Приенский, Питтак Митиленский, Клеобул Линдский, Периандр Коринфский, Хилон Спартанский. Из бесед с разными людьми он уяснил для себя, что самый мудрый из них, несомненно, Солон. Следовательно, учиться мудрости целесообразнее у него. Но потом вдруг ему пришла на ум отягчающая мысль, что если Солон и согласится взять его в ученики, то только при условии, что он уже кое-что знает и прибыл не с пустой головой. И поэтому с Эфеса, вместо того, чтобы плыть напрямик в Афины, он взял курс на Приену, где правил Биант – один из авторитетнейших мудрецов того времени. Биант принял скифского царевича благосклонно, похвалив его хороший эллин-

ский язык, позволив ему в любое время захаживать к себе в гости и общаться с гражданами Приен. Анахаре особо запомнилась мысль Бианта о том, что нельзя заигрывать с большинством народа, что большинство – это зло. А от зла мудрецу необходимо держаться подальше. Чтобы не совершать ошибок, необходимо внимательно прислушиваться к мнению мыслящих мудрых мужей. Приенский правитель несколько раз настойчиво повторял: «Слушай побольше мудрых». Таковыми он назвал Солона, Клеобула, Питтака, Фалеса, Периандра.

Пробыв около трёх месяцев у Бианта, Анахара направился к Питтаку в Митилены. И здесь его приняли вполне достойно. Он участвовал в беседах, застольях, различного рода игрищах. Но, главным образом, он учился. На вопрос Питтака, каков у гостя интерес к Элладе, тот ответил:

– Интересуюсь всем, что может стодиться мне и скифскому народу.

Затем он направился на остров Родос, в город Линд, к местному правителю и мудрецу Клеобулу. Тот был человеком высочайшей образованности – знал несколько языков, в том числе египетский, иудейский, ассирийский, финикийский. Он обладал хорошими познаниями природы, увлекался поэзией, знал едва ли не всего Гомера и Гесиода. Двухмесячное пребывание в Линде принесло несомненную пользу любопытному скифскому царевичу. И вот тут-то он впервые, как ему показалось, начал приближаться к пониманию того, что есть мудрость. Он понял, сколь необходимы для человека различные знания, к тому же разные по одному и тому же вопросу. Причём знания не просто заученные, а освоенные, продуманные, аргументированные и в то же время позволяющие сомневаться.

После Линда скиф находился в раздумьях, куда ему плыть далее; то ли в Спарту – к Хилону, то ли в Коринф – к Периандру, то ли сразу в Афины – к Солону. Всё-таки решил направиться в Коринф. Уж больно много всякого говорили о Периандре. К тому же здесь в это время имел пристанище Эзоп. Сразу увидеть двух таких незаурядных людей – значит, многое узнать и прочувствовать.

Периандр, будучи рад такому визиту, устроил царевичу едва ли не царский приём. Пусть скифы знают, сколь щедр коринфский властитель. Он немедленно спросил, надолго ли гость прибыл сюда, или может навсегда. Тут же предложил ему обосноваться в Коринфе, дабы наслаждаться жизнью, спокойствием и благополучием.

– Говори же скорей, царевич, иначе потом будет поздно! – воскликнул Периандр, – я сейчас добрый и приму нужные решения!

Но видя, что Анахара не горит желанием быть его заложником, оставил этот разговор до лучшего времени. Пусть осмотрится, вникнет во всё, а там вдруг передумает. Тут же, не давая скифу опомниться и собраться с мыслями, начал выведывать у него, кем и чем он интересуется, чем увлекается, к чему стремится. Когда узнал, что главная цель путешествия Анахары в Элладу – знания, мудрость, то громко и радостно расхохотавшись, с большим вдохновением сказал:

– В самый раз, в самый раз! Ты царевич прибыл по назначению. Мудрости у нас в избытке. Один Эзоп чего стоит, не говоря уже обо мне. Узнаешь во мне друга. Мудрость Периандра царевичу пригодится всегда, особенно тогда, когда станешь царём.

– Владыкой Скифии я не стану, – совершенно спокойно возразил Анахара, – у меня есть старший брат. Он является наследником.

– Только один старший брат, или сколько их там у тебя?

– Брат только один, но он старше меня. Имею ещё две сестры.

О! – весело бушевал Периандр, – с твоим старшим братом может произойти, что угодно: внезапно умер, погиб на охоте, съели волки, утонул в реке, поперхнулся пищей, вкусил что-то отравленное, лёг спать и не проснулся. Да мало ли что ещё с наследниками случается. А кроме сказанного в придворной жизни используются всякие хитрые уловки, козни, тёмные делишки, наконец, заговоры. Так что у тебя столько же возможностей стать царём, сколько и у него.

А может быть и больше, поскольку ты отсиживаешься за спиной брата. И, именно он, а не ты, в первую очередь, является мишенью для врагов вашего рода. Так что не огорчайся прежде времени, царевич. Главное, чтобы у тебя было стремление стать монархом. А всё остальное можно уладить и осуществить. Можно, при большом желании, тайно исправить оплошность природы в отношении первородства наследника скифского царства. Знай, чаще всего власти достигает не тот, кто её ждёт, а тот, кто за неё борется.

– Я не такой, – сказал тихо Анахара, – на подобного рода шаги, на которые ты намекаешь, я не способен пойти и никогда не пойду. Не пойду ни при каких обстоятельствах.

– Все мы «не такие!» – с пристрастием произнёс тиран. – «Все не хотим власти!» Царевич, все к ней рвутся, все о ней мечтают, только многие делают вид, что она им чужда. Враньё! Чистейшее лицемерие, хитрые уловки, лживая сдержанность – не более того. Все мужи сохнут по власти, все к ней стремятся, даже рвутся во дворцы власти, будь-то явно или скрыто, да не всем она достаётся. На всех желающих власти не хватит! Не всех власть принимает в свои объятия. Я того не скрываю, что без власти жить не могу. А Солон, к примеру, лицемерит, утверждает, что власть ему чужда. Я же открыто говорю, что власть для меня есть неизмеримое счастье. Только во власти любой муж ощущает себя самим собой. То есть значимым, сильным, умным, даже красивым. Власть – это всё! И богатство, и слава, и сила, и честь, и вседозволенность, и преклонение перед тобой подданных. Представляешь – это всё принадлежит тебе. Тебе одному! Ты один растворяешься во всём этом безудержном блаженстве! А если власть ко всему прочему ещё царская, то никаких пределов и опасений для властителя не существует. Было бы только желание царствовать, наслаждаться и упиваться царскими возможностями.

– Вот его-то, желания царствовать, у меня как раз и нет, – страстно ответил скиф. – Я имею соображения совершенно иного рода. Я хочу посвятить себя другому царству – царству мудрости, образованности и глубоких знаний, миру духовности, а не царству власти и насилия, или царству денег. К тому же у меня есть совесть и честь. Они не позволят мне нарушать вековые устои.

– У скифа есть совесть? – сначала удивился, потом рассмеялся тиран. – Да её нет даже у эллина, а не то, чтобы у варвара. А если она у кого-то и появляется, то это временное, случайное явление. Совесть относительна, а власть же – абсолютна всегда, по отношению ко всему и всем! Власть всегда преодолет или заглушит совесть, честь, добропорядочность и всё остальное из мира нравов! Она их всех одолеет, если пожелает.

– Это у кого как, – не согласился царевич. – Совесть и честь на лбу человека не начертаны. Они глубоко душевные, сердечные проявления. А сердце и душа всегда сокрыты, весьма глубоко спрятаны от обыденного ума. Поэтому нельзя говорить так, как ты судишь, обо всех людях. Не властью одною жив человек! И не только о ней он думает. Есть вещи важнее власти и политики. Жизнь – это не только властное поле, это необозримое море благих дел.

Периандр удивился скифским размышлениям. Не по годам зрел царевич. Да и на царевичей мало похож он. О том, о чём надлежит размышлять царю, совсем не думает. Рассуждает о возвышенном и высоком, о нравственном. Впрочем, кто его знает. Говорить прилюдно это одно, а таить замыслы – совершенно иное. Время покажет, кто он на самом деле и к чему в жизни стремится. Не скрытничает ли он здесь, в Коринфе. Не притворяется ли? Мало ли что может быть, в самом деле.

Периандр, привыкший к тому, что последнее слово всегда оставалось за ним, хотел было что-то возразить гостю. Но, внимательно посмотрев на Анахару, понял бесполезность собственных усилий. Во всяком случае, сейчас. Он даже от удивления улыбнулся, дескать, есть же такие люди. Но себе под нос тихо проворчал: «Повзрослеет – образумится. Мысль о царстве к нему вернётся, обязательно вернётся. От царства пока ещё никто не отказывался. Разве что только чужак Солон и его древний предок Кодр».

Находясь в Коринфе, Анахара познакомился с убийственной мудростью Эзопа, который то и дело ставил его в затруднительное положение, а иногда – попросту оставлял царевича в дураках, побуждая решать очень неприятные, а то и вовсе неразрешимые задачи. Он постоянно сравнивал скифа с ослами, мулами, навозными жуками, обезьянами. Эзоп ведь недолго любил царевичей. Тиранов любил, а царевичей – нет; считал их паразитами, ни на что не способными, кроме обжорства, и любострастия.

Едва ли не ежедневно беседовал скиф с Периандром о государственных делах и премудростях. Тот убеждал Анахару в достоинствах тирании и слабостях демократии. Говорил о том, что не может быть сильного государства без сильной личной власти. Короче, тирания, в представлении Периандра, есть самое большое благо для народа, хотя сам народ подобного не понимает и часто не признаёт тиранов. Но народ ведь и не должен понимать секретов властвования. Его, народа, задача – полностью подчиняться властителю. А ещё поклоняться ему, почитать его, наконец, любить его. Тиран – это ведь не царь. Он выше царя. Царю власть достаётся можно сказать ни за что, задарма, по наследству, просто падает на голову свыше. Тиран же достигает власти самостоятельно, положив на её алтарь все силы, разум, хитрость, коварство и даже свою семью и друзей. Следовательно, он достоин большего, нежели монарх. Тиран зарабатывал право на народную любовь, и народ не может не почитать его, в противном случае всё лишается смысла. И народ, не почитающий тирана, это не народ, а сброд, – так размышлял коринфский тиран.

Много чего такого разного, сложного и нелюбезного говорил скифу Периандр. Ему казалось, что наконец-то он нашёл достойного собеседника, который не только благодарно выслушает его, но и правильно поймёт многие тиранические премудрости, замыслы и тайны. Анахара что-то пытался мягко возражать, высказывать некие аргументы «против», но коринфянин его даже не слушал, просто забивал и заглушал своими идеями и помыслами, а главное – громким голосом. Он иногда, как норовистый жеребец, преодолевал все возражения скифа, даже не принимая их к сведению. Часто Периандр говорил самому себе, так как Анахара совсем его не слушал, а думал о своём.

Нельзя сказать, чтобы всё очень понравилось скифу у тирана, скорее даже наоборот – многое не понравилось. Но, как бы там ни было, время, проведённое в Коринфе, стало весьма полезным и поучительным. Много интересного и важного узнал скифский почитатель мудрости о делах политических, управленческих, государственных. Присмотрелся к тираническим способам правления. Понял, что надо делать, если попадаешь под власть таких людей, как Периандр. Его поразили масштаб холуйства, раболепия и двуличности придворной челяди. Пресмыкаясь, перед тираном словно твари, расточая ему в лицо дифирамбы, они, отойдя на сто шагов, посылали ему проклятия и желали его немедленной смерти. А главное – отлынивали от работы, от настоящего дела. Их любовь и преданность властителю были показными, крайне не надёжными, как и они сами.

Увидел и услышал он какова истинная, порой жестокая мудрость Эзопа. Но дружбы с Эзопом не вышло. Не подружился Анахарсис и Эзоп. Видимо потому, что оба они были слишком умны и остры на язык. Не хотели признавать приоритет друг друга по отношению к себе. А таким людям ужиться тяжело. К тому же родовое происхождение того и другого возвело между ними непреодолимую преграду. Она сохранилась до последних дней их жизни. Скиф познакомился со многими изгоями, которых приютил у себя Периандр. Это были поэты, архитекторы, живописцы, художники, бежавшие сюда по разным причинам. Прижились в Коринфе и те, кто не сумел поделить власть в своём отечестве и бежал от преследований конкурентов. Были и такие, которые приехали надолго погостить, а то и просто жить в этих краях. Коринф ведь благодатное место. Так или иначе, а разного народу во дворе и, особенно около двора Периандра ютилось немало. Коринфская казна ощущала всё это на себе.

Вот так незаметно и очень быстро прошёл год, с тех пор как скиф ступил на землю Эллады. Но до Афин – главной цели своего путешествия, мудрствующий царевич всё ещё не добрался. «Год прошёл, а я топчусь на месте, не достигнув пункта назначения», – недовольно говорил себе Анахара. Впрочем, подобное топтание было полезным. Такой год, какой случился у него, стоит иных двадцати лет, а то и всей жизни. Дав наказ самому себе, что, дескать «пора, поскольку Солон ждёт не дожждётся», он решительно и уверенно взял курс в Аттику.

~2~

В мудрствующие Афины, как и во все другие места, где он побывал ранее, царевич добрался благополучно. Видимо, морские боги благосклонно покровительствовали ему в этом деле. Прибыв в Пирей, прямо на пристани узнал, что в Афинах полным-полно скифов. Не свободных граждан, конечно, а рабов, но рабов преимущественно государственных, влиятельных в делах афинского полиса. Одни из них служили на таможне, другие были стражами, третьи – являлись сборщиками налогов. Это придало Анахаре дополнительные силы. Какие ни есть, но, всё-таки, свои сородичи. Те же, в свою очередь, узнав, что прибыл скифский царевич, тоже не остались равнодушными. Не то, чтобы испугались или вспыхнули любовью к нему, а просто заинтересовались, полюбопытствовали, ведь прибыл знаменитый соотечественник, а это само по себе интересно.

Дав необходимые распоряжение своим корабельным людям и взяв с собой одного из них, Анахара отправился с подарками на поиск родственников по материнской линии. С помощью Иеракса царевич довольно быстро их нашёл. Оказалось, большинство из них были живы. Дед, бабушка, дяди, тётки, двоюродные братья и сёстры, несмотря ни на что, выжили в тяжёлое для Афин время и теперь существовали вполне сносно. Все они полагали, что благодаря законам и реформам Солона их настоящая жизнь только начинается. Между прочим, все они принадлежали к филе Гелеонта, к которой принадлежал и сам Солон. Анахару сородичи встретили радостно. Как-никак сын Анфии, бедняжки Анфии, которую пришлось когда-то отдать в кабальное рабство и которую, будь оно неладное, перепродали скифскому царю. Конечно, стала царицей, хоть и варварской, но царицей, от чего можно и возгордиться. Ведь в их роду такого ещё никогда не было. Породниться с царями выпадает честь далеко не каждому афинянину и не только афинянину. А по сему, следует также немного гордиться. Вернее стесняться и гордиться. Стесняться потому, что продали Анфию, а гордиться – потому, что продали её очень удачно. Во всяком случае, так размышляли отец и братья Анфии.

Большинство родственников в основном были зевгитами, но среди них были и всадники, и феты. Вообще-то, люди весьма разные, но гостеприимные, любопытные, приятные, говорливые. Первым делом Анахара роздал всем подарки и познакомился с условиями их жизни. В первый же день он почувствовал себя здесь, как дома, даже лучше, нежели дома. Возникло такое ощущение, что у него ожили эллинские корни. А почему бы и нет, ведь он наполовину эллин, иониец, афинянин. Скифскому гостю выделили комнату в доме деда и предложили остаться здесь навсегда. А со временем, возможно, удастся и мать вернуть в Афины. Царевич не стал заглядывать так далеко, дескать, поживём – увидим. На вопрос, чем он собирается заняться в Афинах, он ответил, что хочет учиться тем вещам, которых нет в Скифии, но которые ей очень необходимы. Когда он сказал деду, что в качестве своего учителя видит Солона, тот стеснительно пожал плечами, намекая на занятость законодателя. Дескать, вряд ли у столь важного государственного мужа найдётся время для подобных дел. К тому же, всё-таки, Солон, не ровня нам.

Целую неделю Анахара изучал Афины, ознакомился с содержанием Солоновых законов, распознавал афинский государственный порядок и частный образ жизни людей. Всё ему очень нравилось. Он был в восторге от Аттики.

– Афины лучше всех известных мне государств, – говорил он деду и дяде.

Те соглашались, утвердительно качали головами, при этом мягко возражали:

– Возможно, где-то и лучше. Мы же не видели, как живут все народы. Но гневить богов не станем. Хорошо и надёжно теперь у нас. Что хорошо, то хорошо. Мы весьма довольны тем, что имеем. Хвала богам и Солону!

Дядя было заикнулся, что и в Коринфе, и в Приене, и в Милете люди живут ничуть не хуже. Но Анахара тут же резко возразил:

– Не говорите так, я посмотрелся на их жизнь и откровенно скажу, что Афины – несравненны. Здесь правят закон и народ. Здесь уважают и защищают индивида. А это – самое важное в жизни. Можно во многом нуждаться, но главное ощущать себя свободным, защищённым законом человеком. Важно ощущать себя гражданином. Никакие богатства не могут заменить свободу, человеческое достоинство и справедливый законный порядок! В Коринфе, который вы так хвалите, имеет место тиранический беспредел!

Родственники особо и не сопротивлялись его суждениям. «Пусть будет по-твоему, мы нисколько не супротив», – молча соглашались они.

Наконец, Анахара изо всех сил преодолевая себя, после долгих колебаний и сомнений решился навестить Солона. В один из дней, ближе к вечеру он подошёл к дому, где проживал законодатель и постучал в калитку. Из дома вышел Сах, посмотрел на царевича любопытствующе-ироничным взглядом и строго спросил:

– Кто такой и чего надо?

Анахара на одном дыхании выпалил:

– Передай Солону: скифский царевич Анахара хочет встретиться с афинским мудрецом и стать ему другом по мудрости!

Сах развернулся, вошёл в дом и всё в точности передал хозяину. Тот вначале изумился причине визита чужестранца, что-то недовольно буркнул, а про себя подумал: «Не много ли скифов? Со всех сторон они меня окружают. Саху полностью подчинено моё домашнее хозяйство. Иеракс – начальник афинской стражи. На таможне – более половины скифов. Сборщики налогов, едва ли не все скифы. А тут ещё и в сферу мудрости лезет скиф. Не стать бы мне их пленником или хуже того – самому бы не стать скифом!». Но главное недовольство объяснялось, разумеется, тем, что законодатель сейчас был сильно занят делами, и ему, откровенно говоря, было не до гостей, тем более непонятных и назойливых. Поэтому он, особо не утруждаясь, ответил Саху:

– Если он хочет иметь друзей, то пусть заводит их у себя дома, на родине.

И с этими словами вышел во двор вслед за рабом.

Сах, всё в точности передал Анахаре, который, и так расслышал сказанное Солонем. Но царевич был настойчив, не отчаялся и, увидев наконец-то вышедшего Солона, крикнул ему:

Ты как раз у себя на родине – так почему бы тебе не завести друга!

Солон рассмеялся и про себя подумал: «Настырный он такой, но умный, придётся с ним подружиться».

– Впусти его Сах, начну с ним дружить, – шутливо пригласил законодатель.

Анахара вошёл во двор, благоговейно посмотрел на Солона, поклонился ему и промолвил:

– Мечта моей жизни сбылась. Наконец-то я у тебя, мудрейший Солон. Искренне рад видеть и приветствовать столь выдающегося человека.

Солон скривился. Он не любил, когда ему раскланивались, сыпали дифирамбы, расшаркивались перед ним, тем более называли мудрейшим. И чтобы прекратить это словоблудие, он переспросил:

– Так что – тебя величают Анахарсис, или как ты там сказал?

Царевич хотел было исправить на Анахару, но ему так понравилось звучание его имени на эллинский манер, да ещё произнесённое великим человеком, что он несколько раз повторил:

– Да-да, я скиф Анахарсис, именно Анахарсис; – сын царя Гнура и афинянки Анфии. Между прочим, её отец, то есть мой дед, принадлежит к твоей филе.

– Из такой дальней дали ты прибыл? О, боги скифские! – воскликнул Солон. И сразу же подумал, что мало кого из этих богов он знает. Впрочем, ничего страшного. – Так ты едва ли не родственник мне! – радостно продолжал законодатель. – Заходи, заходи! А мать твоя та самая Анфия, за которую скифы требовали пять талантов серебра, потом и вовсе отказались возвращать её нам?

– Всё так, всё так. Папай – наш скифский Зевс, свидетель тому! – волнуясь, ответил застигнутый врасплох царевич, который о пяти талантах серебра ничего не слышал. И в его умных глазах блеснули слёзы. – Это она самая, – трепетно добавил он.

Солон подошёл к Анахарсису, слегка обнял его, затем отодвинул немного от себя, внимательно осмотрел его одежды, и бурно восхитился:

– Да тебя не отличишь от эллина! К тому же хорошо говоришь на ионийском наречии и носишь наши одежды, и афинская кровь в тебе течёт. Наш человек! Наш! Но всё-таки честно признайся, куда держишь путь и с чем пожаловал – в гости, проездом, случайно зашёл, любопытства ради прибыл, бежал от преследований, или какие-то другие цели имеются у тебя в отношении афинского государства и меня лично? Говори правду, не стесняйся, Анахарсис. Здесь только, я да твой бывший соотечественник Сах. Ему, как и мне, можно довериться во всём.

– Мудрейший Солон, – продолжая волноваться, говорил ставший Анахарсисом Анахара, – я прибыл в Афины, чтобы изучить ваши нравы и обычаи, а затем, став лучше, воротиться в Скифию. Я страстно желаю учиться всему мудрому, полезному. И хочу учиться у тебя. Прежде всего, у тебя, мудрец, – добавил он восхищённо глядя на Солона. – Возьмёшь меня своим учеником? Ведь ты мудрец, а мудрецы всё знают и понимают! Биант говорил мне, что надо слушать побольше мудрых мужей, в особенности тебя.

– Какой я мудрец, Анахарсис, тем более мудрейший из мудрых, если я взялся за такое сложное дело, как законодательство Афин и преобразование Аттики? Разве мудрецы берутся за такие дела? Мудрецы – это те мужи, которые ничего не делают, а только размышляют. Они задают вопросы, рассуждают, величественно беседуют, критикуют, сомневаются во всём, спорят, при этом пьют вино; вкушают разные блюда. Они свободны от всего и всех, ни за что не несут ответственности; как, например, Эзоп. Они лишь только поучают всех и наставляют в мудрости. Да и сама мудрость, как мне кажется, в чистом виде вряд ли существует, как, впрочем, и мудрецов в чистом виде, возможно, тоже нет. Разве что тот самый Эзоп.

Сказав это, Солон добродушно рассмеялся, пристально посмотрел в глаза скифу, покачал головой и продолжил:

– Оказывается, теперь ко мне будут приезжать по делам мудрости. Ну, что ж – очень интересно и любопытно. Весьма забавно. Жаль, что я об этом ничего не знал, а то сбежал бы из дому. Так ты полагаешь Анахарсис, что я могу стать тебе хорошим другом и учителем мудрости? Ты в этом уверен?

– Я на это, очень рассчитываю, мудрый Солон. Боле того, я в это искренне верю. Если не ты, то кто тогда может обучить меня секретам мудрости и тайнам эллинского образа жизни, знанию всех совершенных законов и начал.

– Ты не прав, Анахарсис. В Элладе мужей, способных это сделать, немало. Периандр любит учить, Питтак – такой же учитель. Клеобул не прочь мудрствовать и поучать, Биант из того же ряда мудрствующих людей. А Эзоп как любит поучать! Как он любит поучать всех, особенно царевичей. Знал бы ты, Анахарсис, Эзопа! Он – мыслитель и поэт, поэт и мыслитель. Он – большой человек! То есть по росту маленький, зато по делам большой! Ещё точнее – по словам большой. Почему бы тебе у названных мною мудрецов не поучиться?

– По счастью или по несчастью, Эзопа я уже знаю, – успокоившись, стеснительно сказал Анахарсис. И знаком со всеми теми учёными мужами, которых ты назвал. Очень интересные люди. Такие интересные, незабываемые!

– Особенно Эзоп, – улыбнулся Солон. – Эзоп интересен и неподражаем. Таких людей, как он, больше нет, – громко рассмеялся законодатель. – Каким тебе, царевич, видится сочинитель басен?

– В целом неплохой человек. Сочиняет умные басни, знает разные истории. Интересно рассуждает, хотя мыслит смутно. Его язык многим непонятен. У меня такое предчувствие, что он умышленно всё усложняет и утяжеляет. Но его помыслы поучительны, весьма поучительны. Ему, правда, немного не хватает сдержанности. Не скажу я, что у меня есть её избыток. Но Эзоп – это непробиваемая мощь. Нам с ним трудно сойтись во мнении и во всём остальном. Одной дороги на нас двоих будет мало. Мы не уместимся даже на одном поле.

Солон одобрительно посмотрел на Анахарсиса, сказав при этом:

– В отношении учительства – не знаю, не уверен, получится ли из меня учитель. Быть учителем мудрости, хорошим учителем, сложнее, нежели быть законодателем, правителем, а возможно, и Богом. Никто меня самого целенаправленно не учил мудрости, и я ей никого никогда не обучал. Для меня это дело новое, необычное и стеснительное. К тому же я не уверен, что являюсь мудрецом в высшем смысле этого слова. Я не более чем тот, кто любит мудрость и стремится к ней. Стремление к мудрости – одно из самых замечательных стремлений человека. Но любить и стремиться, вовсе не значит быть мудрым, почивать на лаврах мудрости. Так что всё здесь крайне сложно. Но быть достойным другом тебе обещаю и надеюсь на взаимность и дружбу с твоей стороны. Хотя точно знаю – дружба рождается постепенно и требует проверки временем и тяготами жизни. Но что собираешься, Анахарсис, делать ты, когда постигнешь секреты законодательства, тайны эллинской мудрости и мудрости как таковой вообще?

– Вернусь в Скифию, стану обучать мудрости наших юношей. Попробую передать знания широкому кругу людей. Возможно, создам школу. Подумаю о делах религиозных. О государственных делах тоже следовало бы побеспокоиться. Хотелось бы перенести совершенные эллинские законы и нравы на скифскую почву. Но главное – самому хочется стать лучше, чем я был, и жить достойно. Я, Солон, стремлюсь достичь духовного совершенства.

– Говорить о совершенстве наших законов пока рано, Анахарсис. Я вообще склонен считать, что создать совершенные законы невозможно. Во всяком случае, в наше время. Совершенного человека тоже сложно воспитать.

– Почему же, Солон? – в недоумении возразил скиф. – Едва ли не все эллины страстно твердят о великолепии твоих установлений. Многие грезят ими, мечтают о том, чтобы и в других государствах утвердились подобные законодательства.

– Мало ли что можно на словах утверждать, ради приличия. Это не более чем уличные или застольные разговоры. Дальше рассуждений и высокопарных слов дело не идёт. Тот, кто имел дело с законотворчеством, прекрасно понимает, что совершенных законов быть не может. Ибо есть законы и есть жизнь, и никак они не сходятся. Не может быть, полагаю я, совершенных установлений, хотя бы потому, что сама жизнь несовершенна. Она богаче и разнообразнее законов и никакими законами её не охватишь и не обременишь. Она сложнее, нежели мы её видим и понимаем. Очень сложна жизнь, царевич, как отдельного человека, так и сообщества людей. К тому же и наш разум ещё далёк от совершенства, чтобы создать такого рода

законы. Более того, современный человек пока не готов правильно воспринимать подобные проблески права. Он, к сожалению, живёт в сетях прошлого; мыслит прошлым, и чувства его обращены к прошлому. Людям предстоит ещё много работать над собой. Так что пока будем довольствоваться возможным, реальным, а не желаемым. Я буду безмерно рад, если афиняне построят собственную жизнь согласно действующим законам. Сделать это, Анахарсис, непросто. Непросто жить по законам. Легче жить во тьме беззакония, нежели в сиянии правопорядка и правосудия. Многие любят тьму и не хотят света. Во тьме ведь не видно, чем ты занимаешься и как ты живёшь. А свет законов побуждает всех жить правильно, справедливо, честно. К сожалению, многие до сих пор не поняли, что закон может обойтись без нас, а вот мы без него не обойдёмся.

Затем в разговоре между хозяином и гостем возникла пауза, после которой афинский мудрец сказал:

– Так вот, Анахарсис, по поводу учителей знай следующее. Лучший учитель тот, кто учится сам, а не только учит. Чтобы учить, необходимо самому многое знать, а чтобы знать – надо учиться. Но и это ещё полдела. Какими бы ни были учителя – мудрости, в том числе и государственной, человек учится сам; постигает её самостоятельно. Ни Фалес, ни Биант, ни Клеобул, ни Периандр, ни даже Эзоп, ни тем более я, не сделают тебя в ближайшее время мудрецом. Мы не демиурги-ремесленники, производящие мудрецов. Я даже не уверен в том, существует ли такое ремесло, как мудрец. А ты, как я вижу, хочешь меня сделать ремесленником по изготовлению мудрствующих индивидов. Люди постигают мудрость долго, упорно, напряжённо, мучительно, огорчительно. Они часто спотыкаются, отчаиваются, разочаровываются, порой ради этого – рискуют жизнью. Но непременно действуют сами. Они неизменно напрягают свой дух, против которого слаб даже меч. С мечом не попрёшь против духа. Учителя в этом деле не всегда нужны. А если они есть, то чаще всего наблюдают, слегка поправляют, иногда подсказывают, советуют. Всё, что имеет человек, он достигает, главным образом, благодаря собственному усердию и собственной воле. Да и все проблемы человека, которые при этом возникают, преимущественно в нём самом. Получаем ли мы удовольствие от знаний, общения, пищи, красивой одежды, вина, женщин – зависит от нас самих. Ведь это удовольствие присутствует внутри нас, порождается и осуществляется именно нами. Корни всех наших побед и всех наших поражений находятся в нас самих. Внешнее – это только небольшой соблазн, раздражитель внутреннего состояния, порою даже химерический и воображаемый. В глубинах своего разума я убеждён, что на мудреца не учатся. Нельзя стать мудрецом по научению и наущению. Здесь имеет место нечто более значимое и более важное, чего разъяснить я тебе сейчас пока не могу.

Солон умолк, вновь внимательно посмотрел на гостя, ожидая, что он что-либо скажет. Но тот сосредоточенно молчал. То ли не знал, что в этой ситуации следует говорить, то ли решил, что в данном случае молчание будет самым красноречивым ответом. Тогда Солон с чувством разочарования произнёс:

– Некоторые наивные люди полагают, что мудрецам всё ведомо, что они знают всё и обо всём, что они всезнайки. Но как горько они ошибаются! Истинно мудрствующий человек не знает даже того, что он скажет через мгновение, через час или через день. Ему гораздо больше неведомо, нежели ведомо. Простор его знаний мизерный, а простор незнаний воистину необозрим. И даже то, что на первый взгляд ему известно – он постоянно подвергает сомнению. А отсюда, можно предположить, – сомнение есть главное оружие мудреца, а возможно, и всей мудрости как таковой. Сомнение постоянно вызывает вопросы к другим и к самому себе. Вот этим чаще всего занимается мудрствующий человек. Он не столько обучает и отвечает, сколько сам интересуется, спрашивает, выведывает. Таким образом, Анахарсис, то, что называют мудростью, по всей видимости, соткано из противоречий, несогласованностей, из знания и незнания, ограниченности и безграничия, понятности и туманности, мыслимого и немисли-

мого, из огромного количества проблем. Отдельные лица даже полагают, что мудрость – это непонятность, заумность, сказанная для большинства.

Скиф, едва ли не открыв рот, слушал размышления афинянина. Много из услышанного им сейчас его удивило, даже поразило. Но главная неожиданность была впереди. Солон так представил её гостю:

– Теперь скажу тебе крайне важное из того, что я сам узнал. Не столь значимо быть мудрецом, сколь важно не быть невежей!

От этих слов Анахарсис едва ли не подпрыгнул, замахал руками и бурно возмутился:

– Ты, Солон-мудрец, утверждаешь, что не стать невежей важнее, чем быть мудрецом? Я не ослышался?

– Да! И не просто утверждаю, но и категорически на этом настаиваю! Готов за это положить свою жизнь. Знай, царевич, для любого человека важнее не делать глупостей в своей жизни, нежели совершать мудрые поступки. Что такое мудрая жизнь, не совсем ясно. А вот, что такое нормальная, добродетельная, честная жизнь – вполне понятно. Возможно, это и есть подлинная мудрость или хотя бы путь к ней.

Немного помолчав, афинский мудрец ждал ответных слов царевича. Но тот упорно безмолвствовал, как будто предчувствовал, что сейчас будет сказано нечто особо важное, возможно главное из того, что он уже слышал. И он не обманулся в своих предчувствиях. Солон совсем близко наклонился к лицу скифского царевича и почти шёпотом, медленно и загадочно произнёс:

– Прежде чем приступить к эллинской мудрости, как впрочем, и к любой другой, вот что прими к сведению, Анахарсис. Стать мудрым, вовсе не предполагает, что ты обязательно достигнешь подлинной мудрости и узнаешь достоверную истину. Ибо ни то ни другое людям неизвестно. Возможно, истина сама ищет достойных собеседников и собственных почитателей. К тому же ищет их не в Аттике, а в Египте, Лидии или Скифии. Скажем так – Анахарсис ищет истину и мудрость, а они ищут его. Но где они в действительности – неизвестно. А посему знай, жить в Афинах вовсе не значит, войти в царство мудрости и тем более построить его. Скорее, наоборот, – здесь можно основательно заблудиться и отчаяться, сильно разочароваться. Мне почему-то иногда кажется, что никто из простых смертных не войдёт в подлинный рай мудрости и никогда не построит его. Ибо строителей в тысячи раз меньше, чем разрушителей. Но всё же, я надеюсь, будут подвижники, которые станут на тяжкий путь этого строительства, невзирая ни на какие трудности и происки недоброжелателей. Хвала и честь таким людям!

Анахарсис, напрягшись до предела, слушал сокровенную речь афинянина, а Солон, видимо, решил «добить» его необычными суждениями:

– Скорее всего, ни я, ни ты, никогда не достигнем высшей мудрости и не откроем подлинной истины. Хотя сам её поиск тоже великое дело, необычайно интересная составляющая жизни. А ещё прими к сведению, любезный гость, – вкушивший даже небольшую частичку мудрости или соприкоснувшийся случайно с нею впредь покоя знать не будет. Никогда! Ты не ведал ранее бед, глубоких сомнений, тревожений и болезней души, а теперь будешь с ними жить, дружить и воевать. Ты обрекаешь себя на невероятно сложную работу. Возможно, даже на тяжкие муки. Ни дня, ни ночи отдохновения! Ни мгновения спокойствия! Ты себе этого сейчас представить не можешь. Ибо легко живётся простаку. И как тяжело живётся мудрствующему человеку. Оно тебе надо, царевич?! Ты готов к такому повороту в своей жизни?!

Анахарсис, не задумываясь ни на одно мгновение, сразу же в ответ положительно покачал головой. Солон то ли не заметил этих кивков, то ли сделал вид, что не видел. Он звучным голосом переспросил гостя:

– Так я спрашиваю тебя, скиф. Ты готов нести эту тяжелейшую эллинскую ношу? Настроен ли ты к небывало сложному повороту в своих воззрениях? Готов ли ты всю свою жизнь посвятить поиску истины и мудрости, а также самосовершенствованию? Сможешь ли ты

отказаться от многого, особенно, будучи царевичем? Способен ли ты изменить себя, поменять необозримые скифские степи на нечто непонятное и неопределённое, пусть даже и соблазнительное?

Анахарсис буквально отрезал:

– А почему бы и нет? Я согласен на всё, Солон! Я решился! Решился давно. Тем более, что я в шаге от своей мечты. Даже ещё ближе. Только ты способен разрешить все мои сомнения и духовные трудности. Теперь меня уже никто и ничто не остановит. Разве что только смерть. Её, не стану скрывать, боюсь больше, чем мудрости. Мне напророчена ужасная смерть.

– Не надо, любезный, бояться ни мудрости, ни смерти, – это божественные явления. Следует опасаться глупости и неразумной жизни, ибо они присущи исключительно человеку. К тому же, как мне известно, не все пророчества сбываются. И пророки ошибаются. Им тоже не всё ведомо. К сожалению, они ошибаются чаще в худшую сторону. Не очень-то верь пророчествам, особенно случайным. Такие пророки не знают даже о своей судьбе. Всё неведомо никому! Но знай, несмотря ни на что, мудрецы не жалуются на жизнь, не жалуются на судьбу, а наполняют её ярким светом и глубоким смыслом. Жить ради мудрости, знания, истины, жить ради их поиска – это достойнейшее занятие, которое придумали люди со времён появления человека. Хотя иным оно кажется сомнительным, наивным и бесперспективным делом. А некоторым – даже бездельем и глупостью. Однако люди имеют право так думать. Поскольку думать не запретишь никому.

После сказанного хозяин дома доброжелательно посмотрел на гостя, расплылся в широкой добродушной улыбке и одобрительно покачал головой. Он не мог не почувствовать, что с ним беседует достойный человек, молодой муж, обладающий незаурядными способностями и не преследующий каких-либо корысливых целей и злых умыслов. Такие встречаются крайне редко.

После этого непродолжительного разговора, состоявшегося во дворе, Солон дал указание прислуге приготовить добротный ужин, и они, усевшись вдвоём, долго беседовали с Анахарсисом на разные темы. Именно в этот вечер зародилась великая дружба между людьми, один из которых только начинал мудрствовать, а другой уже был известным мудрецом. Этой дружбе суждено было иметь место до последних дней жизни Анахарсиса.

Во время ужина афинский законодатель попробовал уяснить, что представляют собой познания Анахарсиса в области государственности, законов, экономики, проблем власти, этоса. Разумеется, очень многого скиф не знал и вовсе не понимал. Да и откуда он мог такое знать, ведь Скифия не Эллада. Она живёт другими представлениями и ценностями, являя из себя совершенно иной мир. Но, вместе с тем, были вещи и представления, которые Солон счёл добротнейшими и даже превосходными.

Анахарсис не по годам был развит, догадлив, нестандартен в суждениях. В своих мыслях и выражениях являлся человеком, чрезвычайно острым на язык. Он был открыт, честен. Всё, о чём говорилось вокруг, молодой царевич схватывал мгновенно, немедленно. Умел не только говорить, но и внимательно слушать. Правда, иногда торопился, забегал вперёд, но так ведь поступают почти все, кто хочет многое знать. Создавалась видимость, что скиф стремиться освоить всё и сразу. Ответы, на задаваемые ему вопросы, были интересными, довольно точными, самостоятельными и с чувством иронии, иногда весьма злой. Однако по большей части беседа сложилась так, что Солону самому пришлось отвечать на вопросы гостя, нежели спрашивать его. Вопросы молодого царевича были сложными. Афинский мудрец моментами сам ощущал себя учеником, а не учителем. Ему потребовалось невероятное напряжение всех своих способностей, дабы удовлетворить любопытство гостя.

На вопрос Анахарсиса: «Каков из себя мудрый человек?», Солон после долгих раздумий ответил:

– Кто такой мудрец, толком не знает никто. Ни один человек не ведаёт о том, каким он должен быть, как должен выглядеть, каким образом обязан себя вести. Нет на сей счёт ничьих прочных законов и предписаний. Не существует даже общего мнения. Одни полагают, что это разумный хозяин собственной жизни, другие утверждают, то это пастух людей, третьи настаивают на том, что это отшельник, четвёртые, что он не от мира сего и смотрит на всё свысока. Разные мнения на сей счёт высказывают эллины. Однако едва ли не все взрослые мужи об этом часто размышляют. То и дело говорят, спорят, судачат, даже иронизируют в этой связи. Так что не взыщи. Но чтобы тебя не разочаровывать, выскажу собственное суждение по этому вопросу, хотя отвечаю на него с большим затруднением. В самом первом приближении можно так помыслить – мудрый человек, это такой, который не знает усталости и не терпит смирения. Он порою сам не знает, чего он хочет или чего не желает. Это человек бескорыстный для себя. Замечено, что стремление к мудрости связано со стремлением к лучшему. Но, что такое лучшее – это тоже большой вопрос для каждого из нас. Как полагаю, мудрец – это, возможно, тот человек, который может познать, засомневаться, превзойти и преодолеть, прежде всего, самого себя.

– И в хорошем деле, и в плохом? – перебил суждение Солон скифский гость.

– Плохое дело к мудрости не относится. И даже не относится к делу. Мудрое – это доброе, честное, достойное, правильное, особое, совершенное, справедливое. Оно порой может выглядеть самым простым. Мудрое – это часто очевидное, сущее. Но такое очевидное, которое большинство почему-то не видит и не слышит. А то и вовсе не желает видеть и слышать. Мудрость – свойственна немногим. Большинство не понимает мудрости и нередко отвергает её. По непонятным причинам оно ищет чего-то большего, лучшего, а находит – худшее, нелюбимое и подчиняется ему. Однако, Анахарсис, я не исключаю того, что со временем может появиться и злая мудрость, направленная супротив людей. Подобное тоже нельзя исключать.

Анахарсис странно улыбнулся, его лицо выражало разочарование. Солон, несомненно, заметил это, и также улыбнулся, как бы подчёркивая: «Я же говорил тебе только что о тяготах познания мудрости, а ты не верил мне. Вот тебе начало. А сколько ещё впереди разочарований ожидают тебя».

Мысленно пожалев Анахарсиса, афинянин продолжил размышлять о мудром человеке:

– Что касается мудрого человека, то предположительно, это такой, который живёт простыми и очевидными истинами, видит, в чём смысл жизни, стремится к лучшему, к совершенству. Хотя, что такое совершенство, тоже не совсем ясно. И в этом вопросе нет единства взглядов и полной очевидности даже среди уважаемых мудрствующих мужей. Имей в виду, Анахарсис, что в одних вопросах можно находить мудрые решения, в других – весьма спорные, в третьих – неприемлемые, даже ошибочные. Любой человек далёк от совершенства. Разве что только боги мудры, однако, люди не видят их и божественную мудрость не постигают. А если что-то и постигают, то крайне ограниченно. Видимо, богам не до нас. У них своих проблем хватает. Но многие мудрствующие склонны считать, что мудрости земной не сравниться с мудростью небесной.

– А разве мудрствующие мужи бывали на небесах, что так утверждают?

– Из всех известных мне мужей никто там не был. Не были они так же и в Аиде. Тот, кто туда попал, назад не возвращается. Но не побывать там, это вовсе не значит, не знать, что там происходит, чем там занимаются, и что там ценят. О божественном люди уже немного наслышаны.

– Где искать мудреца, Солон? Как понять, что это мудрец?

– Мудрецов чаще всего ищут среди поэтов, законодателей, правителей, жрецов. Но мудрого человека можно обнаружить и среди ремесленников, корабельщиков, виноделов, пастухов, воинов, купцов и среди путников, идущих по пыльной дороге. Мудрец дремлет в каждом

индивиде, но не в каждом он просыпается. Чтобы понять, что тот или другой человек мудрый, надо самому быть немного мудрым.

– Следуют ли мудрым советам сами мудрецы. Всегда ли они почитают мудрость?

– На то она и мудрость, чтобы следовать ей и почитать её. Но строго следовать мудрости не удаётся никому. Ибо одно дело мудрость, иное дело – жизнь.

– Так ты говоришь, что мудрость можно увидеть; я не ослышался? – страстно спросил Анахарсис.

– Увидеть, разумеется, в некоторых проявлениях её можно, но главное – понять. Глаза это не тот орган, которым постигается и достигается мудрость. В этом вопросе предводитель разум и только разум.

– Что есть разум?

– Невероятно сложный вопрос, Анахарсис. В первом приближении под разумом можно понимать исключительную способность человеческого духа, направленную на познание окружающего нас мира. Кроме знания необходимо правильное понимание и объяснение увиденного и услышанного. Разум делает непонятное – понятным, недоступное – доступным, тёмное – светлым. Разум – это важнейшая тайна человеческой жизни, пока малодоступная мне.

Мудрость же есть высшая ступень разума в сочетании с опытом, позволяющая правильно понимать людей и вещи, а также правильно действовать в соответствии с познанным. Я уже говорил, что многие люди ищут мудрость, а мудрость ищет людей. Но найдут ли они друг друга, вот в чём вопрос.

– Мне говорили, что мудрость – это тьма и тайна, – разочарованно произнёс Анахарсис. – Что ты можешь сказать по поводу подобного утверждения, мудрец? Подтвердишь или развеешь его?

– Мне мудрость представляется светом, который пока не осветил надлежащим образом нашу жизнь. Относительно таинственности мудрости, то, пожалуй, в значительной мере соглашусь. Высшая мудрость – это великая тайна, которая познаётся долго, медленно, тяжело. Мудрость никак не желает целиком раскрывать себя. Полагаю так же, что мудрость никогда не является законченной и завершённой. Она, словно бы беспрестанное течение огромной реки.

– Мудрость принадлежит только мудрецам или это всеобщее достояние?

– Мудрость, знания не являются частной собственностью, а, скорее всего, должны принадлежать всем людям. Это всенародное, всечеловеческое, всеобщее достояние, – ответил Солон. – Ими следует делиться со всеми желающими. А нежелающим их необходимо прививать. Правда, египетские жрецы, обладающие многими знаниями, придерживаются иного мнения. Они полагают, что знание есть тайна. А тайна доступна только избранным. Но мы, эллины, придерживаемся другого взгляда, не совпадающего с египетским мнением. Из мудрости и знаний тайны мы не делаем. Всё, что мы знаем, стремимся передать другим, желающим учиться. И более того – побуждаем к учёбе даже тех, у кого нет стремления к знаниям. Знание для эллинов есть величайшее благо. А благо должно быть доступным и открытым для всех.

– Видимо, эллинским мудрецам известно, что такое знание знаний, истина истин, закон законов, мудрость мудрости?

– Этот вопрос, Анахарсис, не ко мне, а только к богам. Он имеет вселенские масштабы. Для человека он неподъёмен.

– Скажи, Солон, а из двух или пяти глупых можно сделать одного мудрого? – неожиданно спросил скиф.

– Странно слышать от тебя такой вопрос, Анахарсис. Ты видимо шутишь. Ответ здесь предельно ясен. И из тысячи глупцов не сделаешь одного мудреца, так же, как из тысячи баранов не сделаешь одного льва или хотя бы волка. На будущее имей в виду – с мудрых не спрашивают очевидностей. Зато спрашивают о глубинных вещах; спрашивают вдвойне. С мудрых мужей за всё спрашивают вдвойне и втройне.

– Легко ли отличить истину от заблуждения и правду ото лжи? – продолжил, как ни в чём не бывало, расспрашивать скиф.

– Очень непросто это сделать, царевич. Порою они малоразличимы. Тебе кажется, что ты обнаружил истину, а на самом деле она оказалась неумышленным заблуждением. Истина довольно часто соседствует с ошибочностью, излишней самоуверенностью, а то и преднамеренной ложью. Их внешний облик бывает схож. Поэтому люди их путают и смешивают. У истины и заблуждения много сторонников. У заблуждения и лжи их бывает даже больше. Люди добровольно обрекаются на самообман. Самое парадоксальное состоит в том, что заблуждение приходит само, его не надо искать. Оно само тебя находит. Не успел ты оглянуться, а заблуждение, тут как тут. Истина же неподатлива. Она не каждому раскрывается. Её движение в нашу сторону медленное, зигзагообразное, напряжённое. Истину необходимо нам самим настойчиво искать и упорно постигать. Следовательно, одной из главных проблем человеческой жизни, мудрой жизни, есть стремление найти истину, постичь правду, отграничить их ото лжи или заблуждения. Но бывает и так, что истина находится совершенно рядом с тобой. Рядом с тобой она сидит, лежит, ходит, бродит, а ты её не замечаешь и даже не догадываешься о ней. И не замечаешь по той причине, что не достаёт образованности, проникновенности, настойчивости, удачливости. Порой не достаёт последнего шага к ней, последнего усилия нашей воли.

Видя озабоченное и не совсем удовлетворённое лицо гостя, хозяин спустя несколько мгновений продолжил свои суждения:

– Мудрость, как мне представляется, можно трактовать как верное знание всего обо всём. Это знание сути, причин и порядка вещей. А ещё это правильный выбор лучшего, полезного из всего имеющегося в данный момент, в конкретной ситуации. Порою человек мудростью делает что-то самое простое, самое очевидное, а иногда совершенно непонятное и непостижимое. Скорее всего, возможно и так её трактовать.

– Слово есть мудрость? – спросил царевич.

– Не всякое слово есть мудрость, как и не каждая мудрость словесна. Мудрость состоит не только в словах, знаниях, но и действиях, в правильных и добрых делах. На словах мудрствовать легче. Но надо проявлять мудрость в действиях и делах; причём более всего именно в делах. Целесообразно много работать, искать, проверять, доказывать, опровергать, снова настойчиво работать. И так бесконечно. Ибо можно знать, много знать, но ничего не понимать, и ничего не делать. Следовательно, в единстве разумного слова и разумного дела можно обнаружить мудрость. К тому же, прими к сведению, что любая человеческая мудрость, даже самая глубокая, подвергается сомнению.

– Можно ли считать, что мудрствование начинается с таких вопросов: «Что это?», «Откуда оно взялось?», «Зачем?», «Почему?», «Для чего?», «Для кого?», «А что если...?»

– В какой-то мере соглашусь с тобой, Анахарсис. Это почти те же вопросы, которые задаёт пробуждающийся разум ребёнка родителям. Начинающий мудрствовать весьма похож на дитя, большое и умное дитя. Дальнейшая жизнь человека тоже неизменно сопровождается такого рода вопросами. Путь к мудрости начинается с вопросов; с разных вопросов. Но не ограничивается только ими. Там, где есть вопрос – необходим ответ. Состязание вопроса и ответа способно породить знание. А знание есть шаг к мудрости.

– Может ли мудрость заменить религию?

– Религия тоже мудрость, величайшая мудрость. Но мудрость не сводится только к религии. Она более широкое явление. Поэтому мудрость и религия в чистом виде не могут целиком быть взаимозаменяемыми.

– Мудрость может накормить и напоить людей?

– Мудрость – очень важная пища для человека. Но одной мудростью сыт не будешь. Нужны ещё хлеб, овощи, мясо. Впрочем, мудрость в любом случае поможет человеку про-

кормиться; она способна взрастить обильный урожай, или подсказать, как это можно умело и своевременно сделать.

– Каждый человек способен мудрствовать?

– Нет, не каждый. Чтобы мудрствовать – надо обладать мудростью, прежде всего своей собственной. Помимо прочего, говорить о мудрости – это одно, а быть мудрецом, совершенно иное. Мудрость требует утончённого её применения, а на такое не все способны. Нужен большой житейский опыт. В силу сказанного, мудрыми чаще люди становятся в зрелом возрасте. Тело слабеет – разум мудреет. Сила от тела, телесных развлечений и утех переходит к разуму. А посему в старости, особенно глубокой, мы должны быть не слабоумными, а сильноумными, истинно мудрыми. В противном случае жизнь прошла бессмысленно, пусто, а то и вовсе напрасно.

– Легко ли, мудрец, быть человеком? – неожиданно спросил скиф.

– Кому как, – ответил афинянин. – Кому-то легко, кто и вовсе не понимает, что он человек, кому-то тяжело, а кому-то невыносимо. Легче быть котом, нежели человеком. Коту достаточно повилать хвостиком и его пригреют. А человеку надо бороться за своё место под солнцем. Человек – это извечная борьба, неразрешимая проблема. Могу только сказать, что быть человеком хорошо, гораздо лучше, нежели быть котом, собакой, тигром или крокодилом.

– Мудрствовать лучше днём или ночью?

– Детский вопрос задаёшь, Анахарсис. Тем не менее, отвечу. Мудрствование не зависит ни от дня, ни от ночи, как, впрочем, и занятие глупостями тоже. Ещё мой дед говорил: «Ночь человеку дана для того, чтобы забыть и исправить глупости, сотворённые днём».

– Мудрость уникальна? – продолжал наседать скиф.

– Мудрое, как впрочем, и глупое повторяется. Второе чаще. Разумеется, имеются и своеобразные проявления мудрости. Бывает и то, что называется неповторимостью. Мудрость это свет, преодолевающий многие преграды и даже тьму тьмушую. А иногда – это совершенно очевидные истины, во время понятые и принятые к действию.

– Мудрость существует во все времена? – снова задался вопросом скиф.

– Видимо, есть нечто мудрое, всегда имеющее значимость и ценность. Насчёт всех времён сказать затрудняюсь. Надо бы увидеть их и пожить в них.

– А что имеет значимость во все времена?

– Ну, скажем, уважение к родителям, любовь к детям и отечеству, разумная мера во всех делах, необходимость постоянного совершенствования знаний, хорошие отношения с соседями. Ценились также совет со знающими индивидами, отсутствие поспешности в принятии важных решений, опора на законы в государственной и личной жизни, подлинная мужская дружба, истинная добродетель. Всё это ценилось разумными людьми в прошлом, ценится в настоящем, и, полагаю, будет иметь существенное значение в будущем. Думаю, будет цениться всегда. Возможно, не для всех людей, но разумное большинство без подобного обойтись не может.

Видя некую неудовлетворённость царевича, Солон решил усилить ответ на поставленный вопрос:

– Прими к сведению, Анахарсис, мудрость не есть догма, и догматизм не присущ мудрецу. Знание не есть абсолют, и мудрость не есть абсолют. Нет мудрости на всех и на все времена, кроме вышесказанного. И даже его можно подвергнуть сомнению; некоторые мужи это делают.

– Зная истину, будучи мудрым, человек может что-то изменить в этом мире? – продолжал вопрошать Анахарсис.

– Может, если пожелает и будет настойчив, но не всегда. Порою знание истины только усиливает страдание. Ибо что толку из того, что ты знаешь, если ты не можешь ничего переделать, или не стремишься к переменам. Или надеешься, что за тебя сделают другие. К тому же,

сами изменения могут носить ошибочный характер. Немало людей обладает знанием того, что в обществе надо было бы что-то менять. Они часто об этом размышляют, отдыхая на собственном ложе. Порою возмущаются, даже ругаются. Но этим всё и заканчивается. Проснувшись утром, они берутся за старое, как будто накануне и не было никаких мыслей. Затем, в следующий вечер, они вновь размышляют, даже порицают себя за нерешительность в прошедший день, других же вновь ругают, но, как и в минувшие дни, пробудившись, берутся за старое. И вот так бесконечно. Из дня в день, из месяца в месяц, из года в год. А там смотришь и жизнь на исходе. А ты ничего существенного не сделал, а ведь мог бы.

– Мудрости всё по силам, или есть что-то такое, перед, чем она устоять не может? – после продолжительного молчания вновь обратился к афинянину скиф.

– Нет, и ей не всё по силам. Мудрость не может устоять перед наглостью и безжалостным мечом. И тысяча мудрецов не сможет увещевать дикаря и насильника. Мудрость в силе там, где есть добродетель, здравый смысл и стремление к истине. Где есть желание людей учиться, где есть понимание её смысла и значимости. Но важно иметь в виду – и с мудростью и без мудрости жизнь продолжается.

– Мудрец принимает только мудрые решения или он тоже ошибается?

– И на мудрецов порой находит заблуждение. Нет у них совершенно мудрых мыслей и решений на все времена и для всех людей. Любое из них носит ограниченный характер, и всегда найдутся те, кто будут ими недовольны. Только боги способны принимать такого рода решения, да и то, я слышал, что они в этом часто сомневаются.

– Солон, способны ли люди, хоть в чём-то превзойти богов?

– Ещё как способны! – шутя, воскликнул афинский мудрец. – Они давно превзошли их в коварстве, расточительности, бездумности. Одним словом, во всём плохом. А вот в добродетели человек безнадежно отстал от наших благодетелей и покровителей. Человеческая добродетель ничтожно мала, по сравнению с добродетелью божественной. Хотя у человека имеются большие возможности проявлять её ежедневно. Однако не достаёт желания делать подобное.

– Радостно ли живётся мудрецам? – продолжал вопрошать Анахарсис. – Ведь они столь много знают и основательно понимают. Знание – это путь к благоденствию и хорошему умонастроению?

– Само по себе знание не повод для радости. Оно есть средство, которое может и порадовать, и огорчить. Знание чаще огорчает знающего, ухудшает настроение, нежели возвышает его. Радостно и легко живётся простакам, глупцам; иногда я даже завидую им. Глупцам ни до чего нет дела. Мудрецу же всегда тяжело, ибо он в ответе за всё и за всех. Ему чаще горестно, нежели радостно. На свои плечи мудрец взваливает все мерзости человечества. Точнее они сами падают на него. Он ощущает частицу своей вины за их наличие. Причём, порой, он сам взваливает на себя эту ответственность. Жизнь и так тяжела, а мудрецу вдобавок открывается ещё её скрытая часть. Попробуй всё это осмыслить, пережить. Простой человек об этом думает мало. Он размышляет о самом обыденном и необходимом для себя. А именно о том, чтобы поесть, поспать, накормить детей, содержать в порядке дом, иметь некий достаток. Мудрец же беспокоится обо всех. Его тревожит вся жизнь, весь окружающий мир. Особенно тот, который вызывает неприятие и возмущение. Сердце и душа мудрствующего мужа протестуют. Разум иногда болеет, видя подобное. И даже тело страдает от пороков человеческой жизни. Стремление к мудрости, дорогой скифский гость, черевато неприятными последствиями. От этого огорчений бывает больше, нежели радости. Мудростью не наладуешься и не навеселишься, скорее огорчишься. Поэтому ещё раз поразмысли, стоит ли тебе вторгаться в её необозримую Вселенную. Там ведь можно запутаться, потеряться, заблудиться, заболеть, утонуть, сгореть от отчаяния и бессилия. Но, можно, разумеется, ко всему относиться и как к должному, относиться сдержанно, спокойно, хотя и критично. Можно так, а можно и иначе.

Анахарсис, казалось, пропустил мимо ушей повторное предупреждение о том, что заниматься мудрствованием небезопасно, и продолжал ставить перед известным мудрецом тяжёлые вопросы.

– Легко ли мудрецу, понять каков тот или иной человек?

– На человеке нет знака – хорош он или плох. Но рано или поздно индивид раскрывает себя, хочет он того или нет. Раскрывает в делах. Только конкретные дела и поступки дают нам свидетельства о человеческих достоинствах и недостатках. Правда, бывает и так, что дела человек делает благие, но помыслы его плохие. Бывает и наоборот, с хорошими помыслами он вершит дурные дела. Скрытен и неоднозначен человек. Это существо, у которого тройное дно. И, тем не менее, как кажется мне, хороших людей гораздо больше, нежели плохих. Но и плохих тоже хватает. Мир состоит из гармонии и противоречий между теми и другими.

– Скажи, Солон, вашу афинскую жизнь и ваши законы можно считать сполна мудрыми? – не унимался Анахарсис.

– Полагаю, что наша полисная жизнь и наши дела не есть мудрость и не есть истина в чистом виде. Это всего лишь путь к мудрости и всего лишь поиск истины в вопросах государственной жизни. Скорее всего, мудрость как таковая – это время жизни, верно схваченное в мысли и разумно воплощённое в деле. Только наши потомки смогут оценить нас с позиций истины и подлинной мудрости.

– Не является ли, Солон, мудрствование как таковое – ухищрённой игрой, забавой острых умов?

– Мудрствование, Анахарсис, не есть игра. Это очень серьёзный и напряжённый труд. Это возвышенное и благороднейшее занятие. Мудрствование связано с неустанной повседневной работой разума, от которой уже не избавишься, если ты в неё вовлёкся. Оно, как мне представляется, нечто более сложное, нежели тяжёлая работа. Тут я даже не найду соответствующих слов, чтобы всё правильно тебе объяснить. Такое явление не поддаётся обыденному объяснению. Впрочем, находятся люди, для которых всё понятно и очевидно. Они превращают мудрствование в забаву, даже в игру, как соизволил выразиться ты. Но, поверь, они далеки от подлинной мудрости, очень далеки от её истоков и глубин.

– А какова подлинная цена мудрости, какова действительная цена истины, любезный Солон? Что ты, ответишь мне, на такой коварный вопрос? Можно ли стремиться к мудрости, а также к истине любым путём, любой ценой, с помощью всех средств?

Солон огорчительно ухмыльнулся, тяжело покачал головой, внимательно всмотрелся в лицо гостя, затем поджав губы и закрыв глаза, довольно-таки долго молчал, видимо, размышляя над тем, что ответить скифу на этот поистине неподъёмный вопрос. Тот же, в свою очередь, словно азартный мальчишка, любопытствующе смотрел на мудреца, с выражением лица, на котором будто-бы было написано: «Ага, попался, мудрец; ну что ответишь мне?!». После довольно продолжительного молчания, афинянин, тяжело вздохнув, нехотя стал отвечать своему мучителю:

– Откуда, царевич, ты черпаешь такие сложные, поистине нечеловеческие вопросы? С такими вопросами следует обращаться к богам, а не ко мне. Неужели скифы над ними размышляют? У вас, что там, нечем больше в степях заняться? От нечего делать по вечерами вы мудрствуете? Впрочем, Сах и Иеракс, тоже скифы. Но никогда, ни о чём таком они меня не расспрашивали. Никто даже из мудрствующих индивидов, меня об этом никогда не спрашивал. Не иначе, как Эзоп повлиял на тебя. Это он, скорее всего, обучил тебя таким сложным и дерзким вопросам. Ощущаю руку, вернее мысль знаменитого сочинителя басен. Впрочем, и Эзопу ранее такое тоже не приходило на ум. Однако всё это второстепенно. А первостепенна сама суть вопроса. Я не знаю достоверного ответа на него, и не знаю тех, кто основательно был бы осведомлён в таком вопросе. Но, тем не менее, смею предполагать. Мне кажется, что мудрость очень важна для человеческого сообщества, а истина важна вдвойне. Без того и без

другого дальнейшая жизнь человеческого сообщества уже немыслима, пожалуй, даже невозможна. Я имею в виду достойную полисную, семейную и индивидуальную жизнь. Это не вызывает у меня никаких сомнений. Но, заявлять, что к мудрости, к истине, людям следует стремиться любой ценой, и с помощью любых средств, я бы не решился. Никак не решился. Я, смею предполагать, пока всего лишь предполагать, но не настаивать, что есть вещи, стоящие выше мудрости и даже выше истины. К таковым могу отнести жизнь, честь, долг, свободу, любовь к родным, целостность государства, справедливость. Правда, противопоставлять их мудрости я бы тоже не решился. Они ведь с нею связаны. Вот такая незадача. Что называется проблема проблем. А может и тупик.

Анахарсис с удивлением посмотрел на Солона, и ему хотелось воскликнуть: «Как же так, мудрец, неужели есть что-то более значимое, нежели мудрость, нежели истина?» Правда, он мужественно смолчал. Молчание в такой момент далось ему нелегко. Но афинянин и так всё понял; понял, без каких-бы то не было слов и намёков. Для того чтобы понять царевича, многого не требовалось. И афинский мудрец решил основательнее разъяснить собственную позицию по этому вопросу:

– О, стремящийся к познанию, Анахарсис! Не всем стоит жертвовать ради мудрости и ради истины. Скажем, не стоит жертвовать жизнью и отечеством ради них. Жизнь у нас одна, и отечество у нас одно. А мудрость, как впоследствии может оказаться, вовсе не является мудростью, а самой простой банальностью, даже словоблудием. Так же, как и истина может оказаться самым обычным заблуждением. А, следовательно, истина может подождать, во всяком случае, пока, а жизнь отдельного индивида ждать не будет. Она приходит, бежит и уходит. Случается это даже супротив мудрости и безо всякой истины. Истина должна познаваться не вопреки жизни и не против неё, а за неё и вместе с ней. Разумеется, смысл и цель жизни могут быть посвящены поиску истины, но только не ценой самой жизни, особенно чужой. Ибо жизнь – священна, а мудрость – околосвященна. Поиск мудрости, истины, должен носить сдержанный, умеренный, благородный характер. Мудрость неразрывно связана с добродетелью. Не может быть жестокой мудрости. Жестокость проистекает из-за отсутствия мудрости. Не может быть мудрости корыстной. Могут быть корыстолюбивые люди, которые называют себя мудрецами. Никаких крайностей в этом вопросе быть не должно, Анахарсис. Люди могут обманывать и обманываться. Они могут выдвигать ложные идеи и сомнительные идеалы и от других требовать следовать им. И даже жертвовать жизнью ради них. А потом, вдруг, выясняется, что всё было напрасно и даже глупо. И наступает невероятное разочарование во всём, в том числе и в мнимой мудрости. А поэтому, как видится мне, быть мудрым – это, значит, быть осторожным, сдержанным, неспешным, вдумчивым и не играть чужими судьбами. Быть мудрым – это ещё значит, заботиться обо всех и всеобщем благе. Вот в этом, собственно, тоже может заключаться мудрость.

Анахарсис сидел напряжённо и заинтригованно слушал ответ Солона на поставленный им вопрос. Скиф не знал и не понимал, каким может быть ответ на такой вопрос. Вместе с тем он чувствовал, что мудрец чего-то не договаривает. Что именно, он никак не мог понять. Солон же, немного отдохнув, вновь пристально посмотрел на гостя и понял, что сказанного им недостаточно. Гость ждёт ещё чего-то интересного и важного. И тогда афинянин, вздохнув, добавил ещё к только что прозвучавшим мыслям.

– Ты вправе не соглашаться с тем, что я сказал только что. Ты, Анахарсис, можешь не соглашаться и с мнением многих других. И многие другие могут не соглашаться со мной и с тобой. Это священное право каждого. Ответы на поставленные тобой вопросы неоднозначны! К примеру, я допускаю, что отдельный индивид, страстно обуреваемый жадой какого-то важного знания, может рисковать своей жизнью ради получения истинного ответа. Или, отстаивая собственную точку зрения, человек готов пойти на всё, дабы доказать правоту своих взглядов. Такое вполне возможно, оно допустимо. Ты ценой собственной жизни можешь

доказать или опровергнуть истинность или ложность какого-то суждения, явления или вещи, исключительно важных для тебя и для сообщества людей. Но только ценою собственной жизни и ни в коем случае жизни чужой. И даже нельзя ради этого рисковать чужим благополучием. Тезис о том, что «мы готовы на всё, лишь бы хорошо жили наши потомки» – ошибочен и неверен. Глубоко ошибочен. Им могут злоупотреблять и многие злоупотребляют. Наши потомки сами разберутся в том, стоит ли им идти по такому пути. А то боюсь, они могут не оценить наших усердий и даже посмеяться над нами. Впрочем, всё, что я сказал по этому вопросу, есть не более чем предположение.

– А государственная мудрость разве не может быть жестокой? Допустим, у афинян есть враги, постоянно угрожающие им. Неужели их уничтожение не является мудростью! – воскликнул Анахарсис.

– Никакое уничтожение людей не является мудростью. Мудрость состоит в примирении, в нахождении того, что удовлетворило бы обе стороны, или даже пусть одну сторону, но мирным путём. Знай Анахарсис – война и мудрость несовместимы; они не являются подругами и тем более сёстрами. Война есть крайний и нежелательный способ решения проблем. Он применяется тогда, когда все средства исчерпаны. И ведётся война не в целях поиска мудрости. Она всегда облачена в одежды мира. Остальное же не более чем хитрость. Но, как известно, на всякого хитреца найдётся мудрец. Но не на всякого мудреца найдётся хитрец.

– Мудрец готов умереть за общее благо? – не унимался скиф. – Готов? – ответь мне, афинский мудрец?

– О, Анахарсис, – тяжело вздохнул Солон, – мудрец – это тот человек, который готов пострадать и даже умереть за полис, за истину. Но крайне редко делает подобное. Только в особых, исключительных случаях. Скорее наоборот, он стремится жить, творить, созидать в интересах народа, в интересах той же истины. Мудрецу жизнь важнее и нужнее, чем смерть. И обществу мудрец нужен живым, а не мёртвым. Он индивидуальность реальная, а не легендарная. От живого пользы намного больше, нежели от мёртвого. Мудрец должен благоговеть перед жизнью, любить отечество, уважать народ, ценить себя и свои дела, почитать других мудрецов, быть жизнелюбом. Мудрость, истина и жизнь – неразрывны. Но и в этом деле возможны исключения. Человека понять сложно. Порой он больше любит легендарное и мифическое, нежели реальное и историческое. При жизни кого-то могут не ценить, порицать и даже сурово осудить, а после смерти, вдруг, начинают его боготворить. И такое случается.

После этих слов наступило долгое молчание. И эллин и скиф задумались над сказанным. Афинский мудрец узрел в Анахарсисе человека любознательного, настойчивого, целеустремлённого. С ним легко и тяжело. Легко потому, что он всё схватывает на лету, мыслит масштабно, основательно. Он понимает тебя, многое домысливает сам. А тяжело потому, что его основательность, масштабность, а главное критичность, требуют убедительных доводов, достоверных глубоких ответов. А их нет и, к сожалению, негде взять. Анахарсис ни перед чем не останавливается.

Вот так весь вечер, словно клещ, вцепившись в Солона, скиф не мог насытиться его ответами и задавал всё новые и новые вопросы. Создавалось ощущение, что он хочет познать всё и сразу, причём познать не кое-как, но глубоко, серьёзно.

Когда, наконец-то, Анахарсис, устал от собственных вопросов, он отвлёкся от размышлений и стал с интересом обзирать предметы, находящиеся в этой комнате. Увиденная им картина была поразительной. На стене висела древняя кифара, подаренная некогда фиванским жрецом Менхофрой. Рядом с ней красовался кинжал, преподнесённый фараоном Нехо. Тут же стояли два копья, а чуть поодаль висел меч. Ещё дальше лук, с колчаном стрел. А в углу... В углу комнаты величественно стоял красивый треножник, на котором виднелась надпись. Анахарсис никак не мог понять, что же там, на треножнике, написано. Он украдкой, по-мальчишески, подошёл к реликвии, даже слегка прикоснулся к ней. Тут же резко одёрнул руку

и озорно посмотрел в сторону хозяина дома, как бы спрашивая: «Ругать не будешь?» Тот всем своим добродушным глубокомысленным видом давал знать, что не возражает – смотри. С изумлением Анахарсис прочитал на треножнике потрясшую его надпись: «Мудрейшему из мудрых». От восхищения он стоял с открытым ртом и широко распахнутыми глазами. Затем рукой нежно провёл по надписи. Ещё раз прочитал начертанную на треножнике надпись, в трепетном испуге снова одёрнул руку. В сей же момент у него пробежал мороз по коже, и вскружилась голова от столь значимых слов. Видимо, только теперь до него дошёл подлинный смысл прочитанного. Мыслимо ли такое, ему – варвару, хоть и царевичу, выпала честь прикоснуться к божественнейшей вещи. Он хотел было вновь погладить надпись, но тут же спасовал, резко одёрнул руку, словно бы обжёгся. Впечатление от увиденного и прочитанного на треножнике было ошеломляющим. Такие слова могут тяжело ранить даже Анахарсиса, правда, могут и сильно вдохновить. Пошатываясь, он медленно вернулся на место. Царевича объяло состояние, близкое к экстазу.

Солон, с большим интересом, молча наблюдал за новоявленным другом. Он ждал, что теперь тот скажет. Какими будут его мысли и слова после увиденного. Треножник, да ещё с такой впечатляющей надписью, не мог не повлиять на молодого скифа. Собственно не только он, но и любой другой человек при виде такой божественной реликвии разволновался бы, а то и вовсе растерялся. Надпись «Мудрейшему из мудрых» сразит кого угодно и где угодно и в любое историческое время. Поэтому как раз впору рассказать, откуда же у Солона взялся знаменитый, оваянный легендами треножник.

~3~

Как-то в канун очередной Экклесии в Афины прибыли посланцы с острова Кос. По слухам, прибыли они по важному делу, да что там важному – по делу небывалому, исключительному, сверхгосударственному. Какому именно, пока никому открыто не говорили; обещали раскрыть секрет на народном собрании. Для пушей важности своего визита сослались на дельфийский оракул, который якобы изрёк некое пророчество, имеющее прямое отношение к афинскому народу. Они же прибыли сюда обнародовать его перед всеми гражданами и выполнить волю богов.

Здесь уместно отметить, что участие в работе народного собрания посланцев разных государств не было редкостью. Они прибывали сюда с разными целями – ознакомиться с устройством государственной власти, посмотреть и послушать, как проходит Экклесия, почувствовать, как в Афинах правит народ, увидеть, как вершится законотворчество, узнать, какими прерогативами пользуются граждане. Многие желали понять, как работает создатель и хранитель афинских законов, то есть Солон. Иные – входили в Экклесию с недобрыми намерениями, стремясь извлечь материал для последующих насмешек, резкой критики демократии, различного рода поклёпов и страшилок для простаков. Приглашение в народное собрание воспринималось гостями как свидетельство высшего уважения и почёта к ним.

Из Коса, между прочим, ещё ни разу не навещали Афины какие-либо значимые государственные лица. Косские торговцы несомненно здесь бывали и, можно сказать, облюбовали Аттику как одно из лучших мест для успешного ведения дела. А вот теперь прибыли представители городских властей. По тайным сведениям с каким-то особо значимым поручением и подарком. Каким и для кого именно, никто ничего не говорил. Вся делегация, в количестве пяти человек, была удостоена чести присутствовать на Пниксе. Афиняне уважали гостей и отводили им почётное место – рядом с алтарём Зевса. Они стояли здесь столько, сколько считали нужным. Если у них были важные дела, то они могли покинуть собрание после завершения рассмотрения одного из вопросов. Но, как правило, все делегации, попавшие на собрание, находились здесь от начала до конца. Если гости желали обратиться к афинскому народу

с посланием, просьбой или даже с поздравлением, то им давали такую возможность в самом начале работы Экклесии.

Вот и на сей раз, после формальных процедур, то есть торжественного открытия, молитвы, жертвоприношения и объявления повестки дня работы Экклесии, слово было предоставлено косскому архонту-басилевсу Феонисту, который взобравшись на бему, произнёс следующую речь:

– Мужи афинские! Я приветствую вас от имени народа города Кос. Прежде всего, передаю вам самые добрые пожелания от моих сограждан. Мы много наслышаны о ваших успехах, о достижениях афинского народа на поприще политических, экономических, религиозных и других дел. Об этом говорит уже несколько лет вся Эллада. Одни радуются вашим удачам, другие – завидуют, третьи – остаются равнодушными. Есть и такие людишки, которые ненавидят вас. Их ведь тоже не может не быть; без них мир был бы одноцветен. Мы, жители Коса, относимся к числу первых, то есть тех, кто искренне радуется вашим добрым делам. Однако сегодня мы находимся здесь не только, чтобы сказать вам об этом. Мы, ко всему прочему, доставили вам важную и очень приятную весть. Её история и истинная суть таковы.

Жители Милета, как известно, давно покупают у нас рыбу. Они заказывают на тот или иной день улов, и мы выполняем их просьбу. И вот месяц назад наши рыбаки вместе с рыбой выловили треножник, который, согласно древнему преданию, везла из Трои Елена Спартанская. Она, как гласит священное предание, ненароком уронила его в море. Ненароком или так распорядилась Судьба – людям теперь неизвестно. Этот треножник, по нашим сведениям, боги подарили храму Аполлона в Илионе. А сделан он был по просьбе Аполлона Гефестом. На треножнике вырезана надпись «Мудрейшему из мудрых». Однако в то время не было такого мудрого человека, который мог бы удостоиться его, разве что Кассандра. Но в её пророческую мудрость никто не верил; к тому же она женщина. По этой причине, видимо, сами боги упрятали треножник на шесть с половиной веков в морскую пучину, дожидаясь, когда же появится достойный его мудрец. И вот теперь, он, этот божественный треножник, вновь предстал перед людьми. Когда треножник увидели милетяне, они заявили о своих претензиях на него. Дескать, улов рыбы сделан для нас, и всё, что попало в сети, соответственно, принадлежит нам. Тем более, что в Милете проживает известный мудрец Фалес. Мы ему и преподнесём треножник. Так утверждали они. Однако мы не согласились с подобным подходом, и я полагаю, что поступили верно. Коль выловили треножник мы, то и принадлежать он должен нам, ведь треножник не рыба – продаже не подлежит. А уж, какому мудрецу мы вручим его, решать нам самим. Дело хоть и сложное, но нам понятное. Ведь мы не глупее милетян, разберёмся сами.

Косский гость на несколько мгновений остановился, умолк, проницательно посмотрел на трепетно стоявших на Пниксе афинских граждан, затем бросил взгляд в сторону сидевших архонтов и с ещё большей важностью продолжил:

– С нами не согласились милетяне, упорно настаивая на своём. Но и мы, не менее упрямы, чем они. Дело, в конце концов, дошло до большой ссоры и вражды. И вот, тогда мы обратились к великому судье – дельфийскому оракулу, дабы он определил истинное положение вещей. Кому, как не Аполлону, оно известно? Пифия, на наш вопрос о том, кому по праву принадлежит треножник, дала такой ответ:

Сей треножник сделан Гефестом по просьбе Аполлона
Для мудрейшего из мудрых людей.
Следовательно, он должен принадлежать ему,
Ищите его в Афинах.

Мы-то, афиняне, и без оракула знаем, кто тот мудрейший из мудрых мужей, который проживает в Аттике. Кто подлинный властитель мудрости. Он мудрейший не только в Аттике,

но и во всей Элладе; во всём мире! Это, конечно же, Солон – сын Эксеkestида, ваш законодатель, государственный муж, поэт, стратег, мудрейший и лучший из ныне живущих людей. Он не только ваш мудрец и поэт, но и наш. Поскольку мудрость и поэзия не знают государственных границ. Они принадлежат всему человеческому роду, всем индивидам. Да и законы, сочинённые Солоном, должны рассматриваться не только как афинское государственное дело, но и дело общечеловеческое. Такие законы доставят честь любому государству. Следовательно, хвала богам, что они указали на него, на нашего Солона. Прекрасная воля Судьбы!

После этих слов гостя над Пниксом пронеслась буря радостного возбуждения. Афиняне весьма одобрительно встретили подобную новость. Кому ж ещё из ныне живущих людей, как не Солону, следует по праву вручить божественный дар?

Законодатель тем временем сидел на скамье, рядом с архонтами и внимательно слушал Феониста. Когда тот назвал Солона самым мудрым из ныне живущих и объявил, что треножник должен принадлежать ему, он стеснительно опустил голову и молча ждал дальнейших событий. А они были очевидны и предсказуемы.

Тут же не медля, косский архонт-басилевс воскликнул:

– Так вручим же от имени богов и людей сей треножник самому мудрому и достойному. И зовут его Солон Афинский!

После этих слов Феонист сошёл с бемы. Он торжественно развернул большой свёрток, который держали сопровождавшие его, взял треножник с благоговением в руки, величаво подошёл к Солону и кратко сказал:

– Солон – этот треножник по праву твой! Сего желают боги и люди!

Солон медленно поднялся со скамьи, смущённо принял подарок богов и людей и кратко ответил:

– Искренне благодарю за оказанную великую честь. Но я не уверен, что я мудрейший человек, что я самый мудрый из ныне живущих мудрых, и что этот треножник должен принадлежать мне. Ещё раз благодарю за всё.

Этот треножник заставил Солона переосмыслить очень многое, а именно: Что такое мудрость и кто такой мудрец? Кого из ныне живущих людей можно отнести к мудрецам? Как соотносятся мудрость и повседневная жизнь и многое другое.

После долгих терзаний, раздумий и сомнений Солон решил, что он не может держать у себя столь священную реликвию и вместе с письмом отправил треножник Фалесу, дескать, ты и есть мудрейший из мудрых людей. Я в этом уверен. Принимай этот божественный дар.

Но Фалес не был бы Фалесом, если бы оставил треножник у себя. Первоначально он хотел вернуть его Солону, но понял, что тот вновь пришлёт треножник в Милет. Чтобы подобного не случилось, он отправил его Питтаку, в Митилены. Питтак, в свою очередь, не посмел оставить святыню у себя и переправил её в Линд – Клеобулу. Клеобул направил треножник Бианту. Приенец, недолго думая, переправил его в Спарту – Хилону. Спартанский мудрец, уже зная, у кого побывал треножник, после долгих колебаний и раздумий, направил его в Коринф – Периандру. Тот же, получив треножник, засомневался в справедливости получения такого дара и, посоветовавшись с Арионом и Эзопом, вернул его в Афины, приложив к нему письмо:

– Солон Афинский! Держи у себя то, что по праву принадлежит тебе. Мудростью не разбрасываются. Периандр.

Солону ничего не оставалось делать, как оставить у себя божественный дар. Он полагал, что при случае отдаст треножник более достойному обладателю, скорее какому-либо Богу, ибо по своей природе треножник посвящался богам. Эллина изредка вручали треножники победителям различных соревнований как символ самого достойного и лучшего. Но кто из людей может быть лучше и достойнее богов? Разумеется, никто. Солон стал дожидаться подходящего случая, чтобы самолично вручить эту святыню тому, чья мудрость ни у кого не вызывает ни малейших сомнений. И теперь он уже совершенно точно знал, кто он на самом деле.

~4~

Сев рядом с законодателем, скифский царевич попытался осмыслить всё увиденное здесь. Вначале ему казалось, что это не реальность, а дивный юношеский сон. От наваждений он хотел даже подёргать себя за ухо, как учила его в детстве мать. Но дёргай, не дёргай, а треножник здесь, рядом с тобой. Ты даже прикасался к нему. И не только треножник. И копьё стратега, и его мечи, и кифара, подаренная жрецом древнейшего храма, и фараонов кинжал, и лира поэта, и многое другое находилось перед его восхищёнными глазами. Наконец, взяв себя в руки, встрепенувшись и сосредоточившись, после нелёгких раздумий он молвил.

– Странное сочетание. Даже дивное сочетание всего, что я увидел здесь. Никак не пойму, Солон, кто ты такой? Стратег, поэт, властитель, законодатель, купец, мудрец? Кто ты, Солон? Кто ты более всего? Кто ты на самом деле?

– Добавь ещё любовник, – усмехнулся афинянин, – а ещё корабельщик!

– Кем ты, себя, прежде всего, ощущаешь, досточтимый афинянин? – переспросил его скифский царевич.

– Всё относительно, даже условно, – ответил Солон. – Во мне люди видят того, кого они хотят видеть в данный час. Вот ты хочешь видеть во мне мудреца, ибо тебе нужен учитель мудрости и достойный собеседник. Мудрецом меня почитают также Фалес, Питтак, Периандр, Клеобул, Биант и другие мудрствующие люди. Дропид и Алкмеон видят во мне стратега, так как им хочется воевать. Такого же мнения обо мне был фараон и многие молодые афинские воины. Сапфо, Феспид и многие поэты видят во мне, конечно же, своего собрата, ибо мы родственные души на ниве замечательного слова. Египтяне, финикийцы, милетяне и эфесцы почитают меня за купца, достойного и надёжного партнёра по торговому делу. Мегаряне до сих пор думают, что я лучший кулачный боец, которого следует обходить стороной. К тому же, для них я самый коварный из полководцев, ибо я пленил их саламинское войско. Египетские жрецы видят во мне своего собрата по божественному призванию и учёного, стремящегося постигнуть суть вещей. Участники Истмийских игр почитают меня за выдающегося атлета. Гетера из Навкратиса считала, что нет более любвеобильного мужа, нежели я. Поэтому Солон для неё – редкостный любовник. Моя жена Элия считает меня лучшим из супругов, хотя я себя таковым не считаю. Мой сын Микон почитает меня за лучшего из родителей. А внук Тимолай – считает меня лучшим дедом. Корабельщики во мне видят надёжного друга и партнёра. А пираты – злейшего врага. Афиняне уверены, что я законодатель, защитник порядка и справедливости. Они так и называют меня – законодатель! Многие эллины, смыслящие в государственных делах, полагают, что я политик, известный государственный муж. Вот видишь, сколь много всего во мне находят люди!

– Но сам-то ты, как склонен себя называть? – переспросил его Анахарсис.

– Я полагаю, – подумавши, ответил Солон, – что я есть всё вместе взятое, понемногу, в разумной мере. Во мне можно найти всё, что присуще непоседливому ищущему человеку.

– А как ты предпочитаешь, чтобы тебя называли – законодатель, властитель, поэт, купец, мудрец?

– Я предпочитаю, чтобы меня называли добродетельным человеком. А уж как ко мне обращаются, не столь значимо. Пусть обращаются так, как им сподручнее, как велит их разум и требуют того обстоятельства. Важно лишь, чтобы меня уважали и считались со мной, с моим мнением и убеждением.

– Как я полагаю, Солон, ты можешь угодить всем и каждому?

– Всем никогда не угодишь, да и угождать не следует. Я вообще никому никогда не потакаю. Заискивая со всеми, можно вместо достойного человека стать низкопоклонником. Я все-

гда делал всего лишь то, что считал нужным и полезным для человеческого сообщества. Нужным и полезным в конкретное время, в конкретном месте.

– Разобрался ли ты в себе, Солон, или для себя ты сокрыт?

– От себя, Анахарсис, не скроешься. Скрыть свою подлинную сущность невозможно. Она проявляется в делах, поступках и поведении человека, в его мыслях. В словах тоже обнаруживается, но в меньшей степени. Ибо можно говорить одно, а делать совершенно иное. Но доподлинно разобраться в себе тоже дело не простое. Большинство людей стремятся познать других, но не себя. На себя обращают внимание уже в преклонном возрасте. А в твоём – все стремятся познать других, при этом не знают ни путей, ни средств познания, ни меры в этом вопросе. Скажу тебе так – в себе я ещё не разобрался основательно. А посему продолжаю себя познавать и, видимо до конца своих дней буду делать подобное. Самопознание – гораздо сложнее познания. Внешнее познаётся легче, нежели внутреннее. Так что если хочешь основательно познать мир – начинай с себя!

Солон и Анахарсис беседовали допоздна. По просьбе хозяина гость заночевал у него. На следующий день Солон решил устроить небольшое застолье. Так сказать, маленький пир, на который помимо Анахарсиса пригласил Главкона, Дропида, Писистрата, Аристодора и молодого поэта Феспида. Законодателю хотелось увидеть, как будет себя вести скифский царевич в более широком кругу людей, причём людей совершенно разного возраста, различных интересов и наклонностей. Правда, Дропид на приглашение не откликнулся, ссылаясь на недомогание.

Зато впервые на взрослое застолье пришёл молодой Писистрат, двоюродный брат законодателя по матери. По возрасту ему было не более пятнадцати лет, но выглядел он гораздо старше. Тот, кто не знал, сколько ему лет, мог подумать, что он достиг совершеннолетия. Высокий ростом, поджарый, очень красивый, он привлекал внимание многих афинян. Писистрат обладал острым умом, прекрасной памятью, умел с достоинством вести себя как в окружении юношей, так и среди взрослых. Он был большим хитрецом, всегда внимательно прислушивался к разговорам старших, буквально улавливал всё ценное и значимое, старался никому особо не перечить. Писистрат любил поэзию и превосходно знал её. Кроме Гомера, Гесиода и Солона ему были известны элегии многих современных поэтов. Но больше всего ему нравилось слушать умные беседы с участием афинского мудреца, из которых он многое черпал для себя. С помощью законодателя, юный арист стремился войти в элиту афинского общества и государства. И надо сказать, что со временем это ему удалось. Но сегодня он просто присутствовал в среде уважаемых людей, и весь вечер молчал; молчал и слушал, слушал и вникал в смысл происходящего. Что было вполне закономерно и главное правильно для такой ситуации.

В самом начале застолья Солон обратился к пришедшим мужам:

– Друзья мои! Мы собрались здесь, дабы по сложившемуся обычаю хорошо отдохнуть, спеть песни, поговорить о мудром, возвышенном и прекрасном. Чтобы мы делали в свободное время, если бы не наши друзья. От дружбы мы ожидаем мало, но в действительности получаем много. Хочу сообщить всем радостную новость. Круг моих настоящих друзей, а, следовательно, наших друзей, расширился. Его пополнил скифский царевич Анахарсис, прибывший к нам в Аттику в поисках знания и мудрости. Он желает их постичь до самых сокровенных изгибов. Как и мы, он не желает пустить свою жизнь по глухому пути. Царевич не просто скиф, а скиф с эллинской кровью и эллинской душой, а главное – с эллинским умом. Он – сын Гнура и афинянки Анфии, ставшей скифской царицей. Будем почитать его за нашего собрата и единомышленника. Прошу вас не отказывать ему в дружбе, уважении и всяческих просьбах.

Солон говорил ещё о многом. Все внимательно слушали его и с любопытством разглядывали Анахарсиса, вызвавшего у друзей законодателя неподдельный интерес.

Во время застолья беседовали о разном, как о текущем, так и о вечном, прекрасном. О вечном, разумеется, больше. Вначале говорили о делах государственных, потом перешли к темам хозяйственным, затем Феспид пел гомеровскую «Илиаду». Он с позволения хозяина снял со стены кифару, некогда подаренную Солону египетским жрецом Менхофрой, и, мастерски владея этим инструментом, божественно возглашал строку за строкой. Музыкально-поэтический гений Феспида произвёл на Анахарсиса такое сильное впечатление, что тот буквально растерялся, не зная, как быть, как реагировать на то, что он слышит и видит здесь. Затем Солон попросил Феспида спеть собственные песни, что тот с удовольствием и сделал.

– Понравилась ли тебе песнь Феспида? – торжественно спросил Анахарсиса Солон.

– Да, именно так! Я потрясён, – искренне признался скифский царевич. – Я даже и не помышлял, что такое вообще возможно. Феспид, видимо, сын Аполлона.

– Ну, о том, чей он в действительности сын, знает только его мать, – пошутил законодатель. – Но то, что Бог им доволен – можешь, Анахарсис, не сомневаться. А главное им восхищаемся мы. Думаю я, что на поэтическом поприще Феспида ждут великие дела.

Главкон и Феспид, немедля, приступили к расспросу гостя насчёт того, как обстоят дела с поэзией и музыкой у скифов. Дескать, какие поэмы пишут их выдающиеся аэды, на каких музыкальных инструментах играют скифы. Имеются ли у них школы, храмы, красивые дороги. Какие дома украшают улицы скифских городов.

Но если Главкон расспрашивал об этом в силу наивности и неосведомлённости, то Феспид знал точные ответы на многие поставленные вопросы. Однако ему хотелось не то чтобы уязвить скифского гостя, а просто услышать его объяснения. На самом деле это было интересно для всех собравшихся у законодателя. Ибо даже Солон не знал толком всех подробностей существования этого загадочного народа. Хотя о многом из их жизни он был наслышан от Саха и Иеракса.

Анахарсис. Видимо, догадался, что Феспид испытывает его на умственную прочность и осведомлённость о делах собственного народа. И он не оробел, не стусевался. Немного подумав, с чувством лёгкой обиды, а может быть, всего лишь досады, но с достоинством отвечал:

– Скифы – удивительный народ. У них даже государственность иного рода, нежели у эллинов. Они больше дети природы, чем государства. Скифы принадлежат к кочующим народам, или, как говорите вы – эллины, кномадам. Сегодня мы здесь, а завтра там. Мы дети случая. Да-да, если эллины дети номоса, то мы дети случая.

– Так вы скифы – номады, беспрестанно кочуете по степям? – искренне восхитился Главкон. – Как интересно. Всё время пребывать в пути. Постоянно менять места проживания. Свободные ото всего люди!

– У скифов нет полной свободы, как, впрочем, нет и неограниченного рабства, – уточнил Анахарсис. – Они не умеют играть на флейте, не умеют ни читать, ни писать. У нас нет музыкальных инструментов. Скифы не знают, как строить храмы и дома, не стремятся выращивать сады, сочинять элегии. У них нет школ, нет даже городов. И ещё чего много нет из того, что есть у вас. Но у них имеются другие достоинства.

– Так-так. И какие же достоинства, позволь узнать? – с ухмылкой спросил изрядно подвыпивший вина Главкон.

– Ну вот, они, например, не пьют вино как эллины!

– Ты считаешь неприятие священного напитка достоинством?! – возмутился Главкон. – Это что за такой народ, который не пьёт вина?

– А разве вино является священным напитком? – удивился Анахарсис. – Впервые о таком слышу.

– Ну не всякое, – деликатно вмешался в разговор Солон, – если вино освящено в храме, то оно священо, если оно пьётся на празднествах, то тоже священо. А то, что пьём мы с Главконом сейчас, то это самый обычный виноградный напиток, наподобие воды. Воды у нас меньше,

нежели вина, – пошутил хозяин застолья, – поэтому все эллины пьют много вина, как вы – скифы, пьёте много воды.

– То-то, – поддакивал Главкон, – пить вино не является у нас пороком и тем более развратом. Это – необходимость!

– Пить очень много, безмерно, – действительно порок, – снова заговорил Солон. – И пить каждодневно, упиваясь до безумия, – это тоже порок. А всё остальное у нас норма, или необходимость, как думает Главкон.

– Ладно, не перебивай, Солон. Дай мне возможность узнать о других достоинствах скифов, – разгорячился Главкон. – Так, каковы же они, Анахарсис? Скажи на радость эллинам.

– Скифы не стяжают богатств как эллины. Они довольствуются малым, никто никому не завидует, у них едва ли не всё является общим.

– Вот это интересно, – восторженно воскликнул законодатель. – И в отношении стяжательства очень хорошо, и отсутствие зависти вызывает уважение.

– Ты, Солон, совсем плохой стал, – возмутился Главкон. – Они же все бедные, нищие, поэтому и не стяжают! Стяжать, как видишь, нечего. Гоняют себе по степям на лошадях, вот и всё. Нет у них ни двора, ни кола, ни дома. Одни кибитки. Не понятно, где они там занимаются важными делами?

– Сразу видно, – тут же возразил Анахарсис, – что глубокочтимый мною Главкон имеет превратное представление о доме. Дом, афинянин, вовсе не стены. Дом – это люди. То есть муж, жена, дети, родители, прислуга. Это отношения между ними. А где они живут лучше – между прочим, ещё вопрос. Можем поспорить на сей счёт. Вот, у вашего законодателя – дом очень простой, зато какие люди в нём живут, и какой дух здесь витает. Я уже видел в Элладе множество огромных зданий, да дела в них творятся мерзкие, недостойные хорошего человека. И пахнет в них исключительно вином и развратом. Скверной несёт от многих из этих домов.

Феспид и Главкон удивились столь разумному ответу чужестранца. Меж тем Анахарсис продолжал:

– Важными делами можно заниматься всюду – в лесу, в поле, на берегу моря и реки.

– Вот те на! – крикнув, перебил его Главкон. А затем, хитро подмигнув Феспиду, лукаво спросил скифа: – А вот где вы, к примеру, учитесь метать копьё?

Анахарсис пожал плечами в знак того, что он не совсем понял вопрос.

– Они, видимо, не знают, что такое копьё. А если даже знают, то сами вряд ли держали его в руках, – улыбнувшись, поддел скифа Феспид.

Вдруг основательно охмелевший Главкон резко вскочил на ноги, решительно подошёл к висевшему на стене Солонову копью, взял его своей единственной рукой, посмотрел на Анахарсиса и задиристо произнёс:

– Пошли в сад, я тебе покажу что это и для чего оно предназначено. А если потребуется, то научу тебя им пользоваться!

Вся застольная компания весело поднялась и, взяв ещё одно копьё и короткий меч, направилась к площадке, расположенной в укромном уголке сада. Именно там Солон и его сын многие годы упражнялись в искусстве метания копья. Впереди, шагах в тридцати, стоял большой деревянный щит, на котором были нарисованы люди, кони, вепрь и даже ворон. Главкон сделал несколько шагов вперёд-назад, потряс копьё своей рукой и затем мощно метнул его в сторону щита. Оно точнёхонько попало в коня, и метавший, удовлетворённый результатом, победно посмотрел на Анахарсиса. Тот удивлённо молчал, широко открыв глаза, не веря случившемуся. Тем временем Феспид молниеносно метнул другое копьё, попав в грудь нарисованному всаднику. Скифский царевич никак не мог понять, как подобное возможно? Ведь копьё метали люди, которые, как ему казалось, далеки от ратного дела. Главкон – смотритель диктерионов, к тому же инвалид. Феспид – поэт, его главное оружие – слово, кифара и лира. Чудеса и только. Видя смятение скифского гостя, Главкон гордо молвил:

– Что мы! Это всего лишь ученические забавы. Ты бы посмотрел, как метает копье Солон. Как он, Анахарсис, божественно метает! – пропел Главкон. – Арес ему завидует, не говоря уже о людях.

Законодатель, тут же протестуя, замахал руками и воскликнул:

– Нет-нет! Я давно не упражнялся в метаниях и вряд ли попаду в щит. А в цель и того более. Лучше, Главкон, не побуждай меня. Теперь я законодатель, а не воин.

– Солон, не забывай, что ты был знаменитым стратегом. Покажи молодёжи, как мы умели и умеем воевать. Подними их боевой дух, – провоцировал его Главкон. – Иначе они скажут, что мы старики и нам пора на покой. Ты представляешь, каково будет тебе и мне?!

Солону, дабы поддержать дух веселья и хорошего настроения и к тому же не ударить в грязь лицом, после некоторых сомнений пришлось взять копье в руку и провести интенсивную разминку. Затем он повернулся к царевичу и задорно спросил его:

– Вот ты, гость, во что желал бы попасть?

Анахарсис задумался, скривился, а Главкон, тут как тут, лукаво подсказал своему другу:

– Я, Солон, желаю, чтобы ты попал в глаз ворону.

– Между прочим, я спрашиваю не тебя, а скифского царевича, – проворчал Солон.

Анахарсис улыбнулся, полагая, что афинский мудрец и бросать-то толком не умеет. Всё-таки мудрец, а не воин. Тем не менее, он решил подыграть Главкону и задать нелёгкую хозяину копья:

– Согласен с Главконом! – воскликнул он весело. – Попади в глаз! Только не ворону, а всаднику. Арес свидетель, всадник, как-никак, опаснее ворона. Птицу за что зря убивать? И было бы совсем потрясающе, если бы ты, Солон, не смотрел на цель, в которую мечешь копье, а метнул с закрытыми глазами.

Не успел Анахарсис толком сформулировать просьбу, как Солон тут же со страшной силой метнул копье, и оно со свистом вонзилось в щит, в то место, где были нарисованы глаза человека. Пока восхищённые друзья широко рассматривали, куда же попал боевой снаряд, Сах вручил Солону второе копье и к всеобщему изумлению одел повязку на глаза метателю. Солон сделал шаг вперёд и вслепую запустил снаряд в том же направлении, что и первое копье. Оно точнёхонько вонзилось во второй глаз, нарисованного всадника. Все увидели восхитительную картину – копыеносный взгляд человека, сидящего на коне. Солон немедленно снял с глаз повязку, взял в руку короткий меч и метнул его в сторону ворона. Меч вонзился в голову нарисованной птицы. Метатель заулыбался, обвёл присутствовавших гостей гордым, но стеснительным взглядом и радостно промолвил:

– Надеюсь, все просьбы мною выполнены, или ты, Главкон, снова чем-то недоволен?

Главкон был более чем доволен. То, как умеет метать копье Солон, он видел, причём видел в деле. Но чтобы с завязанными глазами, да с такой невероятной точностью, даже он об этом не знал. Не знал он также и об умении законодателя так далеко и точно метать в сложную цель меч. Восхитившись своим другом, Главкон повернулся к Анахарсису, улыбнулся и иронично произнёс:

– Ну, что, царевич, понял ли ты, с кем имеешь дело? Но ты, ещё не знаешь, как он мечет законы. Представляешь, на каждой Экклесии Солон мечет законы в сердца и души афинский мужей. И те, словно мишени, не могут ничем возразить ему.

Не замедлил поделиться впечатлениями от увиденного здесь зрелища и Феспид. Он торжествующе победоносно посмотрел на царевича и припомнил ему застольный разговор:

– Так вот, любезный скиф, если у вас дом – это люди, то у нас – это и люди, и стены, и оружие, которое там находится, и мысли, которые там зарождаются, и отношения с друзьями и соседями, а также гости, бывающие там довольно часто. Надеюсь, ты понял, что такое афинский дом?

Анахарсис не ответил Феспиду. Но куда-то в сторону и непонятно кому тихо сказал:

– Дом дому рознь.

Главкон, который было на время успокоился, после некоторых раздумий, снова решил продолжить испытания молодого скифа. Он спросил его:

– Скажи, царевич, а какое ваше главное оружие? Чем вы воюете?

– Разумеется, лук и стрела, – ответил тот. – Они лёгкие, удобные, точные, не сродни копьё.

– Не хочешь ли ты сказать, что наше оружие уступает вашему оружию? Имей в виду – от стрелы можно запросто укрыться, к примеру, добротным щитом, а от копья и меча защиты нет. Вернее она есть. От копья и меча защитой может быть только более мощное копье и более крепкий меч. Но если они находятся в руках Солон или моей руке, то пощады никому из врагов не будет. Не завидую я им!

У скифов, как я полагаю, – поддержал разговор Солон, – покоряют людей и поддерживают порядок силой оружия. Так поступают многие народы. Не все ещё поняли, что силой оружия можно покорить только на некоторое время, а силой закона и ума – на века. Хотя, конечно, в этом вопросе не всё однозначно.

Тут следует заметить, что Анахарсису воевать не довелось. И как там, в бою, орудут копьем и мечом он, разумеется, не знал. Царевич с трудом научился стрелять из лука. Да и то, главным образом – в дерево. Молчавший всё это время ареопагит Аристодор, вдруг решительно вмешался в разговор, энергично поддержав мысль Солон.

– Закон у афинян лучшее оружие, – с возвышенным пафосом молвил он. – Его не пронзит ни меч, ни копье, ни стрела. Он сражает всех и сразу. И противостоять ему нечем. Вот каким оружием необходимо владеть, царевич. Солон – наш законодатель, им владеет даже лучше, нежели копьем и мечом. Хотя, как только что мы убедились, ему нет равных мужей, во владении любым оружием. Мудрый политик должен владеть всеми видами оружия и уметь применять их в зависимости от обстоятельств.

– Интересно, – прошептал царевич, – очень важную мысль подал Аристодор.

– Не менее важным оружием афинян, да и всех эллинов, является слово, – встрял в разговор Феспид. – Мы этим оружием владеем в совершенстве. Словом можно сразить любого человека наповал и даже многих людей сразу. Вот, когда Солон выступает в Экклесии, то все граждане афинские поражены произнесёнными речами. Они неизбежно становятся его пленниками. Или, скажем, слово Гомера или Гесиода может творить великие чудеса. Согласен, Солон? – тут же, молодой поэт обратился к поэту известному.

– Видишь ли, Феспид, – отозвался Солон, – каждое оружие имеет свою силу, время и место применения. В яростной битве с врагом сгодятся и лук со стрелой и меч, и копье и щит и кулак. И закон является мощным оружием, но не для всех. Для скифов, например, – нет. В той же самой жестокой битве никто не вспоминает законов. Там закон один – убей врага, иначе он убьёт тебя. Слово, о котором говорил Феспид, тоже достойное оружие, но и оно не всегда имеет успех. И даже Гомер с Гесиодом ничего не значат для многих варваров. Так что любое оружие относительно. Его сила ограничена и временем, и местом, и обстоятельствами. Но всё же, я полагаю, есть такое оружие, которое сильнее всего, причём у всех народов. И это оружие – мысль; сильная, разумная, взвешенная мысль. Именно она порождает закон. Мысль направляет слово, руководит нашим языком, даёт указание руке, куда и когда направлять копье, меч, стрелу, камень. Она определяет, когда необходимо остановиться, а когда бежать с поля боя при неудачном стечении обстоятельств. Так что, друзья мои, Солон склонен считать, что главное оружие разумного человека – это мысль. Причём не какая-нибудь, а взвешенная и продуманная мысль. Мысль действенная и деловая, хитроумная мысль. Без неё ничто не творится в человеческой жизни. А если что и творится, то результаты такого творения отвратительны.

Афинский мудрец сделал небольшую паузу, посмотрел на Аристодора, на Главкона, затем на Феспида и, наконец, на скифского царевича, потом, добродушно рассмеявшись, продолжил:

– Я, собственно, не настаиваю. Некоторые мои друзья и сограждане мысли не признают. Для одного из них превыше всего меч, а для другого – слово. Вот интересно было бы посмотреть на бессмысленное сражение меча и слова.

Феспид слегка обиделся на Солона, но виду не подал, а наоборот решил усилить свою точку зрения. Он немедленно возразил Солону, а соответственно, и всем присутствующим здесь:

– Мы ещё не до конца поняли силу слова. И, не важно, порождается оно мыслью или стихийным потоком жизни. Слово – это силище. Ведь оно воздействует на всех – мужей, женщин, детей, стариков, рабов, эллинов и варваров, даже на богов. А если это слово красивое, звучное, привлекательное, значимое и уместное, то оно может покорить всех, вызвать у людей самые глубокие чувства. Вот увидите. Со временем я докажу вам и всем остальным его величие, силу и подлинную значимость. Его величество слово!

– Что есть настоящее слово и какова его подлинная сила? – спросил Анахарсис.

– Настоящее слово – это творческая мысль, воплощённая в звуке, – ответил Феспид. – А сила его различна. Оно может очаровать людей, а может и разочаровать их. Главное, чтобы оно было звучным, красивым, привлекательным, уместным.

– Слово, исходящее из разумной мысли, – это действительно сила, – уточнил Солон.

Застолье и развлечения в саду затянулись допоздна. Его участники обсуждали самые разные вопросы. Главкона, например, интересовало, чем питаются скифы, есть ли у них хлеб, рынок, баня. Анахарсис ответил, что хлеба у них в избытке и что даже эллины едят хлеб из скифского зерна. Главкон почему-то не знал этого и вопросительно посмотрел на Солона. Тот стал активно кивать головой, а потом уточнил:

– Скифское зерно – лучшее и, пожалуй, самое дешёвое. Скифы, к нашему удовольствию, не умеют торговаться, как мы. Иногда на рынке свои товары они отдают за полцены. А хитрые и проворные эллины пользуются этим.

– Рынок, особенно эллинский, – включился в разговор Анахарсис – это место, придуманное вами нарочно, чтобы обманывать друг друга, не говоря уже о нас – скифах. Мои соотечественники бесхитростны и всяких рыночных уловок не знают и по этой причине часто остаются в проигрыше. А, посему, и рынок не любят.

– Да кто его любит? – встрял в разговор Феспид. – Глаза б мои его не видели. Едва ли не все деньги оставляю там. И, главное, непонятно, кому и зачем их отдаю. Стоит только войти в рынок, сразу же теряюсь. И то понравится, и это, и даже то, что не понравилось, зачем-то покупаю. Вроде бы не собирался, но торговцы непременно очаруют собственными причитаниями и уговорят меня что-нибудь приобрести. Ох, если бы моя воля, то не сомневайтесь – разогнал бы все эти торговые сборища, а на их месте возвёл храмы и здания для увеселительных развлечений.

– Где-где, а на рынке творится всякое. И развлечений там, Феспид, тоже хватает, – незамедлительно отреагировал Солон. – На рынке действуют свои законы, причём далеко не лучшие, часто противоречащие установлениям государства. Но без рынка, поверь мне, тоже нельзя прожить. Если бы ты даже очень желал этого, то, всё равно, никак нельзя! Для нашей жизни рынок не менее важен, нежели Экклесия, или храм. Я бы даже рискнул заметить, что есть люди, способные прожить без них, а без рынка – никто не может существовать. Но, скажу вам, друзья мои, что Анахарсис, рассуждая о рынке, подал добротную мысль. В торговле следует навести порядок. Время для упорядочения – настало. Пожалуй, я разработаю закон по этому вопросу. А пока закона нет – завтра же стражам дам распоряжение, чтобы следили за порядком на рынке и справедливыми ценами на товары. Между прочим, стража у нас скифская, её

начальник тоже скиф. Полагаю, что они изменят положение дел к лучшему. Из их числа следует назначить агорономов.

Таким образом, Анахарсис стал сопричастным к появлению закона «О рынке», который был принят некоторое время спустя.

– А как же всё-таки с баней? – не унимался Главкон. – Вы, скифы, моетесь или нет? Где, когда и чем вы моетесь? – допрашивал он царевича. – Дело-то важное и меня оно интересует больше, нежели какой-то там рынок.

– Моемся мы, моемся, Главкон. Моемся водой и снегом. Делаем это тогда, когда возникает необходимость и желание. Моемся, где придётся – в реке, в ручье, в море, даже в лесу, если находим там воду.

– А правда ли, что вы – скифы, можете ходить в зимние морозные дни голыми? – наседал Главкон.

– Ну, это не вопрос, – возгордился Анахарсис, – ходить обнажёнными – мы не стыдимся и не боимся делать подобное даже во время сильного мороза. Ты ведь ходишь по морозу с открытым лицом? Так вот, у меня всё тело, как твоё лицо – мороза не боится.

– Главкон тоже однажды испробовал закалить всё своё «большое лицо» на снегу, – смеялся Аристор, – когда у Солона перебрал вина. И если бы не твой сородич Иеракс, нашедший и спасший его, то не было бы кому сейчас задавать тебе коварные вопросы. Аид до сих пор по нём сучает.

Услышав подобное, Солон удивлённо поднял глаза на своего ближайшего друга и тревожно спросил:

– Главкон, что я слышу? Неужели это правда? Почему я об этом ничего не знаю? Опьянение есть искушение. Пьянство есть истинное безумие, оно лишает нас способностей. Или ты игнорируешь сей афоризм?

Бывший стратег застеснялся, раскраснелся, почувствовал себя неловко, будто его схватили за руку при попытке воровства. Он опустил низко голову и тихо ответил:

– Знать всем о случившемся не обязательно. Невелико событие. Я и сам о нём подзабыл. Если бы не Аристор, то о таком «приятном» никогда бы и не вспомнил. Да и скажу я тебе честно – явно преувеличивает ареопагит. Подумаешь, упал Главкон слегка, повалился с удовольствием в снег; снега ведь давно не было. Немного натёр им своё тело. А тут случайно рядом оказался Иеракс с двумя стражниками. Ну, помогли они мне подняться, довели до дома и ушли восвояси. Хотя, Солон, не сомневайся, я бы добрался самостоятельно. Я в своих силах всегда уверен, ты же меня знаешь.

– Главкон, – поучающе произнёс Солон, – избегай удовольствия, которое рождает печаль. Твоё излишнее увлечение вином могло бы закончиться печально для всех нас.

– Вот видишь, скифы спасли тебя, а ты их третируешь, – встрял в разговор Феспид. – Негоже так. Вместо благодарности их царевичу, ты измучил его своими вопросами.

Главкон уже перестал было расспрашивать Анахарсиса, но от одного-двух вопросов никак не смог удержаться.

– А насчёт диктерионов у вас как обстоят дела?

– Насчёт чего-чего? – явно не понял вопроса царевич.

– Ну, насчёт того, чем я сейчас занимаюсь на государственном поприще. То есть публичной проституции.

Анахарсис недоумевающе глазел на зрителя афинских диктерионов, не понимая существа заданного им вопроса. Все присутствующие заулыбались и начали подмигивать Главкону, дескать, ну зачем так? О каких таких диктерионах может идти речь в Скифии? У них же нет никаких домов, не то чтобы диктерионов. Не в кибитках же их обустраивать. Оставь, во имя Афродиты, гостя в покое. Тем не менее, сомневающийся Главкон недовольно буркнул себе под

нос: «Никогда не подумал бы, что в Скифии нет диктерионов, даже скифских. И как они там без них живут».

Тут вовремя вступил в разговор Аристодор, решивший задать гостю вопрос основательнейший. Он, видимо, долго шёл к нему, можно сказать даже, подкрадывался, прислушивался и присматривался, не задаст ли его, этот вопрос, кто-нибудь другой из участников сегодняшней встречи. Но поскольку никому в голову такая затея не пришла, то ареопагит, скрепя сердцем в конце концов из себя выдавил:

– Ответь мне и всем нам, любезный гость, на политический вопрос. Скифия – это государство или свободное сожительство степных народов? Имеются ли у вас архонты, Буле, Гелиэя, Ареопаг, Экклесия? Действуют ли принятые гражданами или кем-либо другим законы? Защищены ли у вас граждане и имеются ли вообще граждане? Имеется ли у вас настоящая политическая жизнь?

Анахарсис, который до сих пор ощущал себя хорошо, несмотря на колючие вопросы Главкона, после вопроса Аристодора немного растерся, можно даже сказать попал в серьёзное затруднение. Он не сомневался в том, что афиняне знали ответы на эти вопросы, но видимо хотели услышать их от самого скифского царевича. Им стало интересно, как объяснит политическое состояние скифов их царевич. То есть человек, имеющий прямое отношение к государственности. Соблазн-то велик, очень велик, для мужей, интересующихся политикой.

Будучи не совсем готовым к ответу на столь сложный вопрос, Анахарсис высказал то, что в сию минуту пришло ему на ум:

– Нельзя полагать, что мы – дикари, и что у нас отсутствует государственная власть. Она имеется, в противном случае я не был бы царевичем и вряд ли находился среди вас. Разве что в качестве раба. Государственность имеется у скифов, однако она далека от эллинской. Всего того, о чём ты спрашивал Аристодор, у нас нет. Но разве во всём мире мы одни такие? Подобных нам народов и государств – не счесть. Это только вы – эллины, опередили нас намного в деле строительства государственных начал и во многом другом. Мы будем у вас учиться этому, за сим я и прибыл в Аттику. Да, насчёт жизни в Скифии так скажу. Она у нас есть, живут же люди. Но если говорить честно, откровенно, то я склонен считать, что подлинная жизнь мне встречалась только в Афинах, а в Скифии – прозябание.

Видя тяжёлое затруднение скифа, Главкон решил помочь ему более простыми житейскими вопросами. И как ни в чём не бывало, после довольно длительной паузы, вполне доброжелательно снова спросил чужестранца:

– Ну, ладно, оставим в покое диктерионы, и тем более неинтересные вопросы ареопагита, скажи-ка лучше мне, царевич, чем вы там питаетесь? Вы, небось, пищу вовсе не готовите, поскольку нету домов?

– Питаемся всем тем, что принимает желудок. Мясо, рыбу, хлеб, фрукты и ягоды едим с удовольствием. В голодные времена можем употреблять корни, червей, жучков. Но скифы никогда не пересыщаются. Они в вопросах приёма пищи знают меру, в отличие от многих эллинов, любящих безмерно поесть.

«Какая разумная мера, если вы едите червей и жуков?» – подумал Главкон, но не стал обижать Анахарсиса и смолчал.

– Я хочу о серьёзных делах расспросить нашего гостя, а не о червях и жучках, – вдруг неожиданно для всех молвил Феспид.

Причём произнёс это он таким тоном, как будто всё то, о чём ранее расспрашивали Анахарсиса, было пустяковым делом. Главкон, казалось, готов был от недовольства сорваться с места и наброситься на молодого поэта. Другие участники застолья тоже бросили недовольные взгляды в сторону поэта.

– Я говорю это не шутки ради, а ради истины и обстоятельного познания скифской жизни, – объяснил Феспид свой замысел. – Так вот, Анахарсис, ответь нам, эллинам – боги у скифов есть? А то я слышал, что вместо богов вы поклоняетесь странным идолам, кумирам.

Анахарсис недоумённо посмотрел на Феспид, будто-бы он спросил его не о богах, а о том, есть ли в Скифии люди на двух ногах. Недолго думая, он страстно произнёс:

– Если есть мы, то должны быть и боги. Без богов люди не могут жить!

– И скифы тоже не могут? – иронично спросил Феспид.

– А скифы что не люди? – возмущённо ответил царевич. – Такое у меня предчувствие, Феспид, что ты стремишься, стать скифским жрецом, полагая, что мы не способны к вере и жречеству, и собираешься нас учить всему такому.

– А скифские боги без людей могут жить? – с неподдельным любопытством и вполне серьёзно спросил Главкон и сразу же опасливо посмотрел в сторону Солона.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь, Главкон? Я не Бог, я всего лишь царевич и то – скифский. Обратись с этим вопросом к самим богам. На худой конец к оракулу. Может они удовлетворят твоё странное любопытство.

Молчавший во время этого спора Солон заинтересованно попросил царевича кратко рассказать о богах скифского народа, о их именах, о том, в чём они покровительствуют людям.

– Действительно, скажу кратко, – ответил Анахарсис. – Ибо всё сложно и даже бесконечно. Богов у нас меньше, нежели у эллинов, но тоже достаточно много. К тому же каждое скифское племя имеет собственных богов. Назову самых почитаемых из всех: Папай – так зовут нашего Зевса, он Бог неба. Апи – его супруга, равна эллинской Гее, но покровительствует и земле, и морю. Ойтосир – сравним с Аполлоном, он Бог солнца. Аргимпаса – Богиня плодородия и владычица дикой природы. Она близка к Деметре, Артемиде и Афродите. Таргитай – почитается как наш первопредок, так сказать, скифский первочеловек. Он близок к вашему Гераклу. Тагимасада – сравним с вашим Посейдоном. Ему преимущественно поклоняются скифские вожди и цари. Особо хочу сказать о Табити. Мой отец почитает её царицей над всеми богами, а также божественной царицей скифского народа. Она покровительствует власти, домашнему очагу, посредничает между небесными и земными силами. Хочу сказать вам откровенно, что вопрос о наших богах очень неоднозначный. Много спорного и непонятного для Анахарсиса в божественном скифском мире. Между многими нашими богами и кумирами нет разницы. Во всяком случае, я её не вижу и не нахожу. Полагаю этого достаточно для первого знакомства с нашей религией. Кто хочет знать больше – отправляйтесь в скифские степи.

– Ты прости меня, царевич, – отягчающе произнёс Главкон. – Нелегко добраться до ваших степей, а посему позволю себе ещё такой вопрос, да и без знания ответа на него опасно к вам направляться. Меня сильно беспокоят злые духи. Есть они в Скифии или все сбежали оттуда?

– Злые духи, Главкон, всегда есть там, где есть люди. И особенно их много там, где в избытке злых людей. Но добрым и честным индивидам бояться их нечего. Зло страшится добра. А добро не приемлет зло. Поэтому их встреча не сулит ничего хорошего злу. Добро всегда сильнее зла, если даже зло временно торжествует. Зло также не приемлет другое зло; меж собою они враги. А вот добро всегда в дружбе с другим добром. Будь добрым, Главкон, и будь сильным. Тогда никто тебе не будет страшен даже в наших степях.

– А ему и так никто не страшен, – рассмеялся Аристоклор.

Главкон внимательно слушал скифа и неопределённо покачивал головой. Само собой, разумеется, у него возникло несколько вопросов по делам религиозным, но задавать их царевичу не стал, видя, с каким большим напряжением тот излагает их. Иначе и быть не могло, тема для человека тяжёлая. Более того, он решил выручить Анахарсиса и, взглянув на Феспид, шутки ради, спросил царевича:

– А мечтаете вы, скифы, о чём?

– Кто о чём, – улыбнувшись, ответил царевич. – Кто-то о том, чтобы стать царём или царицей, кто-то мечтает приобрести хорошего коня, кто-то всё время размышляет об оружии, а у иного мечта – добротнo поесть или выспаться. Кто-то всё время думает о том, чтобы выжить. Да мало ли о чём мечтают наши люди. У каждого человека своя мечта. И вряд ли он о ней кому-либо рассказывает. А я мечтаю о том, чтобы мои скифы не голодали, не мёрзли, не гибли зря, жили в таких условиях, как эллины, и были такими же образованными людьми. А для этого я буду стремиться постичь многие премудрости жизни. А ты, Главкон, о чём хорошем мечтаешь?

– Я? – удивился Главкон, видимо, не ожидая, что вопрос, заданный им, вернётся ему самому. Он почесал затылок и, шутя, поведал скифу:

– Моя заветная мечта благодаря Солону уже сбылась – я стал порностратегом. Может ли кто из настоящих мужей мечтать о большем? Вряд ли! Правда, по секрету, скажу лишь только тебе ещё об одной моей мечте, исполнить которую не поможет даже наш законодатель. Ибо тут государственные законы бессильны. Она заключается в том, чтобы... чтобы самому почесать левую лопатку. За это, Анахарсис, я готов пожертвовать чем угодно. Ты себе представить не можешь, как мне хочется иногда почесать правой рукой левую лопатку. Но поскольку правой руки у меня нет, то сделать этого я не могу. И, видимо, никогда уже не смогу, никогда!

– Так почеси левой, Главкон!

– Левая рука толком не достаёт, а правой руки – нет. И я, царевич, об этом только и мечтаю. Днём и ночью об этом лишь думаю, особенно когда там чешется. Но ведь чешется и в других местах, куда левой рукой никак не достанешь. И таких мест у меня предостаточно. Ты не представляешь, какие муки претерпеваю я.

– Так попроси кого-нибудь, Главкон, они помогут, и твоя мечта легко исполнится. Попроси, к примеру жену, и она исполнит твою мечту.

– Это совершенно не то. Ведь там, где надо, где сильно хочется и как надо – никто не почешет. Никто и никогда! Жена тем более.

– А вот моя заветная мечта, – перебил Главкона Солон, – о том, чтобы все жители Аттики, а затем и всей Эллады добротнo знали законы и повседневно их придерживались. Я мечтаю о том, чтобы законопослушание стало обычным для всех делом. Дабы люди никогда не убивали друг друга, не обворовывали, не оскорбляли, не обижали, беспричинно не видели в других врага.

– Ну, это мечта Солона-законодателя. А Солона-человека? У Солона-человека и Солона-поэта какова заветная мечта? – уточнил Анахарсис.

– Названные тобою грани во мне разграничить нелегко. Где кончается Солон-законодатель и где начинается Солон-поэт и тем более Солон-человек, не так-то просто. Но твой хороший вопрос, Анахарсис, мне понятен и приятен. И отвечу на него я следующим образом. Ещё одна моя заветная мечта состоит в том, чтобы каждый афинянин, каждый человек поверил в себя, уверовал в собственные силы и возможности. Чтобы каждый был умным, честным, здоровым, сильным, самодостаточным. Чтобы он не роптал, не просил подачек, не ждал даров со стороны Солона, Аристодора, Главкона, со стороны государства, наконец, со стороны неба. И тем более не воровал, не завидовал, не упрекал, не отчаивался. Чтобы все усердно трудились, обогащались, улучшали свою жизнь, жили в большом достатке.

А ещё я мечтаю, чтобы люди не мешали друг другу хорошо жить, а, наоборот, – помогали. Чтобы они радовались не только своему успеху, но и достижениям своих ближних и дальних соотечественников. Чтобы дети любили родителей, как те любят их, чтобы соседи были друзьями, чтобы везде воцарился мир и чтобы быстрее подрос мой внук Тимолай. Я мечтаю более всего о том, чтобы Афины стали не просто государством демократии, но и полисом довольных жизнью людей. Чтобы каждый мог сказать – жизнь для меня не муки, но радость. Вот в чём состоит сиюминутная мечта Солона человека и поэта. Но по секрету скажу вам, что череда

моих мечтаний нескончаема. С каждым мгновением я мечтаю всё больше и больше. Солон – мечтательная натура.

– А у меня, честно говоря, и мечты никакой нет, – подключился к разговору Аристордор. – Я человек без возвышенных мечтаний. Можете себе представить такого? Вы все мечтаете о высоком и далёком, скорее о несбыточном. Не скрою, я иногда размышляю о двух вещах и молю об этом богов – о собственном здоровье и о прочности здоровья афинского государства. Главное, чтобы Афины никогда не утратили того, чего они достигли сейчас. Важно сохранить то, что мы имеем. Вы, видимо, не представляете себе, как сложно сберечь добытое ранее. Всякая добыча даётся тяжело, а её сохранение ещё тяжелее. Если здоров человек и не больно государство, то это ли не заветная мечта умеренного человека? Полагаю, что ничего более мечтательного мне и не надо!

– А какова мечта юного Писистрата? – неожиданно для всех спросил Аристордор у никем не замечаемого всё это время родственника Солона.

Все одновременно повернулись в ту сторону, где он сейчас находился и с любопытством ждали его ответа. Было видно, что Писистрат совершенно не ожидал подобного вопроса. Но, сообразив, что его испытуют, он, тут же, не мудрствуя лукаво, ответил так же, как Аристордор.

– Я не менее Аристордора мечтаю о мощи афинского государства, о его силе, влиянии, о благе и здоровье всех афинян. Я мечтаю о крепкой власти в нём, о богатой жизни всех граждан, особенно простого народа.

Все внимательно прислушались к сказанному, но смолчали.

– Мечта Феспида – создать в поэзии такое, что покоряло бы и восхищало всех людей, чему бы они радовались, восторгались, стремились к самому возвышенному, сострадали, приходили посмотреть на это, как на божественное явление, – произнёс поистине мечтательно поэт. – И место, где народ будет собираться, я назову театром, а то, что они будут смотреть – трагедией. Как прекрасно звучит такое слово – т-р-а-г-е-д-и-я! И будут приходить туда мужи и женщины, взрослые, и дети, свободные и подневольные, граждане, и метеки, эллины и варвары. И театр объединит всех лучше, нежели любые законы или политические союзы и договора. Зрители будут осознавать себя как единое целое. В театре они увидят всё – мир, войну, любовь, предательство, измену, героизм, славу, счастье и несчастье, честь и бесчестие. Они увидят жизнь во всей её полноте, увидят и услышат себя! Они ощутят себя частицей этой жизни. Человеческий дух возьмёт верх над делами обыденными и повседневными.

– Вот уж воистину размечтался, – сказали в один голос Главкон и Солон. – Дожить бы до того времени. Хотелось бы увидеть и почувствовать всё такое.

– По ходу феспидовых мечтаний у меня родилась ещё одна собственная мечта, – вдруг, встрепенулся Главкон. – Учитывая то, что до рождения трагедии я вряд ли доживу, то появилось желание увидеть хотя бы скифские края. Вот побывать бы у них нам с тобою, Феспид, а? И своими глазами на всё посмотреть. Что ты на сей счёт скажешь?

Поэт тут же поддержал его:

– Когда Анахарсис из царевича превратится в царя, а из строптивого молодого мужа преобразится в мудреца – непременно там побываем. Посейдон нам в помощь...

– Клянусь Папаем, а также Зевсом, принадлежать к царскому роду вовсе не значит быть царём, так же, как и сидеть рядом с мудрецами – не значит стать мудрым, – перебил Феспида Анахарсис. – Ещё опасней стремиться сразу к двум родам – царей и мудрецов. Может случиться так, что не станешь ни тем, ни другим. Думаю так и будет. Но если бы было возможно, то я б с радостью поменял все царства на одно – царство истины и мудрости, чтобы хоть немного в нём пожить, поблаженствовать.

Но Феспид, будто не слыша суждений царевича спокойно продолжил:

– И Солон с собой в Скифию возьмём, и Аристордора, и внука Солон – Тимолая. Малыш, к твоему сведению, уже знает скифский язык и постоянно из себя изображает скифа. Этому его

научил Сах. Солон, как видишь, целиком попал в скифское окружение. Чем это закончится, даже предположить не могу. Того и смотри ещё нашего законодателя сделают скифом. Такой законодатель, как наш, скифам весьма понадобился бы.

– Ничего-ничего, окружение хоть и скифское, но добротное, надёжное. Иногда надёжней эллинского, – добродушноотреагировал Солон. – Скифам я доверяю во всём. Доверяю им несколько не меньше, нежели порядочным афинянам. По большому счёту, для меня важно не какого рода-племени человек, а каков он по своим нравственным и деловым качествам. Можно ли с ним иметь дело. Со скифами, смею всех заверить, дела иметь позволительно. Им можно довериться в самых ответственных делах. И они не случайно охраняют наш государственный порядок и даже нас самих от всякого рода посягательств наших же сограждан. Скифы – незаменимые афинские стражи. Замечу – стражи законности, мудрости и добродетели.

Анахарсис после этих слов ещё больше проникся к афинскому мудрецу тёплыми чувствами и ощутил себя в более надёжном окружении, нежели дома – в Скифии. Действительно, дом – это не стены, а люди, а хороший дом – хорошие люди. Царевич знал Солон всего два дня, но ему уже казалось, что знакомство с ним длится целую вечность. «Как же мне повезло, – подумал он. – Благодарю вас за это эллинские и скифские боги!»

Вместе с тем, и Солон считал прибытие Анахарсиса в Афины очень большой удачей для себя. Одарённый любострастный скиф разбудил в афинянине дремавшие мощные творческие силы. Ведь на каждый сложный вопрос царевича следовало искать утончённый, а самое главное – убедительный ответ. Анахарсис постоянно докапывался до оснований, что побуждало и афинского мудреца делать то же самое в поисках ответов. Скиф никогда не останавливался на полпути. Он твёрдо и, главное, кратчайшим путём стремился к цели.

Однажды Солон пригласил Анахарсиса посмотреть на работу Экклесии. Собрание проходило очень бурно. После выступления законодателя в обсуждении вопроса о ходе строительства дороги и некоторых зданий выступили представители всех фил. Их речи скорее были эмоциональными, безудержными, нежели деловыми. Раздавалась критика, имелось бурное недовольство, даже некоторая распушенность. Предлагались различные решения, причём не по делу. Бедный Анахарсис смотрел на всё это и не знал, как быть. После собрания он возмущенно сказал афинскому законодателю:

– У вас – афинян, говорят мудрецы, а решают дела невежи. Они же действуют не по разуму, а по настроению.

Он имел в виду то, что нельзя полагаться на решения, которые принимает большинство возбуждённых граждан.

Солон, улыбнувшись, так ответил ему на сделанное замечание:

– Если бы все дела решали одни мудрецы и они же принимали законы, то ни один из них никогда не был бы принят и ни одно дело не было бы своевременно решено. И вообще, ничего не было бы сделано. До сих пор всё ещё обсуждалось бы. Так что, любезный Анахарсис, не обязательно всем быть большими знатоками каждого вопроса. Порой достаточно одного хорошо знающего. К тому же, погалдели, пошумели мои сограждане, слегка возмутились, а решение приняли всё-таки то, которое предложил я. Это и есть главное и мудрое в государственных делах, или хотя бы в данном случае.

– Иначе говоря, Солон, ты ненавязчиво, но мудро решил важный государственный вопрос. Решал его будто-бы народ, но на самом деле всё уже было решено заранее. Решено тобою от имени народа. В конечном итоге, и народ, уверовавший в свою силу доволен, и ты им доволен, поскольку принято твоё предложение.

– Думай, что хочешь, Анахарсис, это твоё право. Свободно мыслить в Афинах не запрещено и говорить то, что думаешь, тоже не запрещено никому. Афины – свободное государство. Главное для меня из того, что ты видел и слышал, заключается в том, что важный государ-

ственный вопрос решён. Решён справедливо и своевременно. Сами же особенности его решения, принципиального значения не имеют. Это то, что я называю особенностями, тонкостями политики и властвования, возможно даже политической мудростью. Между прочим, афиняне тоже искушены в политике. Они не такие простаки, как полагаешь ты.

Анахарсис проницательно смотрел на Солона, в глубине своей души искренне завидуя ему. Вернее даже не ему, а его способности находить нужные и своевременные решения, решения, имеющие государственный характер. Он не удержался, чтобы не задать очередной сложный вопрос:

– Скажи, законодатель, должен ли мудрец стремиться к господству над людьми? Может ли мудрец быть господином всему народу?

– Мудрец есть тот, кто прежде всего является господином самому себе, кто умеет в совершенстве управлять и распоряжаться собой. Он не царь и не тиран, стремящийся обладать непререкаемой политической властью. Власть мудреца иного рода. Это власть духа, власть мысли и слова, власть убеждения и авторитета. Наконец, власть знания и его верного применения. К такой власти люди тянутся, такой власти они не боятся, а некоторые сами желают попасть под её крыло. Они видят в ней добрые семена жизни и познания. Но, имей в виду, даже духовная власть не должна быть сверхсильной, тиранической, унижающей и принижающей людей, уничтожающей любые чужие здравые мысли. Ведь духом тоже можно поработать и унижать, даже уничтожать. Власть мудреца базируется на доверии народа к нему, на вере в его замыслы и идеалы. По идее люди должны любить мудреца, искренне верить в сказанное и предложенное им.

– Разве такое бывает всегда? – удивлённо спросил скиф.

– В том-то и дело, что не всегда, – ответил афинянин. – Мудрец может оказаться непонятым своим народом. «Средний человек» не всегда почитает мудрость. Скорее даже, наоборот, недолюбливает её. В мудрости он видит опасность для себя.

– В чём опасность? – удивился Анахарсис.

– В том, что он – средний человек, весьма посредственный, недалёкий, а не возвышенный. Он завистливый, хочет большего, чем может. И мудрость обнажает сие положение дел. А посему мудрецы будут чаще не понятыми, нежели понятыми, чаще отвергнутыми, нежели принятыми, чаще несчастными, чем счастливыми.

– А несёт ли мудрец ответственность за всё это?

– За что именно? – переспросил Солон.

– За всё! За всё-всё-всё! – порывисто воскликнул скифский царевич.

– Вновь коварный вопрос исходит от тебя, любезный. Мне кажется, что нести прямую ответственность за всё происходящее в полисе мудрец не должен. Ведь он не государь и не подменяет собой весь народ. К тому же, мудрость мудростью, но должен быть и здравый смысл народа, его государственное чутьё. Представляешь, ведь и мудрец может ошибиться! И что тогда? Всё свалить на него? Тем не менее, полагаю я, мудрец несёт косвенную ответственность за происходящее в обществе. Ведь он не сумел донести до всех людей разумные идеи, не смог убедить их в собственной правоте, не смог разъяснить, не смог найти поддержки и опоры у граждан. Но эта ответственность не правовая, не по законам государства, а по законам этоса, по высшим законам нравственности. У мудреца имеется свой беспощадный судья – его личная совесть. Такой судья не даёт мудрецу ни минуты покоя, побуждая к размышлениям о происходящем и необходимом действии во всеобщее благо.

Разговоры и споры, подобные этому, между Солоном и Анахарсисом происходили часто. Собеседники никогда не исчерпывали обсуждаемых тем. Всякая новая беседа порождала неисчислимо множество вопросов. Поиск ответов на них приводил к новым вопросам, а те, в свою очередь, становились источником небывалых идей. Так на земле Эллады зарождалась новая форма человеческого познания, названная позже философией. Зарождалась она, разумеется,

не только в Афинах, но и в других полисах. Солон и Анахарсис были в числе её первопроходцев и неутомимых почитателей. Они не только почитали мудрость, но и искренне любили её. Да и как её можно не любить? Именно так размышлял царевич. Тот, кто не любит мудрость, не любит людей.

~5~

Год спустя после прибытия в Афины Анахарсиса, здесь появился ещё один почитатель мудрости. Это был муж высоченного роста и крепчайшего телосложения. О таких в афинском демосе говорят «дуб», а ещё говорят «циклоп», «гигант», «Геракл». Ростом он был примерно в пять локтей, возможно, чуть меньше; коренаст, широкоплеч, мускулист, кулаки размером с голову Анахарсиса. Правда, иногда афиняне дубами называли тех, кто «крепок задним умом», кто недалёк в делах умственных и житейских. Но это был не тот случай. «Сей дуб, так умён, как никакое другое человеческое дерево», скажет позже о нём Солон Главкону, который за глаза называл прибывшего «дубом».

То, что этот человек умён, афинский мудрец знал давно. О таких индивидах нельзя не знать. Их грешно терять из поля зрения мудрствующего человека. Похожих на него мужей не столь уж и много. Помимо могучего тела он был замечен неподражаемым взглядом. Взор у него чистый, ясный, умный, любопытствующий, понимающий, открытый; взгляд честного человека. Это был взгляд светлозелёных, необычайно красивых глаз, которые напоминали две небольших луны. Анахарсис, с завистью ревнивого мальчишки поглядывал на него и говорил о нём: «красив как эллинский бог», иногда утверждал, что сей муж не иначе как внебрачный сын Аполлона.

Вначале по прибытии в Аттику в общении с людьми он был сдержан, в меру застенчив, скромн, даже, казалось, немного стыдлив. Видимо, немного стеснялся своего роста или переживал за других мужей, что те не доросли даже до его плеч. Он, казалось, сочувствовал всем маленьким и очень маленьким мужам. Умышленно не называл их мужами, а какими-либо другими подходящими словами. И хотя афиняне не долюбливали застенчивость как таковую, но эту они приняли целиком. Более того – афиняне уважали пришельца, хотя они не из тех, которые уважают первого встречного. Прибывший, если судить по его внешности, по годам был старше скифа. Но выглядел он достаточно молодо, как будто время над ним не властно. Он был столь же любознателен и пытлив, как и непоседливый скифский царевич.

Оказалось, это не кто иной, как Мисон, родившийся на Крите, но проживавший по большей части в Лаконике. С ним Солону лет пять назад доводилось мимоходом встречаться в Олимпии. Во время беседы, состоявшейся между ними, афинский мудрец сразу понял, что перед ним незаурядный индивид – человек огромного масштаба, таланта и обаяния. Можно сказать сильная натура, какие крайне редко встречаются, если встречаются вообще. Своего рода олимпиец ума и слова. Афинский мудрец без колебаний пригласил его в Аттику, на предмет погостить, побеседовать, поразмышлять, отдохнуть, посмотреть на афинскую жизнь, при желании – пожить в этих краях, а то и навсегда обосноваться здесь.

Так вот, этот незаурядный человек наконец-то прибыл в Афины. Прибыл он прежде всего, по той же причине, что и Анахарсис, – учиться мудрости. А раз учиться мудрости в Афинах, то сразу понятное дело у кого – у Солона. Такого намерения Мисон не скрывал. В Аттике ему всё понравилось ещё больше, нежели Анахарсису. Подумать только, он останется здесь на долгих тридцать лет. Купит дом, обзаведётся скромным хозяйством. Со временем он, как это не сложно было, получит афинское гражданство. Один из очень и очень немногих метеков.

Таким образом, примерно в одно и то же время у Солона появились два талантливейших ученика, ставших впоследствии всемирно известными мыслителями. А если к сказанному ещё добавить, что в постоянных философских беседах, дискуссиях на разные темы, в обсуж-

дении законов, проводимых Солоном в узком кругу, принимали участие Феспид, Сусарион, Полифрадмон, Херил и другие известные и молодые поэты той поры, то можно с уверенностью сказать, что в начале восьмидесятых годов шестого века до нашей эры в Афинах формируется первая философская школа. Именно первая социально-философская школа, основную проблематику которой составляют вопросы государства, права, гражданства, межгосударственных отношений, человека и человеческой жизни, проблемы познания и поиска истины. Наряду с ними обсуждаются вопросы религии, нравственности, семьи, свободы и ответственности, частной и государственной собственности, искусства. Причём, идеи руководителя этой школы не были абстрактными, голословными и оторванными от жизни. Они воплощались в законах и в практике государственного строительства афинского полиса. Знаменитая милетская школа Фалеса возникает чуть позже, и её главная проблематика будет иметь натурфилософский характер. Можно сказать, что Солон опередил Фалеса в этом вопросе как минимум лет на десять. Данный факт, к сожалению, в наше время недооценивается. Но факт остаётся фактом. Конечно, само слово «школа» может быть здесь и не вполне уместно. Но то, что это было первое устойчивое творческое сообщество мудрствующих людей – сомнений не вызывает. Они часто общались с афинским мыслителем как в одиночку, так и все вместе. Собирались то у него дома, то у Феспида, то на Агоре, то на Пниксе или на Акрополе. Со стороны интересно было наблюдать, как Анахарсис вслушивался в каждое произнесённое Солоном слово. Он внимательно слушал и своего собрата по учёбе – Мисона. Царевич обожал поэтический дар Феспида. Впрочем, и поэзию Солон тоже. Ведь законодателем Солон стал по случаю, а от природы он был поэтом – величайшим из поэтов своего времени. Возможно, законотворческая деятельность основательно отвлекла его от занятий поэзией. Тем не менее, Солон сочинил около пяти тысяч элегий. Не исключено, что эллины стали бы свидетелями рождения новой «Илиады» или «Одиссеи». А для них великий поэт был выше великого законодателя, или на худой конец воспринимался вровень с законоискусником. Поэтому Анахарсис и Мисон также воспринимали и любили Солон и как законодателя, и как поэта, и как мудреца, и просто как порядочного человека. Анахарсиса и Мисона поражало то, что между ними и собой афинянин не возводил никаких преград и даже не намекал на то, что он учитель, а те – ученики, что он первое лицо государства, а они – никто в этом государстве. Они сами подобное хорошо понимали. Несмотря на то, что Анахарсис иногда преступал позволительную грань отношений «учитель – ученик», Солон, был терпелив и сдержан. Он не роптал, не порицал, не возмущался, не ругался, а просто интеллектуальными средствами деликатно ставил скифа на положенное место. Иногда отшучивался, порой не обращал никакого внимания на его «шалости», иногда иронично говорил, что он не дорос до понимания столь тяжёлых вопросов. Афинский мудрец видел, что скиф увлечён, а человек увлечённый о границах и пределах не думает. Даже Главкон порою, не выдерживая напора Анахарсиса, говорил ему:

– Ты хоть и царских кровей, однако, знай, своё место и знай разумную меру поведения. Не будь занозой в одном месте. Уважай афинское государство и его законодателя. Не то я сам начну тебя учить. Имей в виду, подобное тебе дорого обойдётся, ибо я учу не так, как Солон, а быстро и результативно. – Иногда он, шутя, говорил скифу: Не напирай так сильно, у меня всего лишь одна рука. А одной – тяжело тебя сдерживать.

Во время застолья Главкон мог обозвать его степной лягушкой, которая квакает зря, не уважая хозяев Афин, то есть Солон, Главкона, Аристодора, Феспида и других афинян. Простокватый Главкон мог запросто потрепать царевича по шевелюре, похлопать его по плечу, обозвать едким словечком, вроде «норовистый ослик» или «степной жеребёнок». Однако Анахарсис не обижался на друга Солон. Он чувствовал, что это добродушный человек, в словах которого нет явной злости и тем более подлости. Но ревность и с той, и с другой стороны, несомненно, была. Главкону казалось, что новоявленный ученик забирает у Солон слишком много времени, которое могло быть потрачено на более важные государственные дела и, разу-

меется, на самого Главкона. Царевич тоже полагал, что Главкон забирает у афинского мудреца слишком много драгоценного времени, которое могло быть потрачено не на обыденные разговоры и застолья, а на возвышенные беседы и поиск глубоких истин. И Главкон, и Анахарсис нередко упрекали друг друга в том, что они неоправданно отрывают законодателя от важных дел и сами всё делают несвоевременно. Анахарсис однажды в присутствии Главкона так сказал:

– Вот я ежедневно говорю себе – всё надо делать своевременно. Всё-всё-всё! А ты?

Главкон, разумеется, мгновенно отреагировал на столь пафосное заявление скифа:

– А что всё? Что, собственно говоря, ты делаешь? Проводишь Экклесию или заседание Буле? А может, готовишь закон о скифских параситах или заседаешь в Ареопаге? Или на худой конец выращиваешь овощи или пасёшь коз? Единственное, что ты делаешь, так это морочишь голову Солону и отвлекаешь его от важной работы!

– Беседы с мудрецами – это моя любимая стихия! – перебив Главкона, гордо воскликнул скиф. – Не то, что у тебя беседы с сомнительными лицами.

Главкон, снисходительно посмотрев на Анахарсиса, ответил:

– Вот я, иное дело. Никогда законодателю не мешаю, никогда его не отвлекаю, и даже, как могу, помогаю. Я служу отечеству и способствую всечеловеческому делу любви. Правда, ничего не делаю своевременно, а как удаётся. Но я никогда ничего об этом не говорю. А если что-то делаю своевременно, то тоже молчу. И, в конечном итоге, успеваю справляться со всеми делами. А ты? То и дело, что только говоришь и говоришь, жужжишь и зудишь, немного молчишь, а потом снова болтаешь. Рассуждал бы по делу! Говорил бы хоть привлекательно и красиво, как Солон или Феспид! На худой конец, как я. А если не умеешь управлять своими словами, то лучше молчи. Будто не знаешь, что хорошее молчание, лучше плохого разговора.

Анахарсис тут же бурно отвечал Главкону:

– Да, у вас в Аттике изысканная речь, не то, что у нас, в скифских степях. Что и говорить – аттицизм! Такое ощущение, что говорящие ионийцы наслаждаются речью. Мне же аттицизм не свойственен. Я не Солон, и даже не Феспид, хоть и с аттическими корнями. Я – скиф! Но и ты, Главкон не страдаешь аттицизмом. Вот разве что Мисон таков, хоть и критянин.

Тут следует заметить, что лексикон Анахарсиса был весьма и весьма своеобразным. Эллинский язык он знал, но далеко не в совершенстве. Иногда смешивал слова ионийского, эолийского и дорийского наречий. От волнения или в пылу страстного спора ему явно не хватало эллинского словарного запаса. И он тут же вставлял скифские слова. Будто бы для усиления значимости сказанного или для красоты, а потом пытался перевести их на ионийское наречие, если удавалось. Нередко из его уст звучали смешанные скифско-эллинские термины, которые афинянам были непонятны, но Анахарсиса это сильно не задевало. Он даже гордился происходящим, полагая, что таким образом развивает и обогащает скифский язык, а заодно и эллинский. Для возвышенного пафоса он мог использовать известные ему слова египетского, лидийского, финикийского и других языков. Хотя ни одним из них он не владел совершенно. Но для тех, кто впервые с ним сталкивался, или вовсе его не знал, он вполне мог сойти за уважаемого полиглота. Если кто-то из окружения Солона упрекал его в этом, то он, уверенно, отвечал, что владеть многими языками не есть великое благо. И это вовсе не показатель умственного развития. Много знать, вовсе не означает быть умным, тем более мудрым. Мужам, которые упрекали его в незнании египетского или финикийского языков, он отвечал, что не является торговцем, которым такие языки знать необходимо. Иным отвечал, что и они тоже много чего не знают, например, скифского языка. Главкону, часто укорявшему его в недостаточном знании ионийского наречия, он вызывающе отвечал, что тот вовсе не владеет скифским языком. А ещё Главкон не знает финикийского, египетского, иудейского, лидийского, аккадского, персидского языков. Для зрителя диктериона такое совершенно недопустимо. Он обязан их знать в силу особенностей своей работы. Но самое главное не то, как говоришь, а какие слова произносишь, постоянно утверждал Анахарсис, когда намекали на его акцент.

Смотрителю диктерионов он отвечал, что самый совершенный язык тот, который индивида делает хорошим человеком. Это язык высокого этоса, добродетели, человечности, гостеприимства. Главкон тут же прямым текстом говорил ему, что для скифа, эллинский язык он знает хорошо, даже слишком хорошо. Но для мудреца такое знание языка вовсе не годится. Ведь язык есть инструмент и средство мудрости. Анахарсис резко возражал ему, полагая, что мудрость состоит не столько в языке, сколько в мыслях, намерениях и действиях. Мудрость можно изложить и с помощью письма.

– Клянусь Афиной, Анахарсис, ты приехал к нам не учиться мудрости, а учить ей нас! – возмущался порой Главкон. – К тому же, видно, хочешь похитить у нас афинскую мудрость, а взамен навязать скифскую глупость.

– Я прибыл учиться не к тебе, а к Солону, – возражал, донимая Главкона, скиф. – Да, именно к нему. И забирать у тебя ничего не собираюсь, так как брать нечего. Что касается Солоновой мудрости, то не бойся, её хватит на всех разумных индивидов.

В моменты возникавшего между Анахарсисом и Главконом напряжения, разозлившись, бывший стратег, кричал царевичу, что нехорошо быть скифом, но лучше быть эллином. На что тот возражал, что в душе он эллин, даже больше, чем Главкон. Они яростно спорили, ругались и тут же мирились, а потом вновь спорили и снова мирились. Скиф, отстаивая собственное мнение, порой напоминал неврастеника. На что ему не раз указывал Главкон. Анахарсис не раз упрекал Главкона в том, что тот хочет стать афинским Ментором по отношению к нему.

– Во всяком случае, твои речи, если их можно назвать речами, и возражения, если их можно назвать возражениями, носят менторский характер.

Главкон не знал или забыл, кто такой Ментор, тогда Анахарсис гордо напоминал ему, что речь идёт о воспитателе Телемаха – сына Одиссея и Пенелопы. Он воспитывал его двадцать лет. И делал это жёстко, требовательно, строго. Телемах побаивался даже его голоса.

У Анахарсиса, несмотря на то, что он был излишне откровенным, прямолинейным, дотошным, иногда даже дерзким, сложились хорошие отношения почти со всем Солоновым окружением, со всеми эллинами. Он притягивал к себе всех людей, словно камень из Магнезии металлические предметы. Эллы любили с ним пошутить на разные темы, посудачить о Скифии и скифах, поспорить на темы нравственности, политики, экономики, семьи, любые другие темы. Не было таких вопросов, которых бы он избегал. И даже там, где, казалось бы, он был полным чужаком, невежей, он готов был ввязаться в полемику. Скиф научился ставить собеседникам трудные и весьма утончённые вопросы. Он сам всегда искал на них ответы, при этом стремился, чтобы и его собеседники отвечали по-существу. Едва ли не при каждой встрече он старался вовлечь в дискуссию Солон, Мисон, Феспида, Дропида, Главкона, Сусариона. Он полемизировал едва ли не с каждым встречным, если имелся для этого подходящий повод, а если его не было, то сам его находил. Разумеется, дискуссии с Феспидом, Мисоном и особенно Солоном давались ему тяжело. Эти мужи были не только мастерами слова, но и демиургами утончённой мысли. Но скиф не отчаивался, если его стихийные аргументы разбивались о прочные берега их логоса. Он настойчиво искал новые пути и подходы, усиливал аргументы. Если их не хватало, то он продолжал поиск более новых и более убедительных средств. Находя, тут же пускал их в ход. Солон как-то в присутствии многих мужей назвал царевича мастером меткой фразы. А чуть позже и вовсе величал его эристом, то есть мастером, умеющим искусно вести полемику, способным быть человеком рассудительным. Иногда законодатель и вовсе ставил его в пример всем остальным, упоая на то, что Анахарсис умеет быстро учиться, а также переносить все невзгоды Судьбы, преодолевать превратности и тяготы жизни, что к ней он относится разумно, вдумчиво, основательно, последовательно. Разумеется, мудрец делал это не только в силу заслуг скифа, но ещё и по причине того, чтобы словесно поощрить и поддерживать его в стремлении глубоко изучить всё эллинское. То, что Мисону и Феспиду давалось легко и быстро (ведь они эллы) Анахарсису давалось непросто; всё-таки он скиф и у него

наполовину скифское мышление. Правда, Феспиду не очень нравилось, когда превозносили царевича. Он дал всем понять, что в вопросах поэзии Анахарсис не эрист, а всего лишь флиак. То есть исполнитель шуток, фарсов, не более того. До уровня эллинского поэта Анахарсису никогда не приблизиться: «Поэзия ему – совсем не по уму», – так резко откликнулся молодой поэт. За глаза Феспид иногда называл Анахарсиса грубым сатиром. И тот, между прочим, знал об этом. А посему он дал себе зарок в совершенстве овладеть эллинской поэзией и даже более того – самому стать хорошим поэтом. Он мечтал написать скифскую «Илиаду», или «Скифию», которая восславила бы его народ навека.

Многие афиняне о нём говорили, что он весьма заметное явление – скифский феномен. Царевич был находчивым, открытым для всех, хотя и не всегда понятным и понятым. Да это и не важно. Что не делай, что не говори, а скифские корни давали о себе знать.

Вместе с тем, в Солоновом окружении был человек, которого скиф невзлюбил и старался обходить его стороной. Этим человеком был не кто иной, как Писистрат. Скиф обладал феноменальным природным чутьём. И, между прочим, он первым увидел в Писистрате опасного для Афин человека. На сей счёт у него не возникало никаких сомнений. Он ему не доверял и не верил, стремился избегать с ним основательного и тем более откровенного дружеского общения.

Писистрат как-то стал набиваться ему в друзья:

– Я хочу стать тебе близким другом, царевич, – пафосно молвил он. – Как ты на это смотришь?

– Я на это никак не смотрю. Друг у меня уже есть. И такого друга нет ни у кого. Это – Солон.

– Так не стоит ли завести второго друга. Два всегда лучше одного.

– Не соглашусь с тобой в этом вопросе. Вот, например, два удара по голове всегда хуже, чем один. Или два года тюрьмы, никак не лучше одного. Или купить овцу за две драхмы накладней, чем за одну. Так что, Писистрат, имей в виду, лучше иметь одного друга стоящего, чем многих не стоящих. Между прочим, у меня есть и второй стоящий друг – это Мисон. Таких друзей не заменят и сто Писистратов.

Будущий тиран почему-то завидовал Анахарсису. Скорее всего, потому, что тот царевич. Не важно, что скифский, но всё же царевич. А вот он, Писистрат – обычный гражданин, хотя небольшие остатки царской крови имеются и у него. Ведь Кодр и его далёкий предок, а не только предок Солон. Писистрату не нравилось то, что скиф крепко сдружился с афинским законодателем, был дружен с Феспидом, а также со многими достойными людьми Атики. А те почему-то Писистрата не замечали и очень близко к себе не подпускали.

Что интересно – невзлюбил Писистрата и Мисон, исключительно сдержанный и на редкость терпеливый человек. Он невзлюбил будущего тирана ещё больше, нежели Анахарсис. Между ними периодически происходили размолвки. Просто поразительно, что оба ученика Солон предугадали в его двоюродном брате будущую опасность для афинской демократии, опасность для самого учителя, его идей и практических дел. Солон же, будучи человеком толерантным, убеждал и Анахарсиса, и Мисона в том, что Писистрат ещё молод и наивен, и что есть надежда на его исправление в будущем. Да и не такой он плохой, как это кое-кому кажется. Возможно, время его исправит или хотя бы поправит. Мисон же намекал Солону, что как бы в будущем не пришлось бежать или скрываться от такого человека, как Писистрат. Конечно, глубоко в душе законодатель тоже предчувствовал недоброе по отношению к нему, хоть и не явно. Он никак и ничем не мог подобное объяснить. Но такого рода предчувствия имелись.

Анахарсис стремился усвоить все афинские законы. И, как оказалось, для него подобное было непростой задачей. Ему иной раз представлялось, что некоторые законы лишние, что их невероятно много. Что они напоминают цепи, которыми сковывают людей. Солон терпеливо

и настойчиво втолковывал ему смысл каждого закона. Однажды, возмущившись суждением Анахарсиса, он резко возразил:

– Цепи закона могут быть как самыми страшными, так и самыми приятными. Всё зависит от существа конкретного закона, его глубинного смысла и предназначения. Не каждому дано, это сразу увидеть и наспех прочувствовать. Если кому-то кажется, что он в цепях закона, то он должен знать, что лучше быть в цепях закона, нежели в просторах мнимого хорошего беззакония и необузданной свободы, при которой ты не знаешь, что ждёт тебя за поворотом дороги и даже у порога твоего дома.

Довольно часто выезжая за пределы Афин, Солон приглашал с собой в поездку Анахарсиса, иногда брал и Мисона. Они, разумеется, не участвовали в деловых встречах законодателя с правителями других государств, не давали советов по политическим вопросам, если их об этом не спрашивали. Когда же законодатель их об этом просил, то они высказывали свои соображения с большим желанием. Анахарсис, по привычке, бурно и громко излагал свои взгляды. Мисон был сдержаннее, скромнее и нередко отвечал:

– Солон, разве после тебя можно найти лучший путь решения вопроса? Я скорее уведу тебя от истины, или введу в заблуждение, нежели дам деловой совет.

Но законодатель не обращал внимания на такие причитания. Он знал, что любой человек способен найти что-то дельное, неповторимое, ценное и полезное. Надо всего лишь дать ему возможность поискать такое и своевременно высказаться. Необходимо проявить в этом деле большое терпение. Мисон, разумеется, предлагал советы, если сам был прочно убеждён в их полезности. Лишнего и непродуманного он никогда не советовал и даже не пытался подобное делать. Он всегда старался быть предельно кратким. Не потому ли Солон часто называл Мисона «лаконцем мысли». Анахарсиса порой называл «скифским соловьём», изредка «орлом степей». Мисон всегда старался оставаться незамеченным. Образно говоря, находился в тени. Анахарсис, наоборот, везде стремился быть увиденным, услышанным, понятым и незабываемым. Его подмывало начертать на чём-нибудь – «тут был Анахарсис».

Анахарсис по сравнению с Мисоном был нетерпелив, суетлив, излишне поспешен. Ему хотелось постичь всё и немедленно. Его острый язык порой опережал мысль, а иногда усердствовал и безо всякой мысли, о чём он не раз позже жалел. Но, что делать, он таков, каков он есть. Видимо иного Анахарсиса не могло быть. Чего Анахарсис от всех не скрывал, так это того, что он является учеником Солона и скифом. Более того, он иногда, изрядно приняв вина, требовал, чтобы его по праву считали первым учеником афинского мудреца. Мисон, Феспид и прочие – это второй ряд, а он, скифский царевич – в первом ряду Солоновых учеников. Был ли в этом какой-то скрытый замысел – сказать трудно. Но этому утверждению он был верен до последнего часа своей жизни.

Мисон был человеком величайшего терпения. Его выдержке и хладнокровию мог бы позавидовать сам Зевс, а не то, чтобы Анахарсис или даже Солон. На всех, кто общался с ним, он производил неизгладимо сильное впечатление. Можно сказать, что критянин беспрестанно и неизменно пребывал в состоянии атараксии, демонстрируя невозмутимость, спокойствие духа, терпение, сдержанность и благоразумие. Со временем многим казалось, что иным образом Мисон и не умеет себя вести. Сам же он утверждал, что стремящийся к мудрости обязан себя вести именно так. Раздражительность, нетерпеливость, распушенность, страх, бесстыдство, наглость боялись Мисона. Торопливость, чванство, зависть, трусость, неуважительность, подлость – так же напрочь обошли его стороной. Всем бедам, выпорхнувшим из ящика Пандоры, Мисон был не по зубам. Он словно бы не замечал их, а они над ним не обрели ни малейшей власти; покружили, пожужжали, поскрипели, возмутились его спокойствием и подались прочь. «Мисон – Бог спокойствия», – как-то сказал о нём Анахарсис.

Критянин никогда не спешил. Он всё и всегда делал соразмерно, спокойно, основательно, без суеты. Его способность не торопиться, не спешить, при этом успевать делать мно-

гое, часто выводила из себя Анахарсиса, который как раз наоборот всегда спешил и призывал к этому же Мисона.

– Критянин, – зывал он к нему, – жизнь проходит, а ты не спешишь ею насладиться. Так и состаришься быстро, не познав достаточного, или хотя бы необходимого. Медлительность убивает в человеке все творческие силы!

– Скорее наоборот, любезный скиф, – отвечал Мисон царевичу, – состаривается и умирает быстро тот индивид, кто слишком резво спешит, не размышляет, не оглядывается назад, основательно не размышляет, и ничего толком не делает. Такой человек не учится, не работает, не отдыхает, не познаёт, не наслаждается познанным, не осмысливает жизнь. Вот если ты торопишься, а я не спешу, то не думай, что ты лучше поешь, лучше выплещешься, надышишься свежим воздухом, основательней согреешься, прочтёшь больше манускриптов, долгие проживёшь, или больше времени пообщаешься с Солоном. Нет и нет! Собственно говоря, ты ничего, Анахарсис, толком не сделаешь, а только создашь видимость сделанного. Тем самым лишь обманешь себя. Спешка – есть обман или видимость работы и самой жизни. А по сему – не торопись! Не спеши! Делай всё соразмерно и своевременно. Делай всё по-делу и для дела, то есть для жизни. И, как говорит наш учитель – знай меру во всём. Не будь безмерщиком! Ибо незнание меры может погубить человека. Впрочем, говорю я это не для тебя, а для себя. Себе напоминаю о важных вещах, а то ведь хорошее и разумное, к сожалению, забывается.

Иным критикам казалось, что Мисон находится в состоянии апатии, то есть полнейшего бессердечия, равнодушия и безразличия по отношению к тому, что происходит вокруг. Кто-то даже сказал, что у него отсутствует явный интерес к жизни. Но это было ошибочное мнение, мнение тех людей, которые его мало знали, а то и вовсе с ним не были знакомы. Атараксия вовсе не апатия. Даже слыша такие оценки, Мисон ни на кого не обижался, дескать, невелика беда, поговорят и успокоятся. А со временем сами поймут, что к чему и кто есть кто. Только время лечит и меняет людей. Оно же исправляет оплошности и поспешные решения. «Человек – камень», – так о Мисоне в очередной раз отозвался Анахарсис, – «его ничем не прошибешь».

Мисон умел ждать, как никто другой. Если бы ему кто-то сказал, пусть даже шутя, в ответ на его просьбу, что подожди десять лет – потом получишь искомое, он спокойно бы ответил: «Десять, так десять». А ради Солона он мог ждать, терпеть и полвека. Он способен был часами и днями молча слушать афинского мудреца, ни разу не перебивая его. Да что там Солона – это ведь учитель, и слушать его – долг прилежного ученика. Мисон с невиданным спокойствием мог выслушать Анахарсиса, Главкона, Феспида, Аристодора, Писистрата, простого ремесленника, пастуха, рыбака, раба, любую женщину, малолетнего ребёнка. Выслушать, о чём бы они там не говорили. И не просто выслушать, а терпеливо, основательно и благо-разумно разобраться в том, что беспокоит и тревожит его собеседника, почему это происходит и чем ему можно помочь. Выслушать царевича или зрителя диктерионов было сравни героизму, но только не для него. Казалось, щедрая Мисонова душа готова была обнять весь мир, доброжелательно улыбнуться ему, сделать добро каждому встречному, посочувствовать любому несчастному или порадоваться счастью других.

Помимо того он вёл воистину сдержанный образ жизни, скромно питался, иногда мог голодать по несколько дней. Мало пил вина, совершенно не общался с женщинами, полагая, что мудрецу лучше обходить их стороной. «Либо мудрость, либо женщины», – говорил он самому себе, Анахарсису и Главкону, которые периодически заостряли внимание на этом щепетильном вопросе. Впрочем, кто в Элладе из нормальных мужей не болтал на такую тему. А он без единого сомнения отдавал предпочтение первому, то есть – мудрости, и на словах, и на деле.

Главкон, став знаменитым порностратегом, исподтишка подтрунивал над критянином, особенно по поводу женского вопроса. Говорил, что женщин критянин не ценит лишь по той причине, что не видит их подлинной красоты и не ощущает на себе их тепла и ласки. Он посто-

янно провоцировал Мисона, приглашая его на «мудрые» дела и эротические встречи в диктерионе. Тот спокойно отказывался, уповая на отсутствие там всякой мудрости. Главкон настаивал, утверждая, что если уж там нет мудрых мыслей, то мудрые чувства несомненно имеются. Но мудрый человек и в диктерионе найдёт мудрость, надо только её хорошо поискать.

– В таком случае, почему же ты за многие годы не нашёл её там? – возражал он Главкону. – Ты давно должен был бы стать самым мудрым во всей Элладе, опередив и Солона, и Фалеса, и многих других в деле поиска мудрости и добродетели.

Главкон настаивал на том, что любовь – это божественное явление. Не случайно ей покровительствуют и Эрос, и Афродита, да и сам Зевс славен любовными приключениями.

– Не мог же Эрос, который беспощаден ко всем, забыть о тебе, – упрекал он критянина.

Мисон же отвечал, что из множества богов ему ближе всех Афина, Гестия и Аполлон. «А с Эросом я, видимо, разминутся, пойдя по другой улице», – отшучивался он. А затем вполне серьёзно убеждал порностратега в том, что он не эротоман, и что Эрос, при всём уважении к нему, не является для Мисона ни братом, ни другом, ни даже попутчиком.

Главкон не знал, чем возразить собеседнику и сразу же переводил разговор на другую тему.

С этим назойливым вопросом, то есть посещением храма любви, Главкон и в шутку, и в серьёз не единожды приставал и к Анахарсису. Убеждал его в том, что не может быть человек мудрецом и тем более царевичем, не разобравшись в женщинах и тайнах любви. Ты не будешь знать, что и как, зачем и почему, не сможешь ничего ответить людям, если они тебя об этом спросят. Хорош мудрец, не побывавший в афинском диктерионе! Это всё равно, что не побывать в народном собрании или ни разу не посетить Гелиэю. Тем самым ты опозоришь себя, поставишь в неловкое положение своего учителя, не рассказавшего тебе о самом главном в жизни. Ну и, наконец, ты опозоришь Афины, самый любвеобильный город мира, и меня зрителя этого тонкого дела.

– Представляешь, каково будет всем нам, – иронизировал зритель нравственности.

Скиф долго отнекивался, дескать, сейчас не до того. Дела мудрости забирают всё время и силы, к тому же не совсем ясно, что там за женщины. А ещё шутя утверждал, что его высокое царское положение к подобному не располагает. Принцесс там, очевидно, нет. Тем не менее, задуманная авантюра Главкону удалась; он заманил скифа в храм любви и отдал его на растерзание самым опытным порно. Анахарсис провёл-таки целую ночь в объятиях Пчелки и Мурки, после чего долго не мог прийти в себя. Но увидев порностратега возмущённо воскликнул:

– В твоём диктерионе можно потерять всё, не приобретя ничего!

Видимо, он имел в виду значительные денежные траты и полное отсутствие там мудрых идей.

В свою очередь Главкон, довольный свершившимся, загадочно ответил ему:

– Как это так? Видимо, за одну точь горизонты твоего познания сильно не расширились. Надо бы побывать ещё несколько раз. Тогда и мудрость к тебе придет, и Эрос станет твоим другом.

Тем не менее царевич время от времени, явно или тайком, посещал подведомственные Главкону заведения. Царевич не царевич, скиф не скиф, мудрец не мудрец, но мужская природа требовала своего. И бороться с этим было крайне сложно, даже столь сильному человеку, как Анахарсис. Анахарсис ведь не Мисон. Тот по своему складу – человек-гора, огромная скала, а скиф всего лишь небольшой камень, который может под небольшим напором треснуть, сдвинуться с места, подпрыгнуть и покатиться по наклонной в разные стороны. Об отношении Мисона к женщинам Анахарсис размышлял многократно, но он так и не понял, кто кого обманул. То ли критянин обманул природу, то ли она его ввела в заблуждение, скрыв от него женские чары.

Между прочим, на этой почве, то есть почве любви и проституции, ученики Солона неоднократно спорили. Вернее, спорил скиф, а критянин, как ни в чём не бывало, спокойно отражал его словесные нападки. Когда Анахарсис никак не мог переубедить Мисона, то кричал ему, что тот глухой и слепой и что у него нет сердца. Он, конечно, знал, что Мисон этим никак не проймёшь. И тем не менее, расшатывал неприступную крепость его характера, надеясь, что в ней со временем появятся небольшие бреши. Что интересно, так это то, что Мисон всё прекрасно понимал и совершенно беспристрастно отвечал ему:

– Я не глухой и не слепой, и сердце моё открыто для всех. Но кроме прочего у меня ещё имеется и разум. И он твердит мне: «Иди выбранным путём. Иди во чтобы-то не стало. Знай себе и всему цену. Будь умеренным во всём. Не поддавайся соблазнам». И я иду своим путём. Я не соблазняюсь на мелочи и тем более не соблазняюсь на значимое. Ибо один соблазн тащит за собой второй, а второй – неизменно третий. И так без конца.

– Между прочим, – продолжал он, – разум тоже должен быть чувствительным, а сердце – разумно. Это продлит человеческую жизнь. Тут, – Мисон слегка постучал себя в грудь, – столкнулись извечно непримиримые силы. Тут происходит постоянная, часто незримая, внутричеловеческая война – война сердца, чувств и разума. Победитель никогда неизвестен. Но как опытный «стратег» могу сказать – не бойся разума, Анахарсис, бойся сердца. Знай, что оно пристрастно, часто провоцирует нас, что оно умирает раньше разума и тащит его за собой в никуда. Разум же, наоборот, – сдержан, устойчив; он бережёт и щадит сердце. А посему разум не должен спать, ему следует беспрестанно работать, пахать ниву человеческой жизни. Сердце должно чаще отдыхать, а разум творить. Сердце не должно превышать своих полномочий; разум должен указать ему его истинное место!

– Я не согласен с твоими суждениями, – восклицал Анахарсис, хотя в глубине души соглашался, но внешне не хотел этого признавать.

Мисон догадывался об этом и весьма сдержанно отвечал:

– Ну что ж, каждый живёт сообразно своему сердцу и разуму, сообразно собственным представлениям о добродетели.

– Плохо, когда разум подавляет сердце и добродетель, – обидчиво говорил скиф.

– А ещё хуже, если сердце, обуреваемое сомнительными добродетелями, отстаёт от разума и знаний, – убеждал скифа критянин.

Анахарсис иногда любил подшутить над Мисоном и Главконом. Его шутки были разными – от умных, утончённых, до грубых, «скифских», как называл их Мисон. Однажды критянин с утра пораньше зашёл к скифу, чтобы пригласить его с собой в поездку в Милет. Анахарсис ещё с вечера узнал от Солона о том, что Мисон собирается подобное сделать. Когда Мисон вошёл в дом, Анахарсис совершенно голый лежал в постели, положив одну руку на уста, а другую на мужское достоинство. Вошедший сильно удивился и воскликнул:

– Ты чем занимаешься днём белым, у тебя, что нет дел?

– Я как раз занимаюсь важными делами. Готовлюсь к поездке в Милет. Вот хотел и тебя пригласить. Отправишься со мной? Фалес приглашал.

– Так при чём здесь это? – Мисон показал на него рукой. – И Фалес тут при чём?

– Ах, это! – ответил, смеясь Анахарсис, посмотрев себе ниже пояса – Я учусь сдерживать себя как Фалес. А ещё я хочу, чтобы ты понял. Мудрец должен владеть всем – и удовольствиями, и языком, и всем остальным. Но языком больше всего, а потом и остальным. Тебе же, Мисон, я скажу так:– Обуздывай язык, чрево, уд. Всегда в жизни пригодится!

– Да я уже давно обуздал! – смеясь, ответил Мисон, – надеюсь, и ты сможешь добиться подобного.

– Вот пробую, – тоже смеясь, произнёс Анахарсис, но пока не получается.

– Тогда по поводу языка обратись к Солону, а по поводу удовольствий – к Главкону. Они уж точно помогут тебе, особенно порностратег.

Разговоры и споры такого рода были частыми. Спор однажды принял такой страстный характер и зашёл так далеко, что, не найдя словесного аргумента, Анахарсис ненароком, сам того не желая, толкнул Мисона рукой. Он даже этого не заметил, но когда понял, что произошло, то растерялся и не знал, как быть. Мисон, посмотрев на него как на провинившегося ребёнка, тут же заметил:

– Мудрствующие и стремящиеся к мудрости не должны опускаться до рукоприкладства. В их распоряжении множество иных надёжных средств. Руки – это то, что ниже всех аргументов, после всех аргументов и вне аргументов. Руки предназначены для вещей и коней, а не для унижения людей. Они даны для того, чтобы пахать и сеять, собирать урожай, на худой конец поедать собранное с полей. И вообще, нельзя махать руками. Руками машут те, кто ни на что уже не способен. Так что, Анахарсис, не думай о себе так плохо. Тот, кто о себе думает плохо, тот так же думает и о других.

Да-да, сам Мисон никогда не размахивал руками. А для мудрых разговоров ему вполне доставало ума и языка. Если бы он применял ещё силу, то кто бы с ним стал разговаривать, тем более спорить. Разве что только Солон, который на равных мог посостязаться с критянином в силовых упражнениях.

Анахарсис шутливо утверждал, что Мисону не присущи любовь и ненависть, страсти и ощущения, страдания и наслаждения, радость и печаль, день и ночь, и что даже тень и свет он различает плохо. Мисон и вправду мог выдержать неистовые крики в свой адрес, любой агрессивный напор со стороны оппонентов, и даже такой, который содержал клевету, грязь, грубость, хамство, бесстыдство. Его невероятная выдержка, отсутствие робости часто выводили из себя собеседников; иных доводили до истерии. Выдержку и спокойствие, наряду с мыслительными добродетелями, знаниями и верными суждениями Мисон рассматривал как главные лекарства и оружие мудрствующего человека по отношению к другим. Будучи человеком хорошего внутреннего настроения, критянин никогда прилюдно не смеялся. Даже улыбка на его лице была редчайшим гостем. Мудрствующий критянин знал, что смех является мощным оружием, способным обидеть собеседника или случайного прохожего. Однажды Анахарсис застал его смеющимся наедине с собой, причём смеющимся громко, весело, радостно. Скиф был удивлён, поражён и даже напуган происходящим. Он ведь никогда не видел Мисона смеющимся и сразу же подумал, не случилось ли с критянином чего-то болезненного. Вдруг он помешался умом?

– Ты чего смеёшься? – удивлённо спросил царевич. – Кругом ведь никого нет!

– Как раз, поэтому и смеюсь, – улыбаясь, ответил Мисон. – Если смеяться при людях, то они могут подумать, что я насмехаюсь над ними. Смеяться над людьми, так же, как и оскорблять их, – негоже. Смех, Анахарсис, есть острое оружие. А оружия, как известно, многие боятся. Им нельзя бессмысленно размахивать.

Мисон не любил болтунов, лжецов, бездельников, параситов, ловеласов, хамов, жуликов, наглецов. Он никогда им не верил и не доверял, и всегда чётко и назидательно отвечал: «Нужно исследовать не дела по словам, а слова по делам, ибо не дела совершаются ради слов, а слова – ради дел».

Иначе говоря, не надо ничего во всеуслышание рассказывать о своих успехах и заслугах – лучше покажи их. И то, если они кому-то интересны. Одно хорошее дело может заменить тысячи тысяч неубедительных хвалебных слов. Необходимо приучать себя к делам, добрым и полезным делам, а не рассуждениям о них. Хотя, разумеется, и рассуждения о полезных делах тоже имеют смысл. Когда Анахарсис возражал ему по этому поводу, дескать, большие дела сразу не делаются, Мисон тут же предлагал ему делать их постепенно. Но обязательно делать. Можно творить и малые дела, главное – дела полезные, добрые.

Как-то Анахарсис спросил Мисона, кого и чего он боится. Тот с большим удивлением посмотрел на скифа и преспокойно ответил:

– Что значит бояться? Я не знаю боязни. Ко всем и ко всему я отношусь спокойно, нормально. Если я никого не боюсь, то и меня никто не должен бояться. Хорошие люди не должны бояться друг друга.

Мисон никогда бездумно не делал что-либо «вопреки» или «за», так сказать, заодно с кем-либо или вопреки кому-то. Все его действия и слова были по-существу, в силу необходимости, продуманности, осознанности. Его собственной продуманности и осознанности. Если изредка случалось так, что кто-то из стариков или молодых мужей попрекал его в чём-то, то он сдержанно объяснял – дескать, одни критикуют меня потому, что слишком стары, а другие – потому, что слишком молоды. А вот мужи среднего возраста молчат, следовательно, соглашались со мною. Мисон крайне не любил стяжателей, стяжателей денег и стяжателей власти. Он был уверен, что такие люди ради денег и власти могут предать человеческие идеалы, предать богов, родину, родителей, друзей и даже самих себя.

Он никогда не напрашивался в гости, не рвался на пиры, не стремился на званные и незванные обеды, различного рода празднества. Даже участие в спорах и в поиске истинных ответов на многие вопросы он принимал тогда, когда его призывали к этому. Его, конечно, не надо было уговаривать, и упрасивать по пять раз, напоминать о каких-то просьбах, присылать за ним посыльных. Достаточно было произнести один раз, что Солон ждёт его вечером у себя дома, и Мисон был тут как тут.

Мисон был готов к любым поворотам в жизни, будь они радостными или огорчительными. Он многое предчувствовал и предугадывал. Кто-то даже назвал его афинским оракулом. Но делал он свои предположения сдержанно, ненавязчиво, даже скрытно. Основательное чувство времени и надвигающихся перемен, видимо, были обусловлены его высокой образованностью и глубиной знаний. Он всегда, что называется, готовил «сани летом, а телегу зимой».

Мисон был убеждён в том, что следует всё делать своевременно и загодя, делать основательно, добротно, без спешки.

Критянин обладал недюжинной телесной силой. Он запросто, одной рукой, мог поднять тяжёлый плуг или колесницу. Спокойно удерживал буйствующего жеребца, мог справиться с бешеным быком. Поговаривали, что в молодости он побеждал на каких-то играх. На каких играх именно – точно, никто не знал, а сам он не распространялся о собственных победах, считая главной – победу над собой. Когда кто-либо восхвалял его силу, он тут же отвечал:

– Сильных много, мудрых мало. Сила нужна коню, а человеку нужен ум, чтобы покорять силу.

Если его силу продолжали восхвалять, то он вновь отвечал:

– Человеческая сила только тогда имеет вес, если она используется по назначению. Человек не бык – напрасно тратить силу не должен.

Мисон был убеждён, что сильные мужи должны быть добродетельными. Сила, помноженная на добродетель, – устанавливает справедливость, так размышлял он.

Анахарсис как-то невзначай сказал ему:

– Даже самый слабый воин может стать героем. А сильный мудрец может стать героем?

– Слабый воин не станет героем, ибо эллинские герои – это дети богов и смертных. А они слабыми не бывают. Мудрствование преимущественно удел смертных. В каком-то смысле это тоже героизм. Но героизм особого рода, в ходе которого не убивают, не калечат, а наоборот из мертвецов делают живых, и не просто живых, но и здоровых. Слепым – возвращают зрение, немым – язык, заблудшим – указывают на правильную дорогу жизни. У мудреца поле битвы огромно, намного больше, нежели у героев. На этом поле всегда стоит несметная армия противников. И мудрствующий часто вступает в битву один. Один на один с армией невежества и тьмы. Очень многим хочется его побить, пленить, оклеветать, хотя бы обойти стороной. Мудрости боятся многие, ибо мудрость есть правда. А правду, особенно о себе, знать редко, кто желает. Многие желают знать правду о других.

– Вправе ли мудрец иметь пристрастия? – донимал Мисона Анахарсис.

– Об этом следует спрашивать самих мудрецов, а не их учеников. Но если тебя интересует моё мнение, то оно таково. Крайне редко встречаются люди без больших пристрастий. Мудрецы, похоже, из их числа. Они, разумеется, могут иметь пристрастия к кому-либо и чему-либо, но такие пристрастия не являются определяющими в их жизни. Их главные пристрастия – знание, истина, мудрость. Они способны их найти и постичь.

– Ты их нашёл? – иронизировал Анахарсис.

– Я же не сказал тебе, что являюсь мудрецом. Но истину ищу и мудрость почитаю.

Так отвечал Мисон Анахарсису, а тот задавал ему всё новые вопросы.

Рассказывать о себе Мисон не любил, если его даже об этом расспрашивали. А посему о нём, как при жизни, так и после смерти, ходили самые противоречивые слухи. Он любил, когда его просто звали Мисоном. Радовался, когда величали учеником Солона. Такое он считал за большую честь. Не возражал, когда его называли критянином. И даже отзывался в тех случаях, когда его окликали лаконцем. Называть его оскорбительно или шутливо, как Анахарсиса или Эзопа, никто никогда не смел, даже Главкон. Не то, чтобы боялись его, а просто уважали и считали неприличным такое делать по отношению к нему.

За то, что он не афинянин, его иногда попрекали или при случае пытались поддеть. Как-то Писистрат будто-бы невзначай спросил его:

– Почему ты, Мисон, не учишься мудрости на Крите и не мудствуешь там же?

– Я учусь мудрости там, – ответил он, – где мудрость в цене, где есть на неё спрос. На Крите сейчас его нет. И главное, там нет Солона, и даже нет Анахарсиса. А писистратов хватает.

Мисон очень любил поездки с Солоном по разным государствам Эллады, любил встречаться с Фалесом, Питтаком, Биантом, Клеобулом. Он был весьма дружен с Хилоном. Перикла и Эзопа – недолюбливал. К Анахарсису относился скептически, дескать, ещё не муж – перерастёт, переделается, отешется. Но чаще всего он общался именно с ним. На царевиче он оттачивал и шлифовал своё знаменитое спокойствие и внутреннюю сосредоточенность. В каком-то смысле скифа он рассматривал как младшего брата; по крайней мере, младшего собрата по учёбе. Анахарсис часто задавал ему коварные вопросы. Иногда по причине незнания ответов на них, а иногда злонамеренно, проверяя свою и Мисонову образованность. Он оттачивал своё остроумие на Мисоне. Чаще всего царевич пытался вывести представления критянина о мудрости.

Как-то Мисон сказал Анахарсису, что по поводу знания мудрости он затрудняется основательно рассуждать, ибо это удел Солона и других мудрецов. Единственное, что ему известно, так это то, что мудрецов и мудрости очень мало. Зато он хорошо знает, что такое глупость, поскольку видит и слышит её довольно часто, даже от знакомых ему людей. Анахарсис, подпрыгнув от неожиданности, буквально потребовал:

– Так расскажи и объясни, что это такое?! А то, все то и делают, что мудствуют, а о глупости не говорит никто ни слова. Будь добр, объясни малообразованному скифу, что такое подлинная эллинская глупость?

– Что такое подлинная эллинская глупость, сказать затрудняюсь. Но обычная человеческая глупость мне известна, – ответил Мисон. – Глупость, как я её понимаю, есть такое положение дел, при котором нормальные вещи превращают в ненормальные, когда из прекрасного – делают безобразное, из здорового – больное. Глупость – это такое состояние, при котором люди молчат там, где следовало бы кричать, и кричат там, где надо молчать. Это постоянное стремление лезть не в свои дела и навязывать другим неверные решения, причём навязывать настойчиво, грубо и не по-делу. Глупость есть бессмысленное уничтожение человека и его здоровья. Безмерная жадность, безмерная и бессмысленная расточительность – сёстры глупости.

– Так, кто же в таком случае глупец? – резко спросил Анахарсис, видимо решив, что Мисон намекает на него.

– Глупость, как и мудрость, – явление всеобщее и повторяющееся. Она не является делом одного человека или одного народа. Скорее большинство людей чаще поступают неразумно, нежели мудро. Глупый поступок может совершить любой человек в любое время.

– И Солон?! – удивлённо и возмущённо воскликнул скиф.

– Солон – образец мудреца, поэта, государственного деятеля и человека. Причём самый совершенный образец, достойный подражания для всех людей. Совершал ли Солон глупые поступки – мне не ведомо. Об этом спроси его самого. Но я не исключаю, что и он мог когда-то делать нечто подобное. Ведь он тоже человек. Во всяком случае, мне и тебе известны мудрецы, которые совершили глупых поступков не меньше, нежели мудрых. Тебе назвать их имена?

– Нет. Я догадываюсь, о ком ты говоришь. Это Периандр и Эзоп.

– Если верить эллинским мифам, то даже боги совершали неразумные поступки. Причём совершали их многократно.

Особенно запоминающейся была поездка Анахарсиса и Мисона в Дельфы. Солон пригласили туда как поэта, то есть как возможного участника Пифийских поэтических состязаний. Пригласили его и как выдающегося государственного деятеля, законодателя и как известнейшего мудреца. Солон взял с собой в эту поездку поэта Феспида, причём с явным умыслом – представлять Афины в поэтических состязаниях. Он уступил ему своё право на участие в играх. Пригласил нескольких молодых начинающих поэтов, чтобы окунуть их в великий поэтический мир, а также музыкантов для участия в состязаниях. В Пифийской делегации был и Главкон, по той причине, что он ещё ни разу не был в Дельфах. Оказался здесь и Писистрат, которого законодатель взял с собой по причине большой любви того к музыке и поэзии. Писистрат был несказанно рад своей поездке в столь священное место, каким являлись Дельфы. Дропид и несколько стражей оказались здесь на тот случай, если нападут разбойники или пираты.

– В дороге стражи нужны, – утверждал Солон, – пусть даже только для порядка или для отстратки.

Наконец, после некоторых раздумий он дал добро на поездку с ним Мисону и Анахарсису. Те, разумеется, с благодарностью согласились. Ещё бы, побывать на священных Пифийских играх – дело величайшей чести для любого человека. Тем более побывать с Солоном – победителем этих игр.

Перед поездкой в Дельфы Анахарсис изучил всё, что относилось к истории этих игр. Мисон, будучи эллином, разумеется, о них многое знал.

Празднества проходили с огромным размахом. Начинались они музыкальными состязаниями. Вначале состязались кифаристы и кифареды, авледы и авлеты. Накал соревнований был высочайший. Афинянам удалось победить в конкурсе певцов-кифаредов. Лучшим был признан Феспид. Он же играл на кифаре, но победу отдали музыканту из Аркадии, хотя афинянин, к всеобщему удовольствию зрителей, играл превосходно. Видимо, судьи сочли, что две победы для одного участника, пусть даже и для такого талантливого, как Феспид, это слишком много. Соревнования авледистов выиграли мессенцы, авлетистов – местный музыкант из Локриды. Феспид как победитель получил лавровый венок и корзину яблок.

В этот же вечер по случаю победы Феспида был устроен пир. Вначале Солон произнёс хвалебное слово в адрес Феспида, затем все выпили за его победу и здоровье. Пили ещё за Афины, за Аттику, за Солон, за законы Солон. Анахарсис был очень аккуратен при употреблении вина и оказался единственным, кто не был изрядно выпившим.

На второй день состязались гимнасты и конники. И здесь афинянам удалось достичь успеха. Молодой наездник Полиодор выиграл состязания колесниц. И вновь вечером был устроен пир по случаю победы афинян. И на сей раз Анахарсис пил меньше всех.

На третий день проводились состязания в честь Диониса. Эти состязания в программу Пифийских игр не входили, но пользовались огромным интересом и популярностью как среди дельфийцев, так и всех гостей. Они проводились скорее ради увеселительных развлечений, и многие рассматривали их как упражнение в безумии. Участники этих состязаний выступали как частные лица, и их задача заключалась в том, чтобы выпить больше вина и не опьянеть. Солону показалось, что Анахарсис был вполне пригоден для таких состязаний. Тем более он заявил, что подобного рода состязания как раз для него. Но Анахарсис, скорее всего, пошутил. Каково же было удивление и разочарование всех афинян, когда скифский царевич быстрее всех выпил половину сосуда вина, свалился с ног и стал кричать на всю округу, что он якобы победил, и чтобы ему отдали приз победителя и увенчали лавровым венком. Царевич едва ли не подрался с местными стражами порядка, которые старались его утихомирить.

На следующий день, оправдываясь за свои вчерашние нелюдские действия перед афинянами, он произнёс следующее:

– Только теперь я понял, что первая чаша вина дарит наслаждение, вторая – делает пьющего пьяным, а третья – делает его вдобавок ко всему омерзительным и безумным. Вчера я был трижды омерзительным и трижды безумным.

Главкон подошёл к нему и в шутку поздравил с победой:

– Вчера, царевич, ты был истинно первым среди опьяневших. Твоя победа безусловна, великолепна и неподражаема. Она более яркая, нежели победы Феспида и Полидора вместе взятые. Ты настоящий победитель! Жаль, что тебе не вручили лавровый венок. Но я постараюсь подобное исправить. По приезду в Афины я собственной рукой сделаю его из крапивы и лично одену на твою голову. Можешь не сомневаться и не переживать на сей счёт. К тому же, наконец-то, я увидел тебя в подлинном облике.

Анахарсис промолчал, но основательно задумался над тем, как бы не попасть под чары Диониса, то есть не стать пьяницей. Чтобы этого не произошло, необходимо чаще смотреть на пьяных. Они должны стать наглядным примером того, как не следует подобное делать.

Когда плыли обратно в Афины, Анахарсис вдруг спросил Главкона, какой толщины корабельные доски.

– Тебе-то зачем знать подобное, собрался строить корабль или займёшься распиливанием досок? – рассмеялся тот.

– Я хочу знать, насколько надёжен Солонов корабль.

Главкон улыбнулся и показал ему четыре пальца своей руки.

– Значит, мы плывём на четыре пальца от смерти? – завопил царевич.

Главкон и Солон рассмеялись, а потом объяснили скифу, что Солонов корабль надёжен. И рулевой кибернетик – он опытейший мастер кораблеводства. Таких редко сыщешь, имеет двадцатилетний опыт мореплавания. Наконец, плывут они не так далеко от берега. В случае опасности можно будет спастись, спокойно доплыв до него.

– Спокойно доплывут те, кто умеет плавать, а я плаваю словно камень – погрузившись в воду, сразу иду ко дну. Гидрофобия у меня! – завопил он.

– Не бойся, Анахарсис, – убеждал его Солон, – мой корабль избороздил многие моря и ни разу не тонул. Двадцать лет он верно и надёжно служит мне и всем тем, кто плавает со мной.

– Знаешь, законодатель, какие корабли самые надёжные?

– Либо длинные – боевые, либо широкие – торговые, – пошутил Солон.

– Нет! – воскликнул Анахарсис. – Самые надёжные те, которые вытащены на берег! Корабли, лежащие на суше! А все остальные для меня угроза.

Все дружно посмеялись над словами скифского царевича. Но было видно, что по какой-то неизвестной всем причине, он стал побаиваться моря и воды. Раньше не так боялся; доплыл же сюда, в Элладу, из далёкой Скифии. Предстояло поработать над тем, чтобы у него подобный страх прошёл и Анахарсис полюбил водные просторы. Ведь это был самый быстрый,

самый дешёвый, да и, пожалуй, самый надёжный путь передвижения. А если человек постоянно боится воды, то он прикован прозябать на одном месте. Главкон, как всегда, решил подшутить над царевичем, спросив его:

– Ты что, Анахарсис, пруд любишь больше, нежели море?

– Мой водоём – корыто с водой. На худой конец – пруд, в котором воды по колено, – ответил тот безо всякой иронии.

– Значит, ты моешься только до колен?

– Нет, я моюсь и выше, но при этом не плаваю.

– Как же был прав мой дед, – восхитился Главкон, – который утверждал, что боящийся моря возлюбит пруд, а боящийся пруда – обнимет корыто!

Следует заметить, что афиняне научили Анахарсиса плавать и со временем он делал подобное превосходно и даже полюбил морские водные просторы. Зато он перестал «плавать» в мудрых беседах, спорах, дискуссиях, и благодаря упорству, настойчивости, любви к знаниям, и мощному влиянию Солона, стал одним из самых известных, хоть и весьма противоречивых мудрецов своего времени. Об Анахарсисе и Мисоне знали многие эллины. Их приглашали к себе в гости мудрецы старшего поколения, правители, состоятельные граждане. С ними, особенно с Анахарсисом, было интересно, увлекательно, весело. Как утверждал Фалес: «с Анахарсисом не соскучишься».

Не менее пяти лет находился Анахарсис в Афинах, учась у Солона и у других афинян премудростям жизни и мудрости как таковой. Он многому научился. Солон считал его исключительно талантливым человеком, которому по плечу самые сложные дела. Затем он стал самостоятельно путешествовать по всей Элладе. Побывал несколько раз в родной Скифии, но на долго там не оставался. Вновь возвращался в Элладу. Чаще всего задерживался в Афинах. При этом нередко навещался в Милет, Эфес, Приену, Дельфы, Линд. Он побывал также в Египте, Финикии и даже как-то его занесло в Вавилон. Но каким бы хорошим и интересным не был окружающий мир, его центром он считал Афины, а центром Афин – Солон. Именно здесь, по его мнению, имела место настоящая человеческая жизнь, и здесь было сосредоточие мудрости. Вот тут-то и располагается современный «Пуп Земли», а если точнее, то «Пуп мудрости».

~6~

Одним из самых интереснейших событий в жизни Солона стало его участие в знаменитом пиру в Дельфах, так называемом пиру семи мудрецов. Это событие прочно вошло в сознание древних эллинов как одно из самых сокровенных, знаковых, сильно волнующих многие поколения людей. О нём впоследствии будут вспоминать не одно столетие, о нём будут трепетно размышлять, слагать легенды, предания и сказания. И всё это заслуженно, по праву. Такие события не могут остаться незамеченными.

Однако прежде чем вести речь о знаменитом пире, попробуем разобраться в том, что в действительности представлял собой пир? Чем он собственно являлся для древних эллинов, да и не только для них, ибо среди участников нередко бывали также чужестранцы.

Конечно же, и это известно каждому, пир в первую очередь являлся торжественным собранием людей, с непременно обильным застольем, попойкой, имеющей либо увеселительный характер, либо горестный, поминальный оттенок. Пир для эллинов – нередкое явление и поводов для них имелось множество. К примеру – приезд дорогих гостей, важные события в семейной, родовой, племенной и государственной жизни. Пир посвящались богам, историческим событиям, заключению союзов, договоров, великим людям, победам на Олимпийских, Пифийских и Истмийских играх. Да мало ли ещё чему. Основа пира – это, прежде

всего застолье. А стол – есть божественное побуждение, божья сила, алтарь богов, пекущихся о дружбе и гостеприимстве.

Пир – явление глубоко душевное и духовное. Люди собирались, чтобы обсудить важное, поговорить на сокровенные темы, послушать известных гостей или хозяев, поучиться мудрости, увидеть и услышать влиятельных и достойных соплеменников, показать себя, пообщаться и приятно провести время, поделиться радостью, выразить сочувствие, зарядиться положительными эмоциями. Неотъемлемыми атрибутами пиршества были пожелания друг другу здоровья, счастья, удачи, успехов, благополучия, выражение радости или печали. Участники пира обязательно пили добротное вино, которое раскрепощало пирующих, сближало их души, умягчало и увлажняло сердца, делало людей интересными собеседниками, приобщало к активной дискуссии даже совершенно незнакомых застольников.

Где как не на пиру вспоминать богов, которые направляют человеческий путь. Где как не на пиру проявлять человеколюбие. Где еще можно обняться, попросить прощения за что-то нелицеприятное, сделанное ранее. На пиру позволительно искренне пошутить, порадоваться, послушать музыку, спеть, станцевать и, конечно же, помудрствовать. Эллина так и утверждали, что пир – самое мудрёное место. Самое мудрёное в том смысле, что если здесь обсуждали какой-то вопрос, то делали это основательно, всесторонне, обстоятельно, глубоко, вдумчиво, откровенно, учитывая и выслушивая мнение всех или многих.

Солону неоднократно доводилось бывать на различных пирах, особенно после взятия Саламина. Но на таком пиру, какой в этот раз замыслили дельфийцы, разумеется, не бывал ни разу. Можно даже сказать, почему не бывал, и причину вполне вескую не сложно найти. А не бывал по той простой причине, что таковых вовсе никогда не было. Их не было ни до этого, ни после этого пира, хотя разговоры и слухи на сей счет ходили разные. Пир в храме, по велению богов, в кругу мудрецов, под водительством пророчицы – это ли не событие историческое, уникальное, уникально-выдающееся, прелестное, знаковое, интересное всему миру.

Всё началось с того, что как-то весенним вечером в калитку Солонового дома постукали, и Сах впустил во двор рослого, широкоплечего человека в красном плаще. На груди пришельца было изображено солнце, а на спине красовался омфал – знаки принадлежности к храму Аполлона в Дельфах. Солон в то время сидел на скамье, беседуя с Мисоном о пользе государства и власти для каждого человека. Между ними развернулась интересная полемика, в ходе которой афинянин убеждал своего ученика в слабости того государства, в котором есть сильная власть, но нет справедливых законов. Беседующие мудрецы даже не заметили, как появился важный гость. Жрец решительно направился к собеседникам, сделал несколько широких шагов, остановился, осмотрелся, сразу же узнал сидящего Солон и подошел к нему. Он, между прочим, издавна знал его, ибо в Дельфах Солон был известен всем. Посланец храма с чувством высокого достоинства, кивнул головой, поприветствовал хозяина и пафосно произнес:

– Мудрейшему Солону от Пифии! – и незамедлительно вручил папирус, опечатанный большой храмовой печатью. – Тебе, Солон, эпистола я принёс от Селены. Писала она лично это письмо, – добавил тут же он.

Солон за многие годы своей жизни и государственной деятельности получал немало количество важных документов, в том числе от фараонов, царей, тиранов, стратегов, послов разных государств, настоятелей храмов, жрецов, великих воинов, олимпийщиков и других лиц. Однако от Пифии никогда ничего подобного не было. Афинский законодатель даже не слышал о том, чтобы великая жрица вообще направляла кому-либо письма. Разве что тайком – Аполлону, но это людей не касается. Законодатель поблагодарил жреца за столь большое внимание к себе, пригласил его сесть. Тот вежливо отказался, ссылаясь на нехватку времени, дескать, обстоятельства не позволяют подобного делать, и попросил хозяина немедленно, при нём, вскрыть письмо и как можно быстрее ознакомиться с его содержанием.

Обычно важные документы Солон открывал и изучал, находясь наедине с собой. Он делал так, не потому что не доверял тем, кто находился рядом, а потому, что содержание документа касалось, как правило, его одного, либо относилось к важным государственным вопросам. И, само собой разумеется, знать другим об этом не обязательно. Государственные дела всегда были выше его собственных пристрастий и привязанностей, можно сказать – выше всего личного и семейного. Все важные документы он хранил в сундуке, который кроме него никто не мог открыть. Это тоже имело принципиальное значение для охранения многих государственных секретов.

Но тут жрец настоятельно в его присутствии и при Мисоне просит вскрыть и прочесть послание оракула. Видимо его так обязали, чтобы быть уверенным в том, что законодатель не только получил письмо, но и сразу же с ним ознакомился. Письмо немедленно было вскрыто. Солон увидел послание, написанное красивым почерком, судя по всему женским. Оно гласило:

«Здравствуй, премудрый Солон Афинский! В час весеннего равноденствия, которое выпадает на седьмой день месяца Бисиоса, в храме Аполлона состоится великий пир мудрецов Эллады. Как первого среди них и самого почётного гостя, Аполлон, я, жрецы и жители нашего города желают видеть тебя. Учти, без Солона пир не возможен. Предстоит величественное застолье.

Будь здоров! Прощай!

Селена – Пифия».

Когда афинянин прочел папирус и задумчиво поднял голову в сторону жреца, тот упрашивающим голосом сказал:

– Солон, все фокейцы искренне любят и почитают тебя. Почти и ты их знаменитый храм своим присутствием в день рождения Аполлона. Это будет самый значимый пир в истории людей.

Афинянин тотчас ответил:

– Всем, кто меня любит и уважает, я отказать не могу. Передай Дельфам, что на пиру обязательно буду.

Жрец учтиво улыбнулся, поблагодарил хозяина за приятный ответ и скрылся за калиткой. Видимо, ему предстояло ещё кому-то доставить такого же рода послания. Солон завел разговор с Мисоном на тему пиров. И оба стали вспоминать разные из них. Но такого рода, который собирается провести дельфийский храм, они не припомнили и даже не слышали, был ли такой вообще когда-либо. Скорее всего, нет, не было.

До начала пира оставалось совсем мало времени. Афинского законодателя одолевало небывалое любопытство: с чего бы это вдруг храм, где пребывает высшая божественная мудрость, где знают ответы на все вопросы, решил устроить торжественное собрание мудрецов. Понятное дело, когда Периандр устраивает пир, не удивительно, если пир устраивает Клеобул, даже Фалес. Но вот, чтобы это делал храм – так это что-то невиданное, совершенно новое. Солон дал понять Мисону, что хотел бы видеть его рядом с собой. На что тот ответил:

– Там и без моей скудной мудрости её будет в избытке. К тому же меня никто не приглашал. Видимо, я еще не дорос до мудреца.

– И то правда, – согласился законодатель, – желающих, приобщиться к сонму мудрецов там будет в избытке. Эзоп так уж точно будет! Даже если его и вовсе не пригласят. Авось и Анахарсис нагрянет, если окажется поблизости. Без него теперь пиры малоинтересны.

Уже сам факт получения такого приглашения делал приглашённого человека исторической личностью, одним из мудрейших представителей своего времени, а то и нескольких живущих поколений. Во времена Солона храм Аполлона, с его знаменитым оракулом являлся мировым религиозным центром. Всем людям, слышавшим о Дельфах, казалось, что именно там располагается истинно величайшее священное место, где известно всё или почти всё обо всём, и, конечно же, где как не здесь знают истинных мудрецов. Знают, кого необходимо при-

гласить сюда, на этот знаменитый сбор. На пир пригласили Солона, Фалеса, Хилона, Клеобула, Питтака, Бианта. Разумеется, пригласили бы и Периандра, но он к тому времени уже скончался. Когда Пифия обсуждала со жрецами список приглашенных, то ей сказали, что желательно пригласить семерых. Ибо цифра семь – священное число Аполлона. Мудрая Пифия улыбнулась и ответила, что седьмого она не знает. Мисон – еще не постиг всех секретов мудрости, причём он сам это признаёт. Анахарсис, хоть и талантлив, но ещё молод, к тому же он не совсем эллин. Эзоп, которого иные признают за мудреца, слишком дерзок, неводержан, чудачлив и умозрителен. От него можно ждать что угодно. Такого опасно приглашать на священный пир. Имеются также сомнения в его эллинском происхождении. Впрочем, последнее не столь существенно. Аполлон не делит своих приверженцев на эллинов и не эллинов. Он Бог панэллинский и общемировой.

– Тем не менее, – пророчески молвила она – я знаю, что желающих помудрствовать на пиру будет больше, нежели семеро. Некоторые придут по собственному почину, без каких-либо приглашений и объяснений. Их здесь, как я предвижу, попросту не может не быть.

В Дельфы мудрецы направились почти сразу, как только они получили приглашения. Каждый добирался, как мог, но в основном плыли на своих кораблях. Однако сбор длился целую неделю. Кто-то из приглашённых мужей находился очень далеко, кто-то умышленно не спешил, у кого-то по пути возникли непредвиденные затруднения, кое-кто неспешность делал определенным умыслом, полагая, что не начнут же пир без него.

Конечно, были и такие, кто рвался стать первым. Имеются в виду Эзоп и Анахарсис, то есть те, которых и вовсе не приглашали. Как они прослышали об этом священном пире – до сих пор остаётся загадкой. Жрецы никак не могли проболтаться, поскольку секреты они хранить умеют. Мудрецы – тоже не из числа болтливых и хвастливых, разве, что кто-то из ближайшего окружения мудрецов проговорился. Возможно, что всё получилось случайно; такое ведь тоже бывает. Эзоп и Анахарсис добирались сюда по-разному. Анахарсис – на своем корабле, а Эзоп, как и ранее пользовался чужими услугами. Как всегда он добирался, что называется на перекладных, и главное – задарма. Тем не менее, в Дельфы он добрался раньше других, полагая, что если он придёт первым, то почёта и славы более всех достанется ему. Прибыв в «Центр Вселенной», он сразу же забрался на вершину Парнаса и во всю мощь заорал, что «первый из мудрецов» прибыл. Затем прилюдно ополоснул свои грязные ноги в водах священного Кастальского источника и, даже не вытерев и не высушив их, рванул по священной дороге к храму. Это было невиданным святотатством, поскольку тропа предназначалась исключительно для Пифии. Пройдя шагов пятьдесят по ней, он был остановлен тайной храмовой стражей. Стражник строго спросил:

– Стой, кто идёт по священной тропе?!

– Человек, – не задумываясь, ответил Эзоп, вовсе не стушевавшись.

– Человек?! – изумился гневный стражник. – Покажись поближе. Ещё ближе. Так, тело вижу, ужасное вижу тело. Голос слышу, кошмарный голос. Но разума и души что-то не вижу. Есть ли они?! Где они?

– Откуда в таком теле могут взяться душа и разум. Откуда им взяться? – возмутился другой стражник. – Не многого ли ты хочешь? Это какое-то дикое чудище. Не отпрыск ли Пифона? Кто ты, порушитель тысячелетней традиции? Ты почему кощунствуешь, идя по священной тропе?

– Я отпрыск мудрости, и тело моё отстало от разума. Душа и разум уже вошли в храм, а тело плетётся по этой дороге.

– Ты обвиняешься в святотатстве и кощунстве! – вскрикнул первый стражник. – Во всяком случае, обвиняется твоё тело. Эта тропа не место для его движения.

На что Эзоп незамедлительно ответил:

– Кошунственно не то, что по этой дороге идёт человек. Кошунственно строить дорогу всего лишь для одного человека. Чем больше людей ходит по ней, тем она священной!

Стража упорствовала на своём, Эзоп на своём. Наконец, прибывший околумудрец использовал последний аргумент: дескать я тот, кого пригласил Аполлон на пир мудрецов. Когда у него потребовали показать приглашение, то сочинитель басен ответил, что приглашение потерял. Но кто не верит в его мудрость, то пусть проверит её в деле, то есть на пиру. В другое время за подобное нарушение не сносить бы святотатцу головы. Или на худой конец его вышвырнули бы вон за пределы Локриды. Но сейчас, накануне пира, хозяева не стали накалять обстановку. Вышедший из храма жрец строго указал Эзопу на то, что в аполлоновых списках мудрецов его нет, и никакого приглашения ему Пифия не посылала. Дескать, есть Солон, есть Фалес, есть Хилон, а также Питтак, Клеобул, Биант, но никакого такого Эзопа нет и быть не может.

Эзоп тут же возразил, утверждая, что на одном пиру мудрецов он уже был, даже сидел рядом с Солоном, и что даже цари и тираны почитают его за мудреца. Они довольно часто приглашают Эзопа к себе в гости. Много лет Эзоп был ближайшим другом покойного Периандра – одного из самых известных эллинских мудрецов. И что, дескать, никакой и ничей список не может заранее выявить истинную мудрость. Только сам пир покажет, кто мудр и кто мудрее.

Жрецу ответ сочинителя басен понравился и он после совета с Пифией и другими жрецами дал добро на присутствие Эзопа на пиру. Ему было кратко сказано: «присутствовать можешь», но не более того. Эзопу этого было вполне достаточно. Главное попасть на пир, поприсутствовать на нём, а там – обстоятельства подскажут, каким образом ему следует действовать. При случае можно сделаться и главным мудрствующим лицом.

Выйдя из храма, сочинитель подошёл к задержавшему его стражнику и тихо сказал:

– Тело всегда опережает душу – и в жизни, и в смерти. Оно же опережает и разум во многих делах. И самое главное, никогда с ними не советуется. Тело – самая глупая и самая слабая часть человеческой ипостаси. Однако приходится мириться, ибо нет тела – нет дела. А нет дела, то и жизни нет. Но после себя, уйдя в мир иной, человек оставляет не тело, а дела духовные. От тела избавляются, прячут его глубоко в землю, а то и вовсе сжигают. А духовные творенья, наоборот, делают всеобщим достоянием людей. Разумеется, если они достойны того. Так что побеспокойся ты лучше не о чужих телах, а о собственных духовных делах.

Трудно сказать понял ли стражник подлинный смысл сказанного Эзопом, но, во всяком случае, он задумался над сказанным, что само по себе уже хорошо. Хорошо, если стража размышляет, а не действует бездумно.

Вторым, с небольшим промежутком времени, в Дельфы явился Анахарсис, которого тоже не приглашали, на сей великий сбор мудрецов, но который неистово жаждал к нему приобщиться. В отличие от Эзопа он не восходил на Парнас, не кричал о своём прибытии, не мыл ноги в Кастальском источнике и тем более не ходил по священной тропе. Скиф, тихо, мирно пройдя разрешёнными тропами, вошёл в обитель Аполлона. Он разыскал настоятеля храма и доложил ему о своём своевременном прибытии. На вопрос: «Разве тебя приглашали на священный пир?», – Анахарсис стал убеждать хозяев пира, что прибыл сюда по праву. Он, дескать, по достоинству представляет эллинскую и варварскую мудрость и что он сын скифского царя и бывшей гражданки Афин. Да-да, у него два отечества – эллинское и скифское. Впрочем, Эллада является отечеством для каждого мудрствующего человека. Далее скифский царевич указал на то, что он участвовал на пиру у Периандра и что его за мудреца почитает Биант, и наконец он ученик и друг Солона, то есть он не только мудрец, но и ученик мудреца, а в будущем – сам учитель мудрости.

Опытный жрец недоброжелательно воспринял слова скифа о том, что он ученик Солона.

– Зерно и хлеб, виноград и вино – далеко не одно и то же, – сказал он язвительно. – От одного к другому – нелёгкий путь. Так и ты только на пути к мудрости. Но путь к ней очень долг и труден. Неизвестно, осилишь ли его.

Анахарсис утверждал, что трудностей никаких быть не должно. Главное, что на пир прибыл он первым. Но когда ему сказали, что уже явился еще один такой же, как и он, «мудрец» по имени Эзоп, царевичем овладело полное разочарование. Он невероятно расстроился, ударив себя ладонями по голове. Эзоп в который уже раз упреждает его в важных делах. Безродный Эзоп вновь встаёт на пути царственного Анахарсиса. Какая злая шутка Судьбы.

Когда организаторы пира в своем кругу начали высказывать озабоченность таким положением вещей, дескать, если появится с десятков неприглашённых мнимых мудрецов, то не понятно, что из этого пира выйдет. Какой же это будет пир мудрецов? Как бы он не стал попойкой наглецов. Пифия, после некоторых размышлений, всех успокоила, сказав, что неприглашенных больше не будет. А что касается Эзопа и Анахарсиса, то не так уж и плохо, что они прибыли. Даже интересно, как они поведут себя в этом божественном сообществе мудрствующих. И они могут внести полезную лепту в предстоящее застолье. Во всяком случае, можно согласиться с их присутствием, но главное – не позволять им делать что-нибудь лишнее, а то и кощунственное. Необходимо быть готовыми к их непредсказуемым действиям и мыслям.

После Анахарсиса прибыли Биант, Клеобул, Питтак, Хилон, Фалес. Всех их радостно встречали и приветствовали служители храма. Предложили достойные места для проживания в домах, принадлежащих храму, чего не было предложено Эзопу и Анахарсису. Однако Анахарсис не переживал по этому поводу. Они оба с Эзопом напросились к кому-то из знакомых местных жителей.

Наконец, вечером шестого дня после прибытия Эзопа в Дельфах появился Солон. Его дружно приветствовали не только служители храма, но и все прибывшие на пир, включая Эзопа и Анахарсиса. Эзоп, само собой разумеется, упрекнул Солона за задержку. На что Солон ответил:

– Не следует чрезмерно торопиться, Эзоп, особенно на пиры. Поспешность часто губит нас. Пир только завтра, а я прибыл сегодня. Пир, всем известно, начинаются не тогда, когда ты прибываешь на них, а тогда, когда назначено хозяевами, как заранее предусмотрено.

Эзоп в ответ буркнул что-то непонятное и ушел восвояси, поскольку Солон дал понять, что ему сейчас не до него.

Всем прибывшим, включая Эзопа и Анахарсиса, было предложено явиться к храму в назначенное время. Причем в одеждах, которые соответствуют этому событию. Где будет происходить пир и как он будет сворашаться, никто из прибывших гостей не знал. То ли он состоится в самом храме, то ли перед входом в храм, то ли на площадке рядом со священным домом Аполлона.

О предстоящем пире, несмотря на то, что он готовился скрытно, знали едва ли не все жители Локриды. Конечно же, многие мечтали и не только мечтали, но и стремились воочию увидеть всю мудрость Эллады, прибывшую сюда. Ну, хотя бы издали. Все жители Дельф и их окрестностей надеялись, что мудрецы помогут им справиться с трудностями и бедами, которые постигли их в последнее время.

~7~

На следующий день в назначенный час мудрецы своевременно один за другим стали подходить к храму. Здесь их торжественно приветствовали представитель Амфикифии Элладий и настоятель храма Аполлона – Тимон. Встречающие дорогих гостей сказали, что предстоящий пир столь значим и столь весом, что даже они сами, не входят в список избранных приглашённых.

ных на него. После тёплых приветствий и непродолжительного разговора хозяева попросили гостей пройти на площадку, находящуюся рядом с храмом на солнечной стороне.

Ближе к полудню шестеро приглашенных и двое неприглашенных мужей, одетые в белые одежды, напряжённо стояли на площадке в ожидании дальнейших событий. Правда, Эзоп вопреки всему и всем оделся в чёрное одеяние, как будто-бы не радовался предстоящему событию или почитал черный цвет за праздничный. А может он не считал себя мудрецом? Вернее сказать, он явился к храму в том же одеянии, в котором прибыл в Локриду. Что делать, раз белого не нашлось. В конце концов, мудрость заключается не в одеждах. Но никто не придал сему факту существенного значения. У всех создавалось такое впечатление, что сочинитель басен, совершенно не знал, куда себя деть и чем бы заняться. И видимо, чтобы скоротать время и держать всех во внимании к своей особе, он задал афинскому мудрецу явно провокационный, а то и, можно сказать, кощунственный вопрос:

– Солон, вот многие почитают тебя за мудрейшего из всех нас. Если это действительно так, то ответь мне на простой вопрос: «Почему в храме Аполлона пророчествует женщина, но не муж? Чтобы сие значило?»

– Эзоп, мудрейшим является Аполлон и, соответственно, дельфийский оракул, – незамедлительно ответил афинянин. – Вот и обратись к нему с подобным вопросом. Там ты получишь исчерпывающий, а главное достоверный ответ. Почему я, должен отвечать тебе на такие вопросы? Я ведь не сын Зевса и Лето! И даже не его жрец.

Эзоп хитростно прищурил глаза, хихикнул, шмыгнул носом и важно поведал:

– Но ты ведь жрец мудрости, а это не менее значимо, нежели жрец храма. К тому же, я не думаю, что оракул даст удовлетворяющее меня возвешение. Ведь оракул и есть женщина.

– Это как сказать. Не забывай, ответы пилигримам дают жрецы.

– Но, по велению Пифии!

– По чьему велению, доподлинно нам неизвестно. Я, например, получал несколько оракулов. Но слов жрицы не слышал ни разу. Слышал её вопли, стенания, оханья, вздохи. Но ответы давали мужи-жрецы.

– А может Пифией удобно прикрываться другим людям, неизвестным нам, и всё сваливать на неё? – упорствовал сочинитель басен.

– Как знать, как знать, Эзоп. Трудно распознать Пифию. К тому же, никто, ничего, ни на кого не сваливает. Я об этом ничего не слышал и ничего об этом не знаю. Жрице, храму и Летоиду достаётся вся пророческая слава. Причём – вполне заслуженная. И прими к сведению, любезный сочинитель – невеста Аполлона утверждает не то, что удовлетворяет пилигримов, а то, что соответствует действительному положению вещей. Её устами глаголит сама Истина. Это высшая истина! Высокая божественная правда! Во всяком случае, из тех, которыми мы располагаем на сегодняшний день. Или у тебя в наличии более значимые истины?

– Выше всякой истины бывает ещё одна, самая высокая истина, выше которой будет ещё несколько иных, – захихикал Эзоп.

– Позволь, позволь, так ты хочешь сказать, что высшей истины не существует? – вмешался в разговор возмущившийся Анахарсис.

– Почему же – существует! – тут же возразил сочинитель басен. – Однако, смотря для кого и смотря какая истина. Для одних истина – в безднах Вселенной, для других – в могиле, для третьих – в чаше вина или в чечевичной похлёбке.

– А я полагаю, – внезапно вмешался в разговор Клеобул, – причину того, что в прорицалище вещает женщина, следует искать в другом. И она, между прочим, лежит на поверхности. Аполлон – прекраснейший из богов и он, соответственно, доверяется прекраснейшему творению природы, то есть женщине.

– С тобою, Клеобул, не согласятся Фалес и Солон, – возразил стоявший рядом с Клеобулом Питтак. – Фалес скажет, что прекраснее всего законы природы, а Солон станет утвер-

ждать, что нет ничего совершеннее законов государства. Впрочем, желательно услышать мнение самого милетянина, а не строить досужие домыслы. Что думаешь на сей счёт, уважаемый физик, большой знаток природы?

– Коль желаете знать моё мнение по данному вопросу, – после недолгих размышлений высказался Фалес, – то оно таково. Из всего Сущего прекраснее всего сама Природа, потом её законы, затем – законы гражданские. И уж потом женщины.

– Неужели женщины прекраснее мужей? – воспротивился Эзоп. – Тогда почему миром правят мужи, а не женщины?

– Кто реально правит миром – это ещё большой вопрос, – с поддёвкой сказал Биант. – Клеобул, к примеру, только тогда принимает решения, когда их одобряют его жена и дочь. Такое же положение вещей и у Питтака. Поговаривают, что и Солон постоянно советуется с Элией. Да и мне приходится неоднократно обращаться за помощью к супруге. Вот разве что Фалес и Эзоп не поступают так, как мы, поскольку жён не имеют. Впрочем, они, сдаётся мне, именно по этой причине, не являются правителями. По этой же уважительной причине творец басен не умеет управлять собой. И даже не владеет письмом. Правда, Эзоп?

Сочинитель басен к удивлению всех промолчал и даже не повернул головы в сторону говорящего Бианта. Он сделал вид, что не расслышал слов приенского мудреца. Что делать, если нечего ответить, то лучше не расслышать. Это извечное правило жизни.

– Кто прекрасней, Эзоп, ты можешь убедиться воочию, сравнив себя с Пифией. Это будет главным аргументом в нашем споре и реальным доказательством имеющегося положения вещей. Таково моё искреннее убеждение, – наконец-то отозвался молчавший всё это время Хилон.

Безобразный с виду сочинитель басен хотел было в резкой форме ответить спартанцу и всем собеседникам сразу. Но Солон резко поднял руку вверх и предупреждающе сказал:

– Однако, ты, Эзоп, да и все мы, несвоевременно затеяли подобный разговор. Здесь не место для неприглядных бесед. Давайте лучше помолчим, прислушаемся, сосредоточимся, опочинем. Предстоит чрезвычайно важное дело. Грядёт небывалый пир. Не будем сейчас зря тратить силы, и попусту бросаться словами.

– Нет-нет! – возопил Эзоп, – если не желаете говорить о Пифии, то предлагаю обратиться к вопросу о правлении и управлении. Уж больно интересный вопрос для таких лиц, как вы. Мне хочется знать, как с подобным обстоят у вас дела. Лично я никогда не правил и никогда не буду править. А собою управляю, как хочу, несмотря ни на что. Вот так- то! А вы? Ответьте мне искренне и правдиво, мудрствующие мужи!

Зная, что сочинитель басен не отвяжется от них, мудрецы кратко высказали свои суждения, на сей счёт. Первым начал Солон:

– В Афинах правлю не я, а правит народ. Причём правит с опорой на существующие законы и с учётом обстоятельств жизни. Если доводится где-то управлять мне, то делаю это в соответствии с нормами законов и добродетели. Управлять собой, в отличие от Эзопа, я научился. Всегда опираюсь на разум и этос. Скажу искренне, что правление и управление для меня дело обременительное, но необходимое для пользы отечества и личной жизни.

– Никогда не правил и не собираюсь – подобно Эзопу, – высказался Фалес. – Но собою управлять умею. В этом мне помогают знания, прежде всего знания природы и её законов, а также твёрдый характер. Собою править никому не позволяю и законов полиса не нарушаю.

– Я правлю, как позволяют мои знания, – отвечал Биант. – И собою управляю на основе знаний. Но, к сожалению, не всегда получается. Иногда вмешиваются чувства. Я натура чувствительная.

– Правлю государством, как угодно богам. Собою управляю, как угодно мне. И там и там ошибаюсь, но не огорчаюсь. Стараюсь исправлять ошибки и постоянно учусь, – сказал Питтак. Собою управляю ещё более обременительно, нежели Солон. Выходит то, что выходит.

– Правлю, как могу. Правлю, как правлю. И собой и государством. Управлять государством легче, нежели собой. Использую для этого всё, чем располагаю, – заявил Клеобул.

– У нас, спартанцев, всё предписано законами Ликурга. Ничего нового добавить не могу, – отозвался Хилон. – Надеюсь, вы сами всё знаете. А кто не знает – приезжайте в Лаконику.

– Никак не правлю, по той причине, что пока не доводилось! – воскликнул Анахарсис. Учусь, благодаря Солону, управлять собой. Что-то получается, а что-то нет. Но, если в будущем доведётся править, буду делать это по справедливости и по чести. А если не доведётся – огорчаться не стану.

Когда мудрецы, стоявшие полукругом, с обращёнными к храму взорами, на мгновение умолкли, прекратив свои суждения о правлении и управлении, в этот момент, неожиданно для всех, раздались звуки величественной музыки. Никто из присутствующих не понял, откуда же она льется? Звуки могучей лиры, а может быть и сотен лир прорывались буквально отовсюду. Так всем почудилось и послышалось. Было ощущение, будто сам Аполлон взял в свои божественные руки любимый инструмент и вместе со многими другими музыкантами решил вдохновить великих мудрецов на сокровенные размышления. Мудрецы дивились столь утонченно-нежным и в то же время мощным музыкальным звукам и, величественно наслаждаясь, молча слушали их. Пифийская мелодия была столь прелестна, волнительна и трогательна, что все присутствовавшие здесь поддались глубочайшему душевному порыву, неведомому ранее внутреннему ликованию. Они, словно бы очарованные, начали покачивать своими телами влево, вправо, вперед, назад, а затем будто бы поплыли по воздуху. Несомненно, такой музыки они не слышали никогда. Вряд ли подобное слышали и другие смертные за пределами дельфийского храма.

Но музыка неожиданно резко оборвалась, умолкла, хотя эхо продолжало нести ее искристые отголоски над Парнасом. На какое-то мгновение наступила полная тишина. Все почувствовали, что сейчас последует что-то необыкновенное, чудесное, выходящее за пределы человеческих представлений. Храм Аполлона всегда этим славился. Да и сейчас всё к тому шло. Эзоп по этому поводу хотел было сострить что-нибудь этакое, однако не успел. Только он открыл рот, как вдруг застонала стена храма и в ней появились очертания небольшой двери. Дверь, поскрипывая, медленно отворилась. Мудрецы об этой двери слышали разные небылицы. Слышали, что якобы эта потайная дверь есть кратчайший путь к прорицалищу и что она предназначена только для Пифии и что она ею пользуется исключительно по особо значимым случаям. Клеобул где-то осведомился, что такая дверь используется раз в сто лет. А Питтаку давным-давно было сказано, что это дверь Аполлона и что он, через нее спустившись с небес, тайно проникает в храм. Фалесу говорили, что никто из служителей храма, кроме Пифии, не знает, где находится потайная дверь, но в том, что она есть, никто не сомневается. Биант, более того, знал, что в храме таких дверей несколько и что имеется также множество тайных, неизвестно куда ведущих, подземных ходов. А Хилон в молодости даже пытался угадать, где может находиться потаённая дверь, коль она существует. Тогда не получилось, а вот теперь – удалось ее воочию лицезреть. Наконец, Солон, который был знаком со многими храмами и всякими их уловками, предполагал, что разных хитростей, тайн, и чудес храмовые стены содержат предостаточно. И не только в Дельфах. Но одно дело слышать, догадываться, предполагать, иное – самому увидеть, как она – эта потаённая дверь вдруг внезапно появляется прямо перед тобой.

Пока мудрецы, затаив дыхание, рассматривали её и пытались сообразить, что к чему, в дверном проеме выросло дивное женское создание, облаченное в ослепительно золотистые одежды, с золотым венком на голове. Всем присутствующим здесь почудилось, будто оно, минуя все преграды, не выходит из стены храма, а медленно вылетает из нее. У некоторых было ощущение, что восходит Солнце или, на худой конец, Луна. Но, как оказалось, сюда движется

женщина. Утонченные черты ее бледного лица несли выражение неземной красоты, чего-то среднего между красотой божественной и человеческой. Но иначе и быть не могло. Все-таки – это Пифия, повелительница оракула, величайшая жрица, избранница Аполлона, – женщина никогда не бывавшая среди людей, конечно, не считая жрецов. Пифия не может быть иной. Бездонно глубокий и очень сильный взгляд её голубых глаз буквально приковал к земле стоящих здесь выдавших виды мужей. Что и говорить, никто и никогда, кроме Солона, не видел её так близко, лицом к лицу. О пифиях ведь ходили всякие слухи и легенды. Утверждали, что они не от мира сего и что они неземные существа, и что от них можно ожидать чего угодно, и что лучше им не попадаться на глаза, не говоря уже об общении с ними. Всякое и нелицеприятное о них судачили эллины и варвары. Да и не случайно. Все люди их побаивались и сторонились.

Между прочим, в описываемое время в храме имелось три пифии. Наряду с явившейся мудрецам Селеной была другая, лет на десять моложе её по имени Дафна, и совсем юная – Ламия. Да-да, эти две носили имена выдающихся жриц минувших времён. И все они были достойными их наследницами.

Перед мудрецами же предстала знаменитая предсказательница храма Аполлона по имени Селена, что означало – Луна. Она даже чем-то напоминала небесное светило. Была такой же холодно-золотистой, загадочной, слегка устрашающей и охлаждающей чувства. Хорошо замыслили фокейцы: Аполлон – Солнце, Селена – Луна. Жених и невеста – из небесного теста. Лучше и не придумаешь.

Плавнo подойдя к стоявшим мудрецам, Селена кивнула им головой, словно дала знать, что наконец-то она здесь, что рада их видеть и весьма довольна происходящим. Затем она медленно прошла по внутренней стороне полукруга, которым они продолжали стоять, слегка прикоснулась к плечу каждого, сказав при этом:

– Аполлон приветствует тебя.

Начала с Солона

– «Аполлон приветствует тебя афинский мудрец Солон», а закончила Эзопом. Но имен и государственной принадлежности Анахарсиса и Эзопа не назвала. При этом молвила:

– И тебя Аполлон приветствует.

Но Эзоп не был бы Эзопом, если бы не вставил свое острое слово. Он тут же, мгновенно, добавил:

– Эзоп. Тот самый Эзоп, всечеловеческий мудрец.

Жрица не придавала словам сочинителя басен ни малейшего значения, будто-бы они и вовсе не звучали. Она встала между ним и Солоном, тем самым замкнув круг мудрецов. К ней незаметно приблизились два крепких телом жреца и стали позади, словно бы для охраны священной предсказательницы. Пифия еще раз окинула взглядом всех присутствующих, улыбнулась, сделала добродушное гостеприимное выражение лица и торжественно-спокойным, но сильным мелодичным голосом произнесла:

– Мудрейшие мужи Эллады и те, кто с вами! – Присутствующим почудилось, будто перед ними стоит и говорит не простая смертная женщина, а небожительница Гера или Деметра. И голос у нее явно не человеческий и произношение сродни божественному логосу. – Я, Селена – властительница оракула храма Аполлона и его возлюбленная невеста. Волей олимпийских богов, которую мне передал мой лучезарный жених, вы собраны в центре Вселенной, чтобы молвить достойное слово, держать совет и проявить высшую человеческую мудрость. Прежде чем перейти к существу дела, вознесём строгому и правдивому победителю Пифона священные молитвы и принесём ему щедрые дары. Изготовимся же, мудрейшие!

Пифия снова, на сей раз строгим взглядом, окинула стоявших мужей, затем, опустившись на колени и запрокинув голову, направила взор к солнцу, вытянула свои длинные худые руки вперед, вверх, слегка раскинув их. Одновременно с прорицательницей повернулись лицом к солнцу и проделали тоже самое и мудрецы. В это время мальчики, прибежавшие со стороны

храма, вручили стоявшим за спиною Пифии жрецам лиры, и те, взяв их в руки, изготовились играть. На мгновение все трепетно замерли. И вот полилась божественная пифийская песнь в честь Аполлона, в исполнении ликующей Селены и в музыкальном сопровождении жрецов. Смысл этой великой музыкальной молитвы-гимна заключается в том, чтобы перечислить все достоинства Аполлона, прежде всего, как покровителя мудрости, порядка, красоты, гармонии. Вторая часть молитвы содержала просьбу к Аполлону – вразумить людей, наставить их на истинный путь. А также избавить от болезней, от жары, от холода, от ураганов, от землетрясений, наводнений, от тщеславия, от зависти и от кровопролитий. Третья часть включала заверения в любви к Аполлону, почитании его всеми элинами и обещании больших жертвоприношений и замечательных даров храма его.

Когда Пифия окончила молитву, она опустила руки, сосредоточилась, углубилась в себя. Затем при помощи жрецов поднялась с колен, вновь сделала добродушным выражение лица и тихо произнесла:

– Аполлон услышал нашу молитву и принял ее, о, мудрейшие мужи. Это превосходный для нас знак.

Тут следует сделать оговорку, что никто из находившихся здесь мудрецов никогда не слышал молитвы, творимой Пифией, и даже не знал о том, что такая молитва вообще существует. Как правило, молитвы – удел жрецов. А дело Пифии – пророчество и связь с Богом. Даже Солон, который был близок к храму, имел продолжительные беседы со жрецами, не знал об этом. Возможно, что это была первая публичная молитва дельфийской сивиллы. Все присутствующие восприняли происходящее как величайшую честь в свой адрес. Лица мудрецов были умиротворенно-торжественными, величественными. Аполлон действительно оказал им небывалую честь, следовательно, они должны оправдать его ожидания.

Селена же, немного отдохнув, на сей раз не опускаясь на колени, вновь подняла руки вверх и прокричала сильным голосом:

– О, Великий Аполлон, прими наши благодарственные жертвы в твою честь!

Через несколько мгновений она повернулась в сторону храма и во всю мощь своего голоса воскликнула:

– Принести жертвы Аполлону Пифийскому!

Обернувшиеся в сторону храма мудрецы, к своему удивлению, заметили стоящих вдали двух огромных белых быков, которых еле удерживали по несколько жрецов.

Получив приказ Пифии, те, немедля, синхронно вонзили огромные ножи в бычьи сердца и подставили котлы для принятия крови. Собранной кровью было проведено символическое священное окропление храма, жрецов и мудрецов.

После того, как запылали жертвенные костры с быками на вертелах, Пифия, пребывавшая в небывало прекрасном расположении духа, спросила о настроении и состоянии здоровья мудрецов. Ответы были разными, но довольно краткими и положительными. Создавалось ощущение, что достойнейшие мужи побаивались этой дивной женщины, дескать, не от мира сего она, и никто не знает, чего от неё следует ожидать. Эзоп и Анахарсис вели себя более свободно, даже развязано. Эзоп чуть было не ухватил ее за руку, дескать, и Пифия красивая женщина, от чего же не потрогать ее, если появляется такая возможность. Но находящийся рядом жрец железной хваткой своей руки мгновенно и, главное, незаметно остановил несостоявшегося святотатца. А тот и виду не подал, что что-то случилось. Эзоп, видимо, не знал или не хотел знать, что кроме жрецов (и то, исключительно избранных), к Пифии не мог прилагаться никто! Нельзя было даже целовать её руку. После непродолжительной беседы все присутствующие вновь услышали музыку, и жрица доброжелательным, гостеприимным голосом произнесла:

– А теперь, гости Аполлона и его храма, вы все приглашаетесь на пир, на величайший пир великих мудрецов! Следуйте за мной.

И она первой, в сопровождении жрецов, направилась на площадь, расположенную перед храмом. За ней медленно и важно шагали Солон, Фалес, Питтак и другие приглашённые. Анахарсис бросил взгляд на стену храма и вполголоса ахнул:

– Куда девалась дверь, из которой вышла Пифия?

Идущий рядом с ним Эзоп пробормотал:

– А может, и не было никакой двери. Тебе просто показалось. Впрочем, нет, я её тоже видел. Всё это хитроумные проделки Аполлона и его жрецов. То ли ещё будет. Готовся, скиф, к неожиданностям. – Он так это сказал, как будто сам был ко всему готовым.

~8~

Когда все спустились на предхрамовую площадь, то увидели такую картину. Недалеко от входа в храм стоял огромных размеров круглый стол, а вокруг него располагались кресла. Не ложе, а кресла, ровно девять кресел. На каждом из них висела табличка с именем того, для кого оно предназначалось. Точно напротив входа в храм находилось кресло Пифии. По левую руку от нее должен был сидеть Солон. По правую руку – Фалес. Далее, соответственно, Питтак – Клеобул, затем Биант – Хилон, еще далее Эзоп – Анахарсис.

Эзопу определили место между Анахарсисом и Биантом, по поводу чего, баснотворец выразил неудовольствие. Он, было, рванул к креслу, предназначенному для пророчицы, но жрецы решительно остановили его, спросив:

– Читать умеешь? Или твоя мудрость безграмотна? И едва ли не насильно посадили бунтаря в кресло, поставленное для него. Кстати, он неожиданно для себя оказался прямо-таки напротив жрицы, чем, после окончания пира, сильно возгордился. Храм же находился точно позади него. Эзоп, даже не сев на предназначенное ему место, немедленно пожаловался на кресло, которое якобы было большим и неудобным. Затем он пенял на материал, из которого его сделали, потом на чашу, вдобавок ко всему, ему не угодил сосуд, стоявший на столе. Разумеется, он возмутился и соседями по застолью – Биантом с Анахарсисом. Он почему-то усомнился в их подлинной мудрости. Жрецы, стоявшие «наготове» рядом с ним, внутренне негодовали и, еле сдерживая себя, отвечали неприглашённому гостю:

– Нет! Так положено. У всех такое же. Тебя не касается. Тебе показалось. Веди себя достойно. Охлади пыл!

Но в подтексте их слов и в их гневных взглядах явно прорывалось: «Ты чего сюда явился, наглец? Этот пир не для тебя! Не кощунствуй! Веди себя прилично, не то вышвырнем вон! Смотри, доболтаешься!»

Как только села Пифия, вновь заиграли лиры. Молодые жрецы, которые обслуживали пир, налив в чаши вина, поставили на стол наполненные сосуды, посуду с фруктами, ягодами, сладостями и другими яствами. Перед каждым мудрецом на столе лежал лавровый венок, украшенный серебряными нитями. Венки бывали на различных пирах. И там участники одевали их себе на голову сами. Но здесь все было особо. Поэтому все с нетерпением ждали, что будет дальше. Пифия, выждав некоторое время, можно даже сказать, немножко отдохнув и дав отдохнуть всем, величественно встала с кресла, подошла к каждому мудрецу и лично одела ему венок на голову. Одела всем, разумеется, кроме Эзопа, который, как только жрица подошла к нему, бесцеремонно напялил венок на свою лысую голову, полагая, что именно так будет вернее всего, а главное – справедливо. Жрица к выходке Эзопа отнеслась с иронией и почти беззвучно промолвила: «Самопровозглашённый мудрец; все это видели».

Одев мудрецам на голову венки, Селена по-хозяйски обошла вокруг стола и вновь медленно опустилась в предназначенное для неё кресло. Снова несколько мгновений отдохнув, внимательно осмотрев всех окружающих, она правой рукой торжественно подняла чашу с вином и удерживала её на уровне груди. Левую руку медленно подняла вверх, требуя от при-

сутствующих тишины, внимания и уважения. Собственно её требование было адресовано только сочинителю басен, поскольку все остальные и без того были во внимании и напряжении. Они, прищутив глаза, внимательно, с большим любопытством, смотрели на Селену и ждали, что же будет дальше.

– Мудрейшие мужи! – обратилась она к сидящим за столом гостям. – С самого первого пира, который происходил в незапамятные времена, повелось избирать басилевса застолья. Сегодня такого рода выборы впервые отменяются. Точнее говоря – они уже состоялись. Во главе стола буду я. Видимо, вы будете удивлены, поскольку в эллинской истории никогда ещё не бывало, чтобы пир вела женщина. Однако и пира такого, как наш нынешний, ещё не было. Совет дельфийского храма и сам Аполлон, в царстве которого и происходит сие событие, решили, что пир надлежит вести мне! К тому же, я гораздо больше, нежели обычная женщина; я – невеста самого Бога. И этим всё сказано!

– О, славные мужи! – продолжила она, спустя несколько мгновений. – Здесь собрались мудрость царств и царство мудрецов, впрочем, о последнем будем судить по итогам пира. Изначально предполагалось, что будет происходить Великий пир плеяды мудрецов. Да-да, в мыслях Аполлона созрело намерение пригласить семерых мудрейших эллинских мужей. Цифра семь есть священное число Аполлона, да и все эллины признают его за совершенство. В сущности, так и случилось. В Дельфы прибыли шесть приглашённых, признанных людьми и богами мудрецов, а поскольку седьмой – Периандр, умер, то его роль возложена высшей волей на меня. Именно на меня, а не на кого-либо другого. И пусть кто-нибудь попробует вообразить, что это не так! Я представляю здесь премудрого Бога, величественный храм, лучшую часть женской половины человечества, а также саму себя – Селену. Я олицетворяю то место, где человек встречается с Истиной. С великой божественной истиной и высокой мудростью, – возгласила она, вначале показав рукой в сторону солнца, а затем в сторону прорицалища. Моими устами она глаголит.

Жрица умышленно сделала длительную паузу, словно хотела услышать возражение с чьей-либо стороны. Мудрецы, всепоглощающе слушавшие пророчицу, тут же переглянулись друг с другом и дружно, в знак согласия с нею, закивали головами.

– Пифия мудра! – звучно сказал Биант. – В ней обитает могучий человеческий дух и невидимая божественная сила. Она видит людей и вещи такими, какими они есть на самом деле. Высшую мудрость жрица являет всем. Являет правдиво, открыто, громогласно, честно, проникновенно отвечая на все человеческие вопросы. Никто из нас не слышал такого числа вопросов, как Селена. Причём вопросов самых разных – как умных, так и глупых, как явных, так и скрытых, как доброжелательных, так и коварных, как эллинских, так и варварских. Ей приходилось отвечать на самые невероятные, даже на совершенно чудовищные вопросы. Ни один из них не остался без ответа. Попробуй правдиво отозваться всем. Попробуй так откликнуться, чтобы вопрошавшие пилигримы остались довольны. Даже Солон и Эзоп сообща не смогли бы подобное сделать. Возможно все мы, вместе взятые, не нашли бы достойных истины ответов, а она их находит. Она по праву относится к числу мудрейших людей. Я восхищаюсь ею.

Эзоп хотел было воспротивиться сказанному Пифией и Биантом, дескать, что-то тут неладное происходит за этим столом. Седьмой мудрец тоже здесь – взгляните на меня. Я здесь олицетворяю простой народ, который составляет большую часть человечества. Я представляю тех, кто не умеет читать и не может писать. Таковых на нашей земле несчётное число. Но и среди них имеются мудрецы, ни в чём не уступающие иным мудрствующим. Другие же участники пира – цари, тираны, архонты, законодатели представляют самих себя или, как они полагают, свои государства. А я ведь сам по себе государство, я больше чем государство. Я сам себе закон, я больше чем закон. Других мудрецов мало кто знает, а меня и мои басни знает каждый эллин. И уж совсем непонятно, почему вдобавок ко всему сомнительному нам подсовывают женщину в качестве мудреца, что совершенно неуместно на пиру. На подлинном пиру,

на пиру великих эллинских мудрецов – такого быть не должно. Ох, уж эти фокейцы. Однако ничего из того, что он надумал, сказать не успел. Жрица вовремя остановила его своим убийственным взглядом, не дав неожиданному гостю даже открыть рот, и решительно продолжила держать звучное слово:

– Меж тем, любезные «киты» мудрости, политики и законов, на великий сбор явились еще два почитателя знания и любителя истины – Анахарсис и Эзоп, претендующие на вхождение в круг мудрецов. И, несмотря на то, что они не приглашены и что их мудрость многими не признаётся и даже осуждается, Аполлон не стал их отвергать, хотя бы по той причине, что чем больше мудрствующих людей, тем больше возможности постичь мудрость. К тому же Эзоп – искуситель слова и мысли. Без него пир был бы скучным и скудным. Впрочем, как показывает жизнь, величайшая мудрость вовсе не зависит от количества мудрствующих индивидов. Во всяком случае будем воспринимать Эзопа и Анахарсиса как тех, кто с нами. Ради великого события и значимого дела – стерплю даже Эзопа. Придётся и вам его терпеть, хотя, как мне кажется, вам уже многократно приходилось подобное делать.

Жрица на мгновение умолкла, задумалась, сосредоточилась, ещё раз обвела сидящих за столом мудрецов глубокомысленным взглядом, затем, прищурясь, внимательно посмотрела на солнце. Тут же светлая улыбка озарила её божественно-красивое лицо, и она, немедля, сильным голосом, с благоговением и любовью провозгласила:

– Внемлите же мне, мудрецы! Возвещаю о том, что наступило время равноденствия. Идет седьмой день весеннего месяца Бисиоса. Аполлон пришёл в мир. Он родился. Воспоём же ему Пеон!

И Пифия торжественным голосом возгласила гимн, посвящённый Аполлону. Затем, сделав непродолжительную паузу, возбуждённо сказала:

– Пир объявляю открытым!

– Мудрейшие мужи! Кто-то из вас давно изрек красиво-мудрую мысль: «Истина – в вине». Кто бы это ни был – он мудрый человек. Он точно знает, каковы подлинные пути поиска истины. Эта мысль очень глубока и близка мне. Да что там мне, она по нраву Аполлону и другим богам. У них пиры бывают часто, чаще, чем у людей. Я это знаю. Поэтому перед тем, как двинуться в длительный путь поиска значимого, совершенного, предлагаю каждому осушить чашу с божественным напитком. Он придаст нам силы, уверенность и смелость в решении той сложной задачи, которая стоит перед нами. Я искренне приветствую мужей, собравшихся за этим божественным столом. Желаю всем здоровья, благополучия, успехов и удачи. Пусть мудрые мысли всегда будут с вами. Да пребудет с нами Истина! Так выпьем же за это!

После сих слов Селена с глубоким наслаждением испила чашу вина до дна. Подобное же сделали и все сидящие за столом. Вино имело удивительный вкус и мощную силу воздействия на разум и чувства. Дельфийские храмовые виноделы знали в нём толк; им были ведомы многие секреты его приготовления. К тому же в вино добавлялись особые настойки из трав, которые умиротворяли пьющих. Через несколько мгновений все сидевшие за столом расслабились, раскрепостились, подобрели. Анахарсис сказал что-то вроде того, что «хорошо здесь как». Эзоп тут же добавил, что если принять по второй чаше, то станет ещё лучше. Пифия, видя, что скованность у гостей прошла, а настроение явно улучшилось, повела такую речь:

– О, мудрые мужи! Истина хоть и в вине, но она ценнее, дороже и значимее любого вина. Нет ничего важнее истины, являющейся золотом человеческих отношений и показателем любви и уважения к богам. Боги любят и почитают истину, ибо они сами есть истина, высшая истина, истина в своей первозданности. Не мне вам говорить о том, что истина не лежит на поверхности, что она всегда дальше и всегда глубже, нежели может кому-то показаться на первый взгляд. Её поиск – это большой, чрезвычайно сложный, но всегда благородный человеческий труд. Сегодня и завтра, о, мужи, мы будем трудиться. Нам предстоит нелёгкий поиск того, ради чего мы здесь собрались.

Она сделала паузу и внимательнейшим взглядом обвела всех сидящих за столом, будто пыталась понять, готовы ли присутствующие здесь к чему-то очень сложному. Те молчали и напряжённо всматривались в неё, ожидая чего-то божественно важного. Жрица продолжила уверенно говорить:

– Полагаю всем вам известно, что эллинский народ вот уже много лет подвергается тяжёлым испытаниям. Люди умирают тысячами. Тысячами они убивают друг друга. Человеческий род на грани всеобщего сошествия в Аид. Могут наступить его последние времена. Лучшие эллинские умы должны помочь бедствующей Элладе. Вы должны помочь излечиться людям.

– Почему этого не сделают боги, ведь они всеильны!? – воскликнул Эзоп.

Пифия строго посмотрела на него и твёрдо ответила:

– Изменить людей могут только сами люди. Ибо пороки их столь глубоки, что боги отказываются от всякого вмешательства в земную жизнь! Но они моими устами дали совет – обратиться к мудрейшим мужам... – Сивилла на мгновение остановилась, бросила молниеносный взгляд на Эзопа и Анахарсиса и кратко добавила. – Эллады.

– Но мы не лекари! – одновременно воскликнули Питтак и Клеобул.

– Лечить надобно не тело, но душу и разум. Телесная боль ничто в сравнении с душевной болью и умственным недугом. А кто лечит душу и разум, если не мудрец? Тем более, множество мудрецов.

– И что же мы должны делать? – тихо спросил Солон.

– Относительно тебя, афинянин, скажу – ты уже многое сделал. Если б и другие трудились подобно тебе, то человеческих болезней и пороков было бы несравненно меньше.

– И всё же? – настаивал Солон.

– Боги мудры, но и люди должны ответить взаимной мудростью.

– Говори яснее, пророчица, а то сказанное тобою окутано мраком. Даже нам не понятен смысл твоих слов, – слегка возмутился Биант.

– Или пускай жрецы, стоящие рядом с тобой, доводят до нас смысл тобою изречённого слова, – поддержал его Фалес.

Пифия опустила голову, затем подняла её высоко вверх, сосредоточилась, погрузилась в забытие, закрыла глаза и пробыла в таком состоянии довольно долго. Мудрецы выжидательно и терпеливо смотрели на неё и молчали. Только Эзоп ёрзал туда-сюда в кресле и всем своим видом давал знать, что здесь не место для сна.

Но Пифия и не спала. Это только внешне казалось, что она дремлет, но на самом деле она мысленно преодолевала земные просторы, устремляясь в бездну Вселенной – туда, где по её представлению в настоящее время находился Аполлон.

Когда она прокинулась, участники пира, как и раньше, твёрдо упёршись в неё взглядами, ожидали, что же скажет пророчица. И она, глядя сквозь них и сквозь стены храма, пафосно, с огромным подъёмом, страстно повела такую речь:

– Тысячи лет тому назад, когда еще не существовало нынешнего миропорядка, когда не было людей, да и многих богов тоже не было, Властитель мира и Владыка неба Зевс изучил всё сущее, движущееся и недвижимое, твёрдое и жидкое, воздушное и земное. С помощью голубей он определил место, где находимся мы с вами сейчас, как центр Вселенной и назвал его Дельфы. Со временем Дельфы перешли во власть Аполлона – любимого сына Вседержителя и тот построил храм, на котором велел высечь провозглашённую Зевсом гному: «Пуп Земли». Во всей Вселенной нет более мудрой и священной надписи, нежели эта. Можно сказать – это гнома гном, изречение изречений, мысль мыслей. Но данная надпись, сделанная на восточном фронте, – мудрость олимпийская. Она олицетворяет божественное откровение. Теперь же боги повелевают, чтобы на преддверии нашего храма появилось мудрое людское изречение. Изречение, достойное божественному, или хотя бы к нему приближенное. Наша гнома должна стать всеобщим человеческим откровением. Ей надлежит стать таким открово-

вением, которое поможет эллинам осознать свои собственные начала и основы. Она должна выражать твёрдый дух, мудрость, уверенность в своих силах, веру в будущее. Индивиды обязаны хорошо осознавать её в своей душе, понимать её смысл и следовать ей. Гноме предстоит стать источником и фундаментом человеческого существования. С её помощью люди смогут избегать телесных, душевных, нравственных и всяких иных болезней. Изречение должно выражать суть человеческого миропорядка, смысл нашей жизни и наших исканий. В нём должно звучать почтение к богам и уважение людей друг к другу. Важно, чтобы сочинённая вами гнома поучала эллинов и благотворно на них воздействовала. Наконец, примите к сведению, чтобы все мудрецы, во всяком случае эллинские, согласились её признать в качестве таковой. Не столь существенно, кто и когда первым изрёк её. Гнома будет принадлежать всем вам, всем нам, всей Элладе, всему человечеству. Это изречение должно разбудить людей от тёмного, векового сна, побудить их к хорошим делам, а также засвидетельствовать богам, что человек ещё не утратил смысла своего существования, что он ещё чего-то достоин. Во всяком случае, что он достоин жить, а род человеческий имеет право на существование. Гнома должна состоять из трёх слов. Божественное откровение – состоит из двух, а человеческое должно состоять из трёх слов. И мы посвятим это изречение нашему возлюбленному Аполлону! Кроме того, еще семь замечательных афоризмов, высказанных в ходе пира, будут начертаны на колоннах храма и усилят то, что будет высечено на преддверии; каких именно – определите вы сами.

Мудрецы, сидевшие до сих пор напряжённо, после сказанного Пифией несколько расслабились, переглянулись, посмотрели друг другу в глаза. Некоторые пожали плечами, дескать, ну и ну, вот так задача. Иные тут же, скороговоркой, обменялись мнениями. Селена, чувствуя, что за столом имеет место неопределённость, а возможно и небольшое внутреннее недовольство, решила на хитрый шаг и весьма тихим голосом возвестила:

– Поймите меня правильно, высочайшие мудрецы. Ни я, никто другой не смеют грубо и бесцеремонно вмешиваться в дела мудрости. Аполлон свидетель тому. Я не вправе ставить перед вами задачи, о мудрейшие, ибо мудрость и задачи – вещи несовместимые. Мудрствовать, как полагаю я, значит размышлять по собственной воле, являться свободным от каких-либо обязательств перед всеми людьми, храмами, даже перед богами. Это столь тонкий вопрос, что я иногда теряюсь, когда о нём завожу речь. Но я твёрдо знаю, что участвовать в делах мудрости, означает быть никем и ничем неограниченным, безмятежным, искренним, не знающим окраин и пределов, не ощущающим ничьей власти над собой. Разумеется, кроме власти ответственности, чести и достоинства. Мудрость есть дерзостная мысль. Мудрец, как полагает Аполлон, ни за что не отвечает, зато заставляет каждого человека задуматься над собой, над своей жизнью, над жизнью других. Мудрствование по принуждению абсурдно и невозможно. В этом случае оно превращается в угодничество, фарс, а то и в чистую ложь. Даже боги не желают вмешиваться в ваши мудрые поиски, речевания и разговоры. А посему, мы, то есть Аполлон, Храм и Я, высокочтимно приглашаем вас к мудрой беседе. Приглашаем к беседе застольной, не стеснённой, творческой, с наполненными чашами вина, честными помыслами и чистой душой. Именно приглашаем! Каждый из вас свободен от каких-либо обязательств на нашей застольной встрече. Для вас сегодня не существует никаких сдерживающих сил, кроме силы этоса и собственной совести, а также чести мудреца. Каждый из вас, если сочтёт необходимым, вправе встать и в любое мгновение покинуть наш пир. Насильственно мудрость не держит никто. Мудрецы – свободные, ни от кого не зависящие люди.

Селена на мгновение умолкла, обвела всех любопытствующе-вопросительным взглядом, намеренно помолчала, ещё раз пристально всмотрелась в глаза и лица мудрецов, затем, удовлетворившись увиденным, торжественно огласила:

– Итак, мудрейшие из мудрых, начнём! Начнём созидать то, ради чего мы здесь собрались. Первым выскажется сидящий рядом со мной муж из мужей – Солон Афинский. С радостью вверяю ему слово.

Афинянин, который сосредоточенно слушал Пифию, при упоминании собственного имени чуть-чуть вздрогнул, будучи не совсем готовым сразу начать столь сложный мудрейший разговор. В принципе все мудрецы к такому разговору целенаправленно не готовились. В этом-то как раз и состоял тайный замысел служителей дельфийского храма. Многие из них, согласно собственному разумению, полагали, что неожиданность – один из важнейших источников поиска подлинной истины, а сама истина должна находиться на поверхности. В то время как мудрецы считали наоборот – истина в глубинах.

– Ну почему сразу Солон? – иронизируя, возмутился афинский мудрец, боясь, что его мысль начнет увлекать за собой других. – Я бы советовал начать с премудрого Эзопа. Он остр на язык, любит нововведения и может задать высокий полемический накал пиру.

Не успел Солон произнести последнее слово, и не успела засомневавшаяся Пифия показать рукой на сочинителя басен, как Эзоп тут же торжественно провозгласил:

– Нет ничего проще! Такого рода премудростей я знаю сотни. Вот лучшая из них: «Все люди – сволочи!» Вот вам и достойный ответ богам. Они будут довольны такой человеческой самооценкой. Боги – мудры, а люди – сволочи. Моим изречением мы спасём людей от всех напастей.

– Все пропало, – тихо простонала Селена. – Эзоп, этот кошмарный демиург неизвестного, несомненно, желает испохабить весь пир. Его разум – это болезнь. Такими призывами он рвётся спасать людей. Как бы самих эллинов не пришлось спасать от Эзопа. Он не иначе, как антипод всему мудрому.

– О, достойнейшие мужи, – грустно промолвил Биант, – полагаю я, что чудовищная гнома Эзопа, – это только пролог к его «большим священным мыслям». Опасаюсь, как бы наш всеэллинский пир не превратился в отвратительное пиршество эзопова «ума» и эпопею его алогизма. Похоже, мировая спесь снизошла на Эзопа, и античеловеческая злость обрушилась на него.

– Судя по такому афоризму, Эзоп является большим «антропологом» – знатоком всех людей, – озабоченно высказался Питтак. – Надо бы нам записаться к нему в ученики.

– Эзоп – большой аналитик по всем вопросам. Умеет рассуждать, анализировать, полемизировать. Полемика – его родная стихия. Так что будем у него учиться, прямо здесь и начнём, – шутя, отозвался Фалес.

– Можно подумать, что Эзоп сумел хорошо изучить всех людей, коль он так утверждает, – возмутился Клеобул. – Видимо он стал большим этологом, если делает столь смелые высказывания.

Сидящие за столом мужи загалдели, зашумели, засуетились. Кто-то возмутился, кто-то посмеялся. Кто-то воскликнул: «Я так и знал – Эзоп и на священном пиру останется Эзопом!» «Эзопу следует спасать себя, причём немедленно!» – воскликну Хилон.

Творец басен сам не ожидал от себя такой прыти и тут же шепнул на ухо сидевшему рядом с ним Анахарсису:

– Видимо, лучше было бы так предположить: «Все дельфийцы – сволочи! Живут за счет пожертвований храму, а сами ничего не делают».

Анахарсис решительно отреагировал на «мудрость» Эзопа:

– Клянусь музами! Судя по всему, Эзоп не относит себя к людям. Если сказанное им – мудрость, то я не мудрец.

– А ты и так не мудрец, даже не эллин! – заорал на него Эзоп. – И нет у скифов никаких муз! Лучше клянись лошадьми и баранами! На худой конец – козлами!

– Можно подумать, что ты эллин! – возмущённо возразил Анахарсис. – Я хоть живу с достойными эллинами и учусь у них. К тому же моя мать афинянка. А ты вовсе чужд мудрости, и непонятно, кто ты и откуда родом. Каких ты собственно кровей? Не иначе как псевдоэллин, а то и хуже!

Тут в их перебранку решительно вмешался Солон

– Достойнейшие, будем достойными, на столь значимом пиру. Поведём себя мудро! – обратился он ко всем. – Эзоп, видимо, считает, что священный пир хорош тем, что на нём невесть, о чём говорят. Болтают разное – все и обо всём. И о мудрости говорят всякие небылицы. Да так, что голова идёт кругом. Ох, любезный Эзоп, тебе ли не знать, что мудрость не имеет ни границ, ни государственной, ни племенной принадлежности. У неё нет цвета кожи, пола, имущественного положения. Она не зависит от того, кто ты – государь или раб, ремесленник или земледелец, пожилой или молодой. Она есть то, что может проявить себя в любое время, в любом месте, у любого человека, в каждом человеческом поступке, а не только в великих государственных делах, или красивых застольных речах. Здесь же, у храма мудрого Бога, да услышит нас Аполлон, она должна проявить себя вдвойне красиво и утончённо. Так что будь учтивее, любезный, будь мудрее! Сторожись несдержанности, Эзоп. Постоянно думай о хорошем и благом! Знай, что плохие слова влекут за собой плохие последствия. Богоугодное слово и Богоугодное дело – едины. Аполлон и Афина тебе в помощь!

Тут свое слово сказал Питтак:

– Эзоп, коль донести до богов твою мысль, то они истребят всех нас. Не забывай про Гесиода, который утверждал, что мы живём в последнем, Железном веке. Боги дали нам последний шанс исправиться. А мы вместо того, чтобы совершенствоваться, наоборот – деградируем. И по существу призываем к этому. Разве можно таким изречением, как произнесённое тобой, спасти людей? Это не гнома, но антигнома!

– С таким подходом, как у Эзопа, скорее людей необходимо спасать от него, – возмутился Фалес, – даже более того, Эзопу необходимо спасать себя от самого себя, как уже сказал кто-то. От себя такого, каким он сейчас является.

Все участники пира, включая Пифию, признали «мудрость» Эзопа неудачной и не соответствующей истине, хотя и не лишённой некоторых оснований. Однако на гному она явно не тянет. Видя, что застольная беседа пошла не в том направлении, в котором следовало бы её направить, и ощущая на себе значимую долю вины за происшедшее, Солон решил перевести разговор в положительное русло:

– О, Пифия и мудрейшие мужи! – произнёс он. – Эзоп отчасти прав, но по большей части нет. Люди бывают разные – есть достойные, но имеются и недостойные, или как выразился Эзоп – сволочи. Всем нам ведомо, что встречаются воры, клеветники, разбойники, убийцы и отцеубийцы. Конечно же, воры, клеветники, разбойники, убийцы – это даже более чем сволочи, и Эзоп тут-то как раз прав. Но большинство людей являются достойными, законопослушными, добродетельными, почитающими богов и родителей, уважающими других людей и ценящими всё хорошее. Это нормальные индивиды. Поэтому имей мужество, Эзоп, признать свою ошибку. Ибо ты оскорбил большинство. Ты явно нарушил меру в этом вопросе. Безмерность тебя поглотила. То, что присуще десяти человекам, нельзя переносить на тысячу. А то, что свойственно тысяче – вовсе не присуще всем. Не знает Эзоп разумной меры ни в чём, как впрочем, меры не знают и многие другие люди. Поэтому моё первое изречение таково:

– «Мера – лучше всего».

Тут же, началось бурное обсуждение сказанного Солоном.

– Мысль интересная и глубокая! – обрадовавшись, возгласила Пифия. – Превосходное слово, благостное слово изрёк афинский мудрец, нечета эзоповой «премудрости». Аполлон любит солоновы речевания.

– Да какая она интересная? – возопил Эзоп. – Кто эту меру знает? – Анахарсис, который уже выпил две полные чаши вина и съел весь виноград или Солон, который издал такое количество законов, что сам не может их сосчитать. Или в Дельфах кто-то знает меру в прорицаниях или дарах?

Тут пустился в рассуждения Клеобул, своевременно перебив Эзопа:

– Я согласен с Солоном – мера лучше всего. Во всех человеческих и божественных делах должна иметь место мера. Мера в труде, мера в отдыхе, мера в деньгах, мера в богатстве, мера в строгости, мера в бедности, мера в любви, мера в ненависти, мера в словах и речах. Известно, что излишняя праздность может погубить, излишняя работа – тоже. Следовательно, здесь важно найти надлежащую середину. Всегда и во всём должна быть разумная мера. Человек, не знающий меры, обречен на беду. Для мудрых людей – меру предписывает закон, а для глупых – басня, в которой говорится о собаке, которая не могла найти меру своему домику, поскольку то вытягивалась, то скручивалась в клубок. Кажется, то эзопова басня. Вот этими словами, что произнёс Солон, можно ответить богам.

– И я согласен с Солоном и Клеобулом, – присоединился к разговору Питтак. – Я бы даже так уточнил:

– «Знай добрую меру». Мера очень важна, а для человека она должна быть разумной, доброй. Без добра жить человек не может, но по своей природе он и добр, и зол. Чтобы одолеть внутреннее зло, да и внешнее тоже, надо источать добро. Вот и боги – это тоже добро. Но не ко всем же они источают только добро. По отношению к негодяям они не могут источать только добро. Тут тоже нужна мера.

– Многие говорят о мере, – вмешался в разговор Хилон, – мысль совершенно верная и добротная, но я бы выразил её так: «Не желай невозможного». Здесь и мера, и желание на переднем плане. Богам позволено желать многое, даже то, что нам кажется невозможным – бессмертия, безмерной славы, безмерной власти над людьми, безмерных вожделений. Человек же должен желать только того, что осуществимо, что в жизни возможно, соразмерно, умеренно, разумно.

В беседу вступил долго молчавший и внимательно слушавший суждения мудрецов Биант:

– А я думаю, что Эзоп прав. Может быть не во всём, но прав.

Мудрецы с удивлением посмотрели на говорящего приенца. Эзоп резко вскочил на ноги и вскричал:

– Хоть один воистину мудрый нашелся, который умеет не только слушать, но и понимать мудрость.

Его тут же осадил Анахарсис. Биант тем временем продолжил:

– Так вот, я повторяю – частично Эзоп прав: «Большинство людей – дурны». Конечно, не все люди сволочи, как опрометчиво выразился он. Ибо тогда выходит, что и собравшиеся на сей пир тоже – сволочи. А такого за собой никто признать не захочет, включая самого Эзопа. Во всяком случае, я не сволочь. Думаю и Пифию, и Солона, и Фалеса, и Питтака, и Клеобула, и Хилона, и даже Анахарсиса нет оснований считать таковыми. К дурным людям не относятся большинство гноримов. Я имею в виду эпифанов, харентов, эпизков, белтистов, динатов, гипейрохов, пахеев, эйпоров. Если Эзоп и Анахарсис не знают кто это, то выскажусь проще. Не можем мы считать сволочами вельмож, знатных, лучших, благородных, выдающихся, снисходительных, влиятельных, могущественных, зажиточных, имеющих достаток эллинов.

Конечно, все мы знаем, что человек существо сложное и живет очень напряженно и делает много глупостей и порой поступает дурно. И даже среди тех, кого я обелил, таковые имеются. Дурно – это значит не по разуму, не по закону, не по чести, не по правилам, не по нравам, непродуманно, не взвешенно, без учета интересов других и даже супротив своим подлинным интересам.

Тут вступил в разговор, о чем-то своём сокровенном размышлявший Фалес:

– Я не согласен с Биантом, с Эзопом – и подавно не сойду с во мнении. Называть всех людей сволочами, или подозревать большинство мужей и женщин в глупости, по крайней мере, беспечно, оскорбительно. Человек – существо разумное, божественное, а божественное, следовательно, не может быть дурным и тем более сволочным. Но среди нас такие встречаются,

никто из этого не делает тайны. Человек ошибается. Порою случайно, а иногда по умыслу, даже злему умыслу. Вместо того, чтобы идти направо, идет налево или наоборот. Иногда он вместо требуемого молчания кричит, а вместо того, чтобы кричать – молчит. Его дела, помыслы и поступки не всегда понятны и часто необоснованны. Он и сам не понимает, почему так поступил и что из этого получится. Следовательно, в себе надо разобраться. Самое трудное познать себя, а самое лёгкое – давать советы другим. Поэтому, я считаю, что нет лучшего гнома, нежели «Познай себя». Именно такое выражение должно быть вырезано на преддверии священного храма. Не скажу, что это мудрое выражение принадлежит мне. Я слышал его от Солона, а также от Хилона, нечто подобное говорили мне мой дед и дядя. Жрецы Египта и Вавилона говорили мне, об этом же. И даже внук Солон – Тимолай, показав мне странную игрушку, как-то сказал: «Узнай, что это такое, и я скажу, что ты мудрец». Вот что я вам твержу, почтенные мужи, и тебе, невеста Аполлона.

Все мудрецы умолкли и любопытствующе посмотрели вначале на Анахарсиса, а затем на Пифию. Жрица, которая внимательно слушала рассуждения мудрецов, наконец встрепенулась и обратила взор к царевичу:

– Что молвишь ты, царственный скиф? Тебе есть, что сказать мудрствующему застолью?

– Согласен, – то ли скромничая, то ли не подумав ответил тот.

– С чем или с кем согласен ты – с Эзопом, Солоном, Фалесом, Биантом?

– Я согласен... – скиф на мгновение запнулся, а затем очень быстро сообразил. – Со всем мудрым, что здесь прозвучало, а гнома на преддверии храма должна быть такой: «Суди по делам». Таков мой ответ бессмертным и смертным.

– Владыки умов и мысли, пройден первый круг поиска мудрости, – подвела итог Пифия. – Я довольна многими суждениями, прозвучавшими здесь. Думаю, ими будет доволен и Аполлон. Теперь пойдем по второму кругу, поскольку мудрость беспредельна. Но перед ним снова наполним чаши вином, быть может, нам явится более глубокая истина.

Жрецы вновь наполнили вином чаши мудрецов. Те с наслаждением выпили, сказали несколько добрых слов о вине и лозе. А как же не скажешь, ведь вино превосходно. О вине они могли бы говорить весь день, да предстоит разговор о более важном деле.

– За тобой, Солон, второе слово. Только, будь добр, не уступай его, как прежде, Эзопу – улыбаясь, молвила жрица. – А то опять придётся «разгребать мудрёные эзоповы завалы».

– На сей раз не уступлю, ибо обстоятельства того не позволяют.

Эзоп, было, напрягся, возмущенно скривился, дескать, в первом кругу начинал я, значит, и во втором первое слово полагается мне. И вообще, я тут едва ли не первейший среди первых. Но слушать его никто не стал. Анахарсис и Биант, со словами – «не торопись», придержали его за руки.

Тем временем Солон, поблагодарив жрицу за предоставленное ему слово, повел такую речь:

– Ранее я говорил, что мера лучше всего. Я и сейчас на этом настаиваю. При этом, превосходнейшие мужи, не мне вам объяснять, что мера – понятие условное. В ней, к сожалению, нет единого критерия и канона, как и нет одинакового взгляда на нее у всех. Не секрет, что не всегда и не во всём она соблюдается. Вот, например, мы – афиняне, да и многие другие эллины, определили точно меру веса, меру длины, денежные меры, меру земельных наделов и даже меры, по которым можно отнести человека к тому или иному разряду людей. Есть и другие точные меры. Но, к сожалению, их мало. Редко какой человек знает точную меру в пище, меру сна, любви, дружбы, меру допустимого или недопустимого гнева. И меру наказания за преступления, согласно нашим законам, вряд ли мы определим совершенно справедливо. Её мы определяем неоднозначно – «от» и «до», в зависимости от обстоятельств. Даже сидящие здесь мудрейшие мужи и те чётко не знают собственной меры. Скажем, Эзоп не знает какова для него разумная мера вина. Он не знает слов Гомера: «Пить твердою мерой каждый

обязан». А вот Анахарсис её уже знает – не более трёх чаш. Правда Анахарсис пьёт теперь мало, по той причине, что однажды перебрав меру в вине именно здесь – в Дельфах, во время Пифийских игр, он стал требовать от хозяев награды и венка. Теперь, после тех неприятных событий, он знает свою меру и ведет себя соразмерно.

Тут же Анахарсис в свое оправдание ответил:

– То было состязание, кто выпьет больше чистого вина, и я напился первым допьяна.

Солон рассмеялся и воскликнул:

– А цель заключалась не в том, чтобы, упиться, а в том, чтобы пируя одновременно с другими, опьянеть последним. Или вообще остаться трезвым при равно выпитом количестве вина. Вот теперь-то ты свою меру знаешь. Оказывается, иногда чтобы узнать свою собственную меру, надо опозориться на Пифийских играх.

Тут не удержался Эзоп и, резко вскочив на ноги, выкрикнул:

– Ты не прав, Солон! И доводы твои неубедительны! Что это за пир, на котором пьют мало? Каждый пирующий обязан выпить столько, сколько ему наливают. Иначе обидятся хозяйева. Вином пир не испортишь! На настоящем пиру – никто меры не знает. А что касается Анахарсиса, то он – слабак. Все они скифы в этом утончённом деле слабаки. Мало говорят и мало пьют, непонятно, чем они там, в степях, занимаются.

– Эзоп, – остановил его Солон, – ты прав только в том, что вином пир не испортишь. Зато, имей в виду – можно его испортить неразумным поведением перебравших участников пира, пьющих вино с явным избытком. Следовательно, сколько бы тебе не наливали – пить следует в меру. В свою, а не хозяйскую меру. Меры хозяев и гостей не совпадают. Дело хозяев – наливать, а дело гостей – разумную меру знать. Тогда будут довольны все, и не случится никаких неприятностей. Опьянение есть истинное безумие, оно лишает нас действительных способностей. Безмерное пьянство к добру не ведёт. Оно ведёт к беде и к злу.

– А что ведёт к добру, – усмехнулся Эзоп, – трезвость?

– И трезвость сама по себе к добру не ведёт. К добру ведут законопослушание, добродетельные поступки, честное и справедливое отношение к людям. К добру ведут добрые дела и добрые слова, а также сдержанность. У тебя, Эзоп, между прочим, еще сложнее с мерой слова. Если с вином еще можно кое-как сладить, поскольку тебе редко его наливают, то с твоим словом невозможно бороться. Язык твой – главный враг твой. Твой острый язык всегда при тебе и никакой мере он не подвержен. А напрасно, ибо слово – это наша сила и наша слабость. Сила – если оно мудрое; слабость – если оно глупое. Тот, кто чаще молчит, знает разумную меру в этом деле, тот мудрее выглядит. Чаще молчи Эзоп, и тебе поверят! Молчи, если не знаешь. Молчи, если знаешь, но не уверен в знании. Молчи, если ты уверен в себе, но знаешь мало. Говори тогда, если знаешь достаточно и уверен в истинности, того, что знаешь. Чаще всего говори себе! Спроси самого себя. Почувствуй себя человеком, ибо с человека спрос велик. Не каждый осознаёт себя человеком. Быть человеком, не благо, но ответственность. Берегись обмана, в нём можно утонуть.

Эзоп снова было взъерепенился, но сидящий рядом Анахарсис сдержал его порыв, шутя, предложив полную чашу вина. Эзоп тут же умолк, сосредоточившись на напитке.

– Много говорит тот, дорогой сочинитель басен, кто ничего не знает. Мало знает тот, кто мало учится. Впрочем, продолжим разговор о мере, – сказал радостно Солон, видя как Анахарсис его своевременно выручил. – Так вот, Питтак не знает меры сна. Он может опочивать очень долго, а Клеобул этой меры придерживается строго, очень строго. Зато Клеобул не знает меры власти. Он уже сорок лет правит государством и не известно, когда откажется от власти и откажется ли вообще от неё когда-либо? Он не знает и знать не хочет о том, что властью не следует злоупотреблять. Не следует и в том случае, если кто-то тебя об этом упрашивает. Народ не любит, когда одни и те же властвуют долго и долго правят им, даже если они хорошо правят. А если плохо, то и подавно ненавидят власть. Поэтому знающий меру никогда не будет злоупо-

треблять властью, ибо ему воздастся – вдвойне, а то и более. А вот Фалес, в отличие от Клеобула, меру власти точно знает; он от неё вовсе отказывается. Но тот же Фалес не знает меры Вселенной, а египетские жрецы эту меру знают. Я не знаю меры любви к законам и афинскому народу, а Биант подобного рода меру знает. Можно смело утверждать, что всё разумное даётся человеку тяжело, зато глупое и безмерное – приходит само. А по сему, о, мудрейшие мужи, чтобы жить добродетельно, по законам божественным и человеческим, во всём важно следовать разумной мере, необходимо следовать знанию достаточного. Ибо то, что для тебя является самым важным, для другого может быть лишённым всякого смысла. В силу чего человек обязан разобраться в себе самом. Он должен познать самого себе. Познание себя является высшей и самой сложной ступенью человеческого познания, причём безоговорочно необходимой всякому разумному индивиду. Оно превыше всего. И пусть все это знают. Пусть знают, что, прежде всего, необходимо познавать себя; себя, а потом других и другое. И познавать нужно таким образом, чтобы применять и использовать познанное в повседневных делах. А посему я богам отвечаю такой гномой: «Познай самого себя». Этим я поддерживаю Фалеса, сказавшего «Познай себя», этим я поддерживаю Хилона, когда-то говорившего то же самое. Этим я выражаю мнение многих мужей требовавших «Знай самого себя», и будем его считать нашим общим, а не только Солоновым. Я его лишь озвучил и представил сейчас мудрецам, Пифии и Аполлону. А принадлежит оно всем нам, более того – всем разумным эллинам. Полагаю, Аполлону оно понравится. Причём говорю я не просто «Познай», а говорю – познай лучшее и следуй ему. Можно также познать и худшее, но не следовать ему. Лучшее и худшее уравниваются в мере. Следовательно, мера и познание – неразрывны, взаимосвязаны.

После некоторой паузы, подумавши, Солон решительно добавил:

– «Познай самого себя» – это еще и призыв ко всем людям, идти в храм, к оракулу, к Пифии, к Аполлону. Тут каждый желающий получит достоверное знание о себе, ибо сыну Зевса оно известно. И находится оно здесь, где расположен «Пуп земли». Следовательно, мудрейшие мужи, сообщая утверждаем – «Познай самого себя».

Присутствующие одобрительно закивали головами и вполголоса обменялись мыслями друг с другом, и только Эзоп тихо буркнул себе под нос:

– Никто не хотел познавать себя. Ничуть не хуже гнома.

Однако его никто не расслышал. Дискуссию тут же, немедля, продолжил Хилон:

– Мужи мудрейшие, Селена премудрая, сказанное Фалесом и Солоном, поддерживаю и вновь провозглашаю, как когда-то ранее утверждал – «Знай себя». Ибо, что толку знать Вселенную, или нашу Гею-мать, ее растительный и животный мир, что толку ведать законы божеские и человеческие, если не знать себя. Пусть человек займется самопознанием. Благодаря этому он решит многие собственные проблемы и беды и станет достойным в глазах Аполлона и всех богов Олимпа. Таково мое слово.

Незамедлительно собственное соображение высказал Клеобул:

– Мудрейшие, а позволяет ли мудрость сдерживать других, лишать их слова, пусть даже оно и нелицеприятное и опасное. Слово – это единственное, чего нельзя забрать у человека. Его ведь можно лишить богатства, жены, детей, друзей, вещей, но слова никак не заберешь. Даже лишив человека языка, не лишишь его слова. Может быть, это лучшее из всего, чем обладает человек. Благодаря языку, высшая мудрость и найдется, и произносится, и ведомой станет богам и людям. Поэтому я говорю: «Будь одержим языком».

– Правильно! – воскликнул Эзоп, но затем возмущенно добавил, – обращаю внимание на то, что Клеобул похищает мои мысли. Тем не менее, я оставляю за собой право продолжить спор.

Он медленно, с чувством наслаждения допил из чаши вино, прошелся по каждому присутствующему здесь пронизательным взглядом и вновь обратился к участникам мудрствующего застолья.

– Пирующие! – воскликнул творец басен, и тут же резко повернулся к Анахарсису, упрекнув его, – а к тебе это не относится, ты не пируешь! Но слушать можешь.

Затем он посмотрел на Пифию и на Солона. Пифия впервые улыбнулась, глядя на Эзопа, и махнула рукой. Дескать: «Валяй». Солон же прижал указательный палец к губам, намекая на необходимость быть учтивым.

– Солон тут упрекал меня в незнании меры как вина, так и слова, – обидчиво молвил Эзоп. – С последним я не согласен. Если бы я знал словесную меру, тогда бы вы не знали Эзопа. И его не знал бы никто. Слово сделало меня известным, оно же – сделало меня мудрым человеком. Да, мудрым, коль я здесь! – возгордился Эзоп. – Несомненно, мудрым человеком, хоть и много говорящим и много пьющим и даже порой невоздержанным. Я признаю себя мудрым, и признаю таковыми присутствующих здесь. Все мы – мудрецы! И мудрость всех выявляется через их язык.

– Через язык выявляется и глупость, – вставил своё слово Фалес.

– Еще как выявляется, – засмеялся Солон.

– Если вы полагаете, что я этого не понимаю, то вы плохо знаете Эзопа, а заодно и мудрость, – отреагировал сочинитель басен на прозвучавшие реплики. – Язык – это средство мира и войны. Без языка не существует спокойствия и порядка в государстве, нет законов и постановлений. И в то же время язык несет раздоры, заговоры, обманы, побоища, зависть, распри, войну. Язык – основа нашей жизни и в то же время он источник пороков, низости и презрения. Через него мы выражаем мудрость и в то же время проявляем подлость. Поэтому я предлагаю высечь на преддверии храма самую правдивую надпись: «Язык – враг людей». Это будет мудро и справедливо! Это будет гнома, сравни божественной. Кстати, почему мне до сих пор не подали язык жертвенных быков, – возмутился сочинитель басен. – Я проголодался. Одной мудростью сыт не будешь. К мудрости должны прилагаться блюда.

– Мудрость – такая пища, которой не перенасыщаются, – тут же возразила Пифия. Но о пище иного рода тоже надлежит помнить. А также надлежит помнить, что голодный всегда ощущает себя человеком, а сытый – изредка. Он просто об этом не думает.

– Разумеется, надлежит помнить, ведь пища – это средство к жизни, – хихикнул Эзоп.

– Она же является и средством к смерти, – возразил Анахарсис. – Мы страдаем от недоедания и мучимся от переедания. Обжорство – несёт смерть.

– Мне подобное не грозит, как не грозит оно всем скифам. В чём-чём, а в пище я меру знаю, – откликнулся сочинитель басен. – Кстати, а кто знает истинную меру самой меры. Кто её определяет и устанавливает?

– Мерилем всего являются природа и государственный закон, – отозвался Фалес. – Мерилем законного являются законодатель и народ. Безмерна только Вселенная. Боги и те придерживаются меры во всех делах.

– Мера – это ярмо на шее у человека, – вновь пошутил Эзоп. – Правда, ярмо нужное, хорошее ярмо, которое ограничивает человека от дурных поступков.

Питтак, наслушавшись Эзопа, вслед за ним повел такую краткую речь:

– Познать себя и мир познать – соблазнов в этом много. Но, задавались ли мудрствующие мужи вопросом. А всегда ли знание и в особенности знание себя – является благом? Ответы, я догадываюсь, – разные. У каждого свой ответ. Вопрос ведь еще вот в чём. Какого себя познать? – того, каким являешься в данный момент, а может такого, каким будешь? Познать каким был не сложно, но не интересно. Об этом знают все близкие. Познать каким являешься сейчас? Сложнее, но скоротечнее. «Сейчас» в каждое мгновение становится временем прошедшим. А вот узнать будущее, что делает наша проницательная Селена – правильно. В этом будто бы есть прок. Но есть ли смысл? Человеку, знающему будущее – не интересно и страшно жить! Поэтому я говорю: «Страшно узнать будущее». Уверен – это будет самый достойный ответ богам. Вот это истинно мудрое изречение!

– Если страшно узнать будущее, то кто же тогда обратится к оракулу. Все будут напуганы, – встрял в разговор Биант. – И почитаемая нами Селена, и другие пифии перестанут пророчествовать. Вера в сына Зевса и его мощь будет подвержена сомнению; храм придет в упадок. Аполлон и все боги останутся недовольны. К тому же не забудем слов Гомера о том, что «глупец познаёт только то, что свершилось». А мы ведь не глупцы. И тем более не можем призывать к этому других. Так что гнома Питтака опасна и вредна. Я же хочу сказать, что большинство людей далеки от истинных знаний и подлинной мудрости. Им надо учиться, слушать, действовать. Слово должно быть связано с добродетелью и знанием. А посему мое второе изречение таково: «Слушай побольше мудрых».

Пирующие мудрецы одобрительно отнеслись к сказанному. Пифия вновь предложила молвить слово Анахарсису.

– Согласен со многим, – на сей раз подумавши, сдержанно ответил скиф. – Но сам пока помолчу.

– Не настаиваю на том, чтобы скифский мудрец обязательно обосновал свой ответ, – доброжелательно молвила жрица.

С Анахарсиса она перевела взгляд на Фалеса, при этом добродушно улыбнулась, указательно кивнула головой, и милетянин продолжил важный разговор, а, в сущности, завершил второй круг застольной беседы.

– О познании себя сказано мудрыми головами много и главное по делу. Но чтобы познать себя, хорошо владеть собственным телом и умом, необходимо также очень много работать над личным поведением. А, следовательно, боги могут одобрить и такую надпись: «Управляй самим собой». Умеют ли люди управлять собой? – обратился милетянин к присутствующим.

Он хотел было что-то добавить к сказанному, но в это время к столу поднесли мясо жертвенных быков. Эзопу первому было подано блюдо из языка. Остальным достались другие части. Вкусив приготовленного жрецами языка Эзоп, разумеется, высказал все, что он думает по этому поводу. Его предельно возмутило то, что за тысячу лет существования храма, здесь не научились добротнo готовить жертвенную говядину. «У Аполлона, после таких жертвоприношений, возможно несварение желудка», – подумал он. – Не случайно Гомер утверждал, что боги бессмертны от того, что не питаются нашей пищей. Это как раз тот случай».

Впрочем, на него уже никто не обращал внимания. Тем более что Биант и Солон, испробовав мясо, одновременно произнесли: «Божественный вкус». Довольны поданным блюдом, остались и другие пирующие гости.

– Досточтимые мужи и те, кто с ними! – снова обратилась к собравшимся мудрецам, Пифия. Ощущалось, что она находится в предельно хорошем расположении духа. Ее бледные щеки явно порозовели, а глаза заблестали искристыми огоньками. – Мы прошли два круга в поисках мудрейшей истины и достойного ответа богам. Вскоре перейдем к третьему. Но перед тем вновь нальём и выпьем священного вина. Я предлагаю испить чашу не только за успешный поиск человеческой истины, но и за здоровье всех, кто участвует в этом пиру, а также за здоровье всех эллинов. Как говорил когда-то Солон: «Я пью и призываю всех выпить за здоровье!» И я добавлю здесь – здоровье – превыше всего. Оно сравни вере в Аполлона. Если нет здоровья, то человеку окружающий мир не мил, чужды ему и богатство, и все радости и прелести жизни. А по сему – будем здоровы! Хвала Асклепию – сыну Аполлона и Корониды, пекущемуся о нашем здоровье! Хвала солнценосному Аполлону – нашему любимому Богу!

Участники пира с большим воодушевлением поддержали застольное слово Пифии – Солона, ибо каждый из них понимал, что здоровье – важнейший залог всего человеческого существования. Пирующие вновь с удовольствием выпили, закусили, еще более расслабились, почувствовали дополнительный прилив телесных и умственных сил.

Третий круг суждений вновь начал Солон:

– Добрейшие мудрецы, наша задача найти не только достойный ответ богам, но выяснить самые сокровенные человеческие мысли, которые будут запечатлены на колоннах храма. Таковых не мало. И их высказывали не только мы – здесь сидящие, но и другие достойные люди, которых уже, к сожалению, нет с нами, и, которых, из-за их скромности, пока еще нет с нами. Человеческая мысль порой глубока, основательна, поучительна. Она требует запечатления, ибо имеет свойство теряться. Я, на сей раз, выношу на ваш суд три суждения.

Во-первых, человек должен быть честным и правдивым. Полагаю – все со мной согласятся. А посему твержу: «Всегда говори правду». Но правда не всегда бывает только приятной. Она может принести много неприятностей и сложностей любому человеку. Правда может нарушить покой очень многих, а порою даже может быть дерзостной, посягающей на высокие святыни. Поэтому к сказанному выше присоединю и второе: «Не будь дерзким». Из чего, в сущности, проистекает человеческая дерзость? Конечно же, из знания или из незнания. Знающий человек часто переоценивает свои знания, нередко ими злоупотребляет, а посему дерзит. Но может дерзить и человек незнающий. Дерзить даже еще больше, нежели, знающий человек; дерзить в силу непонимания. То есть здесь крайности сходятся. Каков выход? А он таков: «Знаешь – так молчи» – это, в-третьих. Вот это еще одно мое соображение. Конечно, Эзоп скажет: «А если не знаешь – то тем более молчи» – и он будет прав.

– Нельзя не поддержать Солона, – сказал Клеобул. – Его мысли, хотя отчасти, они и наши мысли, весьма полезны, ибо это мысли разумные. А разумное и мудрое, как известно, уже давно – братья, или кому угодно – сёстры. Что касается меня, то к сказанному ранее я бы предложил еще и такое: – «Согражданам – советуй наилучшее». Всем известно, что советчиков в каждом государстве полно и советуют они как правителям, так и народу всё, что придёт на ум, а надо советовать то, что приносит всеобщую пользу.

В разговор, после речи Клеобула, незамедлительно включился Питтак. Он высказал идею того, что многие люди стремятся быть хорошими. Но, стремление, стремлением, а в жизни стать таковым очень не просто. Поэтому привлекательным станет следующее высказывание: «Трудно быть хорошим». А чтобы стать таковым следует сделать многое. Ну, хотя бы: «Владей всем своим».

Затем, слово перешло к Бианту, высказавшему три мудрые мысли: «Соображай, что делаешь»; «Безрассудства, не одобряй»; «Не болтай – промахнешься».

Эти гномы Бианта пирующим понравились, в отличие от его первого суждения. Правда, по поводу «Не болтай – промахнешься» возмутился Эзоп. Дескать, я болтаю часто, секрета в этом нет, но до сих пор не промахивался.

После Бианта кратко и скромно высказался Хилон, который призвал всех людей, включая пирующих, уважать ближних, а точнее он утверждал: «Не хули ближних».

Эзоп, разумеется, принял это на свой счет. Мол, смотрите, я иногда хую ближних. Но и они ко мне не беспристрастны. А затем, уже, будучи сильно захмелевшим, сочинитель басен буквально отрезал такую фразу:

– «Лучше всего дома».

Что он имел в виду, пояснять не стал. То ли ему не понравилось на пиру, то ли он дома чувствует себя уверенней. Да оно и каждый человек знает, что везде хорошо, а дома лучше. Какие тут еще нужны объяснения. Правда, не понятно есть ли свой собственный дом у Эзопа. И где вообще его дом? Уже совсем было, успокоившись, Эзоп произнёс заключительную гному:

– «Не обижай слабых!» – тоже примите во внимание. Очень важное изречение. Кто только не норовит обидеть слабого человека. А делать это нельзя! Сильных можно обижать. Слабым же надо покровительствовать.

Анахарсис собирался было промолчать и на сей раз, даже не сказав того, что он поддерживает всё прозвучавшее. Однако сам того от себя не ожидая, он, непонятно кому, тихо бросил в сторону фразу – «О неизвестном лучше молчать». Видимо, её никто не расслышал,

а может и не желали слушать. Впрочем, его благодушное лицо свидетельствовало о том, что он довольствуется происходящим вокруг. Ему, оказали небывалую честь и впустили в собрание мудрецов. Более того, ему, скифу, предоставилась уникальная возможность сидеть недалеко от Пифии совершенно рядом со святой святынь. Никогда, ни один скиф об этом даже не мечтал. А ещё сидеть со всеми мудрейшими из мудрых, здесь же. И не просто сидеть, но и на равных пировать, провозглашать собственные мысли, отрицать или поддерживать чужие, спорить и молчать. О чём ещё может мечтать поклонник мудрости? Однако, вдруг, он ощутил на себе пронизывающий взгляд Солона, говоривший о том, что столь высокое окружение ждёт от него большего, нежели то, что он делает сейчас. Ждёт его возвышенных мыслей и слов. И царевич нерешительно заговорил:

– О, величайшие мужи! Ваши гномы касательно меры и познания – превосходны, воистину великолепны. Хотя, по чести, Аполлон тому свидетель, не скрою – меня точит червь сомнения и в отношении меры и в отношении познания. Ещё как точит и глохнет. Считаю уместным и такое сказать: «Знай меру в познании». Посудите сами, мудрейшие. Человеку знать слишком много весьма опасно. Он может возомнить себя Богом. Неважно каким – скифским или эллинским. А если человек возомнит себя Богом, то человеческий род может постигнуть беда, ибо место богов уже занято. И они не потерпят самозванцев. Так что следует знать меру и разумный предел в познании. Слишком много знания, в том числе о себе может привести к непредсказуемым последствиям, а то и гибели. А поэтому я и говорю: «Знай. Но знай в меру». А ещё скажу – «Люди, не спешите, подумайте, оглянитесь, отдохните».

Он хотел было добавить, что важно не только знать, и не только обладать. Но необходимо ещё уметь и своевременно распоряжаться познанным, нести груз ответственности за его применение. Но, почему-то удержался и промолчал.

Мудрецы никак не отреагировали на сказанное скифом. Трудно предположить почему. И уже по сложившейся на пиру традиции круг речений завершал Фалес. Он искренне одобрил все высказывания – от Солоновых – до Эзоповых, назвав их интересными, хоть и спорными. Но при этом подчеркнул, что там, где нет места спору, там нет и места мудрости, как и самой истине. Истина рождается в споре. Правда, в нём же она может и потеряться, если спор беспредметен и тем более, бессмысленен.

В свою очередь милетский физик предложил обратить внимание сообщества мудрецов на такие речи:

«Будь прекрасен делами»; «Учи и учись лучшему»; «Полезней всего добродетель».

Пирующие мудрецы дружно взялись за обсуждение сказанного. Не только сказанного Фалесом, но и всеми участниками третьего круга. Дискуссия была страстной, критичной, но созидательной, ибо любая мудрость, высказанная одним, требует некоторого уважения со стороны других. Пир затянулся и возможно затянулся бы ещё надолго. Но незаметно свечерело. Бывает так, что за мудрыми разговорами быстро утекает время. Солнце спряталось за храм. Аполлон удалился в свои покои. И видя это, Пифия молвила:

– О, мудрейшие мужи, благодарю вас за столь искренний и глубокомысленный разговор. На сегодня мы завершаем. И Аполлону и нам есть необходимость отдохнуть. Но пир продолжится завтра. Встречаемся здесь, в полдень.

Первый день пира, несомненно, удался. Так распенили происходившее пиршество мудрецы. А как оно будет завтра – проживём, увидим. Будет день – будут новые мысли. Конечно же, будут.

~9~

На следующий день, ровно в полдень, участники пира пришли к храму Аполлона. Вышедшая им на встречу Селена на сей раз была одета в одежды серебристого цвета. При-

шедшим казалось, что сама Луна спустилась с небес, чтобы предстать перед важными гостями ещё более таинственной, загадочной, нежели это было вчера. Пифия вся сияла, улыбалась, раздавала сдержанные, величественные поклоны налево и направо, источала мощную энергию жизни, воплощала в себе аполлоновскую гармонию. Мудрецам даже почудилось, что сивилла желает обнять каждого из них, сказать тайное слово, а то и позвать в прорицалище, в колыбель истины. Дескать, вы заслуженно удостоились подобной чести. От одной этой мысли каждому становилось не по себе. Возможно, она и сделала бы подобное, да нельзя, не положено невесте Бога вести себя так с людьми, даже со знаменитыми. Зрелище, явленное мудрецам, было приятным и незабываемым для всех. Даже Фалес, всегда равнодушный к женщинам, дольше обычного задержал свой пронизывающий взгляд на её теле и от удовольствия прищелкнул губами. Солон заметил это и радостно улыбнулся, подумав о том, что божественная красота не оставляет никого равнодушным, даже физика из Милета.

Все мудрецы, как и накануне, явились в белых нарядах. К всеобщему удивлению и Эзоп, который действовал против всех и всего, о чудо, на сей раз был облачён в белое. Непонятно, только где он его взял. Но, видимо, и он сильно преобразился под впечатлением событий первого дня. Этим самым бунтарь всем показал, что и он набрался большого ума. Вот что такое пиршество мудрости.

– «Чтобы это значило, – задумались мудрецы, – не уж-то Эзоп присмирел и помудрел, или Пифия повлияла на него? Не иначе как Аполлон явился ему во сне и вразумил говоруна. Несомненно, сочинитель басен превзошёл себя».

Когда все умолкли, Пифия несколько раз обозрела стоявших мужей. Увидев облачённого в белые одежды Эзопа, удовлетворённо качнула головой и величественно подняла вверх правую руку. Мудрецы насторожились и были все во внимании и благорасположении.

– Наш пир, мудрейшие мужи, – начала жрица Аполлона, обратившись к гостям, – сегодня продлится непосредственно в храме Великого Бога, у его изваяния. Мы обязаны быть ещё ближе к нему, а он – отчётливее нас видеть и слышать. Прошу всех с открытой душой и чистым сердцем идти за мной в божественное обиталище.

Мудрецы, впереди которых шла Селена, медленно, величественной поступью, поднялись по ступенькам храма и вошли в него. Всем вошедшим в храм показалось, что сегодня, как никогда прежде, жилище Летоида было обставлено празднично и торжественно. Оно воистину ликовало своим золотым и серебряным убранством и благоухало нежными ароматами. Можно было подумать, что здесь собрались пировать сами боги, а не мудрые люди. Чего тут только не было: статуи бессмертных и героев, знаменитые жертвенники, оружие великих воинов, золотые и серебряные сосуды, которыми по преданию пользовался хозяин храма, священные дары известных государей, рукописи прославленных поэтов с их стихами в честь сына Зевса и Лето. Рядом со статуей Аполлона на подставе, разукрашенной золотыми и серебряными листьями, возвышался знаменитый Омфал. С двух сторон символ центра Вселенной охраняли золотые орлы, ростом с Эзопа. Строгий орлиный взгляд предупреждал всех приблизившихся сюда и стоящих вдали, о недопустимости недобрых замыслов; дескать, берегитесь святотатцы – порвём в клочья. Немного поодаль от статуи Сребролукого, располагалась подставка, на которой лежала знаменитая таблица с решением суда о принадлежности Афинам Саламина. Почти двадцать лет прошло с тех пор, как здесь судились афиняне и мегаряне, но память о том знаменитом процессе запечатлена навсегда. Сам Аполлон охранял сие мудрое судебное решение и никому не позволял его нарушать.

Мудрецы внимательно обозрели эти редчайшие священные сокровища и все до единого благоговей, одобрительно кивали головой, расплывались в щедрых мудрых улыбках, ощущали себя словно бы на небесах. Анахарсис про себя подумал, что «Аполлон не только мудр, но и весьма богат». Скиф внимательно прочёл «саламинскую» таблицу, восхищённо посмотрел на Солона и тихо промолвил:

– Мудрец, он во всём мудрец. Даже там, где казалось бы это невозможно.

Посередине храма располагался празднично накрытый красный стол. Сегодня он был не менее торжественен, нежели вчера. Внешне выглядел даже более красочно и богато. Казалось, к этому приложил руку сам властитель храма. Не иначе.

Как и вчера, мудрецы располагались за столом в заранее определённом порядке. Пифия вновь величественно одела им на головы венки. Даже присмиривший Эзоп позволил ей сегодня это сделать. Затем жрецы наполнили чаши священным напитком, и на мгновение воцарилась совершеннейшая тишина. Затем раздалась музыка, которая, впрочем, длилась не долго. Как только звуки лиры умолкли, Селена, внимательно обзрев всех сидящих за столом, повела такую речь:

– О, мудрейшие мужи! Первый день пира прошёл весьма благоприятно. Каждый из участников пира высказал свои представления о человеческой мудрости. Они были глубоки и основательны. Правда, были и дерзкие изречения, которые бросают тень на род человеческий. Возможно, кто-то из вас передумал о сказанном вчера, возможно кто-то из вас вчера ошибался, или, предположим, у кого-то с того времени родилась новая мудрейше-мудрая мысль. Ночь даётся людям не только для того, чтобы они спали и бездействовали, но и для того, чтобы осмыслили день минувший и сосредоточились на дне грядущем. Ночь в состоянии безмятежности и полного спокойствия соединяет прошлое и будущее. Часто она порождает не только жизнь, но и великие мысли о ней. Сегодня, каждый имеет возможность исправиться, а также изложить свои новые помыслы и доводы. Пред тем, как начать обсуждение, я предлагаю выпить за подлинную человеческую мудрость. За радость познания!

Она подняла высоко чашу с вином, затем встала с кресла, подошла к статуе Аполлона и молвила:

– Аполлон, мой единственный возлюбленный, тот, кто обладает самой сокровенной мудростью. Я прошу тебя не лишай человеческий род мудрых мыслей и мудрых поступков. Благоприятствуй людям! Люби нас, как мы любим тебя!

С этими словами она поцеловала статую возлюбленного Бога, затем возвратившись на своё место, предложила мудрецам приложиться к вину.

Испив по чаше, мудрецы вновь, как и накануне, повеселели, раскрепостились, повели содержательные, утончённые беседы. Некоторое время спустя Пифия попросила у пирующих мужей тишины и обратилась к Солону:

– Что сегодня скажет афинский законодатель? Ему – царственному мудрецу, первому даю возможность молвить достойное слово.

Солон выдержал небольшую паузу, встал с кресла, обзрел всех сидящих за столом добрым взглядом и уверенный в своих силах и мудрости повёл такую речь:

– Сегодня, я хочу не только говорить, но и действовать. Ведь согласитесь, о великодушные мудрецы, согласись и ты, непререкаемая Селена, – мудрость состоит не только в слове, но и в деле. В деле даже больше, чем в слове, в деле она заключается прежде всего и основательнее всего. В нём её истинная жизнь. Руководствуясь этим соображением сейчас, мудрейшие, я собираюсь сделать то, что сделал бы каждый из вас, будь он на моём или на любом другом месте. Я желаю, чтобы истинно мудрое – досталось самым мудрым, сверхмудрым и по праву находилось у них. Я веду речь о знаменитом треножнике, который был передан мне рыбаками – гражданами Коса, согласно дельфийскому оракулу, как самому мудрому человеку. Не скрываю, я был польщён столь небывалой честью, которая выпала на долю простого смертного. Тем не менее, мою совесть ежедневно и ежечасно пилила мысль: «А нет ли более мудрых людей, нежели я? А достоин ли я, держать столь великую реликвию у себя дома?» После нескольких дней невиданных терзаний и сомнений я не выдержал тяжести славы и отправил треножник мудрому Фалесу, которого считаю достойнейшим мудрецом из ныне живущих. Но и он не счёл себя самым мудрым; после нескольких дней сомнений он отправил треножник мудрому Пит-

таку. Питтак, в свою очередь, – Клеобулу, Клеобул – Бианту, Биант – Хилону. Хилон – Периандру, а ныне покойный, всем искушённый Периандр вернул его мне, сопроводив письмом, в котором утверждалось: дескать, держи у себя то, что по праву принадлежит тебе. Мудростью не разбрасываются! – категорически настаивал коринфянин. Казалось бы, истина восторжествовала, всё вернулось на круги своя, и моё вернулось ко мне. Но все эти годы, месяцы, дни, и даже мгновения, что созданный Гефестом треножник находился у меня, я сомневался и терзался – имею ли я право держать его у себя дома? Тот ли я человек, которому треножник должен принадлежать? Не посягаю ли я на самую великую и священную вещь? Не нарушаю ли я право на мудрость других человеческих и даже божественных индивидов. И может ли вообще подобное сокровище принадлежать простому смертному, пусть даже и относительно мудрому. Ведь напомним вам, мужи, на треножнике написано: «Мудрейшему из мудрых». Вдумайтесь в истинный смысл сих слов. Они нам ясно указывают на то, что неимоверно трудно найти такого среди нас. Величайшая реликвия возлагает на отдельного человека небывалую ответственность, сильно тяготит его и тревожит беспрестанно. К тому же, подумал я, а что если боги испытывают нас на предмет дерзости, и даже подлинной, а не формальной мудрости. И вот, после вчерашнего пира, этой ночью, я ещё раз осмыслил правомерность пребывания треножника у меня и, взвесив всё, окончательно пришёл к выводу – эта священная реликвия должна принадлежать не человеку, а Богу. Именно он её истинное олицетворение. Даже сто мудрых Солонов не сравнятся с Аполлоном. А посему сейчас, в этот священный день и час, я не просто жертвую треножник храму, но возвращаю его истинному владельцу. Носителю мудрости, божественной мудрости – златокудрому Аполлону. Треножник должен принадлежать тому, в мудрости которого не сомневается никто. Ни люди, ни боги.

Все находящиеся в храме слушали удивительного жертвователя – афинского мудреца, словно заколдованные. Они пришли в высочайший восторг. Иные вовсе этого не заметили и не поняли. На то он и восторг, что ты его не замечаешь. У Эзопа от удивления отвисла челюсть. Анахарсис по-детски восхищённо, смотрел на своего учителя, и у него возникло желание громко и радостно закричать на весь мир от столь величественного поступка. Другие мудрецы были до предела напряжены. Солон поднял руку вверх, призывая всех к вниманию и давая знак, что он готов исполнить обещанное. И в это время двое храмовых служителей поднесли ему большой свёрток, в красной ткани. Афинский мудрец тут же развернул свёрток, и все присутствующие увидели тот самый знаменитый треножник, о котором было сказано столь много, и который большинство из присутствующих не только видели, но и держали собственными руками. У них, помимо их воли, от волнения перехватило дыхание, сжало в горле и страстно заблестели глаза. Ещё как заблестели! Это был действительно тот треножник, конечно же, он. Величие момента было столь значительным, что всем почудилось, как в храме сейчас появятся боги, дабы присутствовать при столь выдающемся событии. Многие мудрецы в ожидании повернули головы к выходу. Но высоких гостей, а вернее хозяев, не было, они не пришли. Видимо, дали людям возможность самим насладиться истинно человеческим поступком. Ведь что греха таить, неизвестно, как бы они поступили сами, если бы треножник оказался у кого-то из них. Например, у Ареса или Гермеса, или Диониса. Уступили бы они его друг другу? Или вручили бы Зевсу, а возможно Аполлону или Афине? Неизвестно. Даже Пифия на сей счёт ничего не скажет и не знает. Но то дела богов. Людей они не касаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.